

Александр Романов

ЧЕЛОВЕК С МЕШКОМ

(Джинн другого мира)

Книга 1

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Юрьевич Романов

Человек с мешком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42623798

SelfPub; 2019

Аннотация

В затерянном посреди глухих лесов королевстве Острава политические и колдовские интриги переплелись с рыцарскими амбициями. Пропала невеста короля. Стаи оборотней рыщут по окрестностям, терроризируя местное население. Кто и зачем затеял все это? Закинутый волей неведомых сил в чужой мир, Всеволод Гаршин старается выжить и разобраться в происходящем. А все, что у него есть для этого – лишь необычный мешок, да автомат Калашникова... Содержит нецензурную брань.

Дизайн обложки – А. Романов

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО.

Часть первая Оборотни Дворанны

*Распрекрасно жить в домах,
на куриных на ногах.*

*Но явился всем на страх —
вертопрах...*

Здесь и далее эпиграфы из Высоцкого

Глава 1 Заблудившийся в трех соснах

*А мужик, купец и воин,
попадал в дремучий лес...*

Когда я понял, что все это мне не мерещится, что я на самом деле не могу понять, где иду, я остановился. Но было уже поздно: я столько плутал перед тем, что сейчас не знал, в какой стороне обратная дорога.

Немыслимо! Я заблудился в двухсотметровой лесопосадке, буквально перед собственным домом, в центре города. Это никак было не возможно, но ни единого городского звука я не слышал, не видел ни одного огонька. Только ветер шумел вокруг листьями.

Был первый час ночи. Я возвращался домой, услышал впереди пьяные голоса – и свернул в заросли от греха подальше. И ют! Да эту чахлую поросль и лесом-то назвать нельзя

– так, заросший пустырь. Ну что это – нарочно, что ли?!

Я постоял, попробовал успокоиться и подумать. Яснее, однако, не стало. Я обязательно должен был куда-нибудь выйти из этих кустов! Но до сих пор не вышел. Хотя все равно ведь ничего другого не оставалось – не сидеть же тут всю ночь?

Это просто глупо. Я пошел дальше. Может, это мне просто так ночью кажется – что вокруг непроходимые заросли? А на самом деле ничего такого нет. Как ему и положено.

Но ощущение, что мир вокруг ничем не напоминает собой рошу, по которой я ходил столько раз, было навязчиво до головной боли. А ведь я и так весь день с утра на ногах! Вдобавок не евши!..

С огромным трудом я удерживал себя на мысли, что все это какое-то нелепое недоразумение. Вроде того случая, когда, приехав в закрытой машине в глухой двор, я никак не мог сориентироваться в хорошо знакомом, казалось бы, месте.

Но то случилось днем, я все равно оставался в городе и, в общем, не так уж обеспокоенно себя чувствовал. Но теперь, ночью, голодному, путаться ногами в каких-то корнях! По минутно рискуя остаться без очков...

Тут наконец заросли начали редеть, я с облегчением выбрался на открытое место. Одновременно небо слегка расчистилось, выглянула луна и осветила все кругом. Я огляделся... И сел где стоял на подкосившихся ногах.

Если бы при этом у меня еще в глазах потемнело, я бы только обрадовался. Увы, наоборот, – только еще ярче засветилась луна. Я поправил очки, протер глаза и полез в карман за сигаретами. Здесь, как говорится, без поллитры было не разобраться.

Покурив немного, я малость пришел в себя. Я очень удачно сидел на какой-то коряге. Луна светила вовсю. А прямо передо мной стеной стояли огромные разлапистые ели. Что мне делать и как себя вести, я совершенно не знал.

Полагалось бы, наверно, захихикать истерически или за голову схватиться. Но меня не тянуло как-то ни к тому, ни к другому. Я сидел, курил и чувствовал, как где-то внутри меня нарастает лихорадочный жар.

Особенно в голове. Словно меня нагревали токами высокой частоты. Очень, между прочим, гнусное состояние. Впечатление было такое, как будто весь мир вокруг меня сворачивается в длинную, бесконечно вытягивающуюся трубу...

Лес был, был! Он торчал передо мной сплошным черным силуэтом, хотя мир свернулся так туго, что в этом свитке с трудом помещалась моя голова. Я чувствовал, как кольцами охватывает щеки, уши, череп и подбородок. Потом кольца сомкнулись совсем уж невыносимо, и я прикрыл глаза.

Тишина.

Посидев так какое-то время и все еще ощущая жар в голове, я приподнял веки.

Черная стена елей.

Все. Не избежать!

Из всего, что я знал о подобных вещах – видит бог, я и не предполагал, что когда-нибудь что-то такое может и в самом деле приключиться, тем более со мной! – вытекало мало утешительного.

Никакой подготовки, снаряжения, никакого представления о происходящем у меня не было. А ситуация сулила мало приятного даже владеющему искусством. Единственно, что я мог вспомнить обнадеживающего, так это то, что если в открывшийся проход – вот как сейчас – не входить, то останешься в своем мире.

А мне сейчас как раз ну никак уж не хотелось куда-нибудь перенестись. За эту мысль я и ухватился мертвой хваткой. Это было хоть что-то! Поудобнее устроился на коряге, закурил и приготовился сидеть до рассвета. Раздумывая в глубине души о том, как забавно будет, когда поутру эта тайга исчезнет.

Тайга не исчезла.

На рассвете я пережил самые неприятные минуты. Становилось все светлее, небо на востоке наливалось перламутром, и со страшной отчетливостью местность вокруг меня переставала быть ночным видением. Прямо на глазах обрачиваясь обыкновенной прогалиной в обыкновенном лесу. Подернутой полупрозрачной дымкой предутреннего тумана. Обыкновенное чудо, так редко видимое современным горожанином.

По причине тотальной оторванности от природы, надо полагать. Связанной с урбанизацией, цивилизацией, индустриализацией и еще бог знает с какими «циями», привнесенными нам благодатным двадцатым веком. Не считая иных причин...

Но поляна!.. В лесу!! Этого же не могло быть!!! Сказать, что я почувствовал в тот момент, что схожу с ума, – ничего не сказать. Я просто помирал со страху. Отдавал концы. И совершенно точно чувствовал, что смерть близка.

Один, неизвестно где, без оружия, без еды, а при себе только и есть что паспорт, сигареты да немного денег. Да, еще спички. И все. Я сидел, скорчившись занемевшим без сна телом, борясь с противным предутренним ознобом.

И совершенно четко осознавал, что я покойник. Все остальное было где-то за тридевять земель: в Америке, на Марсе, в туманности Андромеды. Единственное, пожалуй, с чем я еще готов был согласиться в тот момент, – это что ничем иным, кроме подобной бессмысленности, моя жизнь закончиться и не могла...

Небо поголубело. Легкий туман пробился сквозь верхушки кустов, и мир вдруг обрел окончательную реальность: листья стали зелеными, трава густой, а елки ошетинились темной хвоей.

Сверху было обычное небо. Правда все еще слишком прозрачное, но предрассветный призрачный час все-таки закончился. Наступил день. И требовалось начать что-то делать со

всем этим, как бы сильно мне ни хотелось обратного.

Хрустя всеми суставами, я поднялся с коряги. Не сидеть же на этом месте бог знает до каких пор. Это было бы просто глупо. Да и надоело. Одной проведенной здесь ночи было достаточно вполне. Хватит. Ну что делать-то будем?

Автоматически я полез за сигаретами. Хотя во рту и так уже за ночь загорчело до отвращения. Но по привычке... Странное дело: сигарет было полпачки. Ночью было полпачки, домой когда шел, точно помню, что тоже оставалось полпачки.

Потом я всю ночь курил без передыху, и вот на тебе! Неизвестно зачем я посмотрел, сколько окурков валяется у коряги. Судя по ним, я как раз полпачки и выкурил, если не больше.

Почему-то я все-таки закурил. Язык защипало сразу же, и я выбросил сигарету с раздражением. Противное состояние неизвестности снова начало заполнять меня, наливаясь тупой, чугунной тяжестью в голове.

Я бы, наверное, взбесился оттого, что ничего не понимаю, если бы от этого мог быть хоть какой-то толк. Но увы... Здесь вам не золотое детство, когда у папы с мамой за истерику можно было выманить то, что тебе нравится.

Н-да. Но что-то делать действительно было надо. И ближайшую пару часов я был занят тем, что пытался сориентироваться на местности теми способами, какие приходили в голову.

В результате эти два часа спустя я все еще шел куда-то на юг в поисках подходящего высокого дерева, на которое можно было бы влезть и оглядеться. Как ни странно, эта несложная на первый взгляд задача оказалась на практике почти неразрешимой проблемой.

Дремучесть ельника поражала. Все деревья были высокими. И нельзя сказать, что влезть хотя бы на некоторые не представлялось возможным. Я убедился в этом, засадив голову сухой корой и иголками.

Но толку от сего мероприятия вышло немного – ни одно дерево не было выше других. То есть где-нибудь такое, несомненно, имело место, вот только мне это место известно не было. Аминь.

Поляна, на которой я встретил рассвет, была, видимо, остатком какой-то старой гари. И елки на другой стороне росли даже ниже, и с них вообще ничего увидеть было невозможно.

Настроение мое сильно понизилось. Какая-то труха набилась за шиворот. Кроме того, ночь, проведенная без сна, совсем не прибавляла бодрости – и я в итоге шагал уже просто так, куда ноги идут, лишь бы не останавливаться посреди леса.

Хорошо, по крайней мере, что обут я был в туристские ботинки – по случаю наступления у нас осенних времен, – в обычной городской обуви я бы уже к вечеру остался тут без ног.

Время шло, становилось жарко. Явно здесь стоял не октябрь, как в наших краях, а что-то не в пример более летнее. Я брел и брел по лесу; перевалило за полдень, но ничего и не думало меняться.

Единственно нежелание оставаться в этом царстве мрачных шершавых стволов и тусклого света гнало меня вперед. Теперь даже оставленная мной поляна вспоминалась с сожалением – хоть какое-то открытое место!

Но я уже слишком далеко ушел, чтобы возвращаться. Да и не было смысла.

Впрочем, его с самого начала не было. Но, покуда я на ходу, есть хоть какое-то дело. А стоит остановиться – мгновенно окажешься посреди бескрайнего моря тайги в компании со своими невеселыми мыслями...

А я ясно отдавал себе отчет в том, что ничего, кроме смерти, меня здесь не ждет: один в диком лесу... Да что я стану делать, хотя бы когда настанут первые заморозки?

Сразу налетели мысли о покинутом мире. Застроенном и заселенном. Пусть дымном, тесном, издерганном, но – безопасном. По крайней мере – для меня! Поскольку там была моя комната, так нужная мне сейчас!

Там было несколько человек, с которыми мы могли понимать друг друга. Там, наконец, была девушка... Впрочем, девушка уже как раз не была. Стал бы я иначе бродить до ночи по осенним слякотным улицам? Впрочем, это теперь неважно.

На кой ляд занесло меня неведомо куда?! Чтобы помереть здесь с голоду?!

А еще, если вспомнить, в тайге имеют обыкновение водиться дикие звери...

Но... То ли лес шумел очень уж завораживающе, то ли прохлада ельника приятно успокаивала – но только я почти против собственной воли не позволял себе удариться в совсем уж безоглядную панику.

Солнце брызгало лучами меж спутанных еловых лап. Влажный запах травы оставался по-утреннему чист и свеж, а кора елей пахла смолой и сухим деревом. И не очень хотелось задумываться, что там ждет впереди.

Даже если это будет «всего лишь» голодная смерть. Я ведь далеко не Дерсу Узала и даже не Натаниэл Бампо, чтоб суметь выжить в первобытном лесу. В тайге. Как турист-любитель я это ответственно заявляю...

Лес кончился.

Я вышел еще на одну гарь, судя по всему. Или, может, вернулся на ту же самую? Впрочем, нет, та была не голубого цвета. Я удивленно остановился и только тогда понял, что поляна синя от ягод.

Сплошным ковром, от самых моих ног по всей площади! Как цветочный газон! Я никогда раньше и представить себе не мог, что такое бывает: не было места поставить ногу. Не было ничего, кроме ягод. По-моему, это была голубика.

Если я ничего не путаю. В детстве мне доводилось соби-

рать эту ягоду. Или какую-то похожую. Признаться, этот вопрос занимал меня менее всего в тот момент – в животе у меня заурчало, скулы свело судорогой. . .

Я вспомнил, сколько уже не ел, сглотнул заполнившую рот слюну, опустил на четвереньки и начал рвать ягоды горстями, набивая непрерывно рот и переползая на освобождающееся пространство.

Через несколько часов я уселся на другом конце поляны, икнул и с опаской подумал о последствиях такого обжорства. Ягоды были спелые, нежные, таяли во рту и уменьшали усталость просто на глазах.

Не знаю, сколько я съел, но теперь поляна уже не выглядела голубой. И хотя ягоды не очень плотная еда, я даже почувствовал, что сыт. Точнее, заморил червячка. Во всяком случае, жить можно было.

И хотя перспектива у меня по-прежнему оставалась самая безрадостная, я неожиданно даже повеселел. Закурив – на сытый-то желудок! – я быстро пришел к решению здесь и заночевать.

Тем паче что солнце клонилось к вечеру. Здесь была поляна, можно развести огонь, ночью будет не так зябко. А по-ди-ка попробуй запали костер прямо в лесу! Того и гляди, пожар устроишь. Да и просто здесь было как-то лучше.

Приняв решение, я с радостью растянулся на траве. Усталое тело с трудом воспринимало передышку. Каждый мускул

тупо ныл. Даже лежать неподвижно было трудно. Но все-таки так лучше, чем пробираться через нехоженую тайгу или коротать ночь, скорчившись на коряге.

Шевелиться не хотелось. В каждой мышце звенело уходящее напряжение. Ноги... Впрочем, пока ничего. Онемели только в ботинках. Что вот дальше с ними будет? Гм. А что может быть дальше? Идти придется. Вот и все. Только вот вопрос – куда? И как долго. А?..

Я вздрогнул и проснулся. Наступили уже сумерки. Воздух стал холодным, небо поблекло. Поляну покрывала глубокая тень. Лес опять выстроился темной стеной.

Спохватившись, я кинулся собирать топливо для костра. Хорош бы я был делать это ночью! Добро еще, что на другом конце поляны лежало несколько сушин. А то бы, пожалуй, был мне шиш, а не костер.

Чего бы я наготовил в темноте-то да голыми руками? У меня ж даже ножа нет с собой никакого...

Над лесом сгустилась ночь. Гулкая тишина воцарилась кругом. И снова малоприятные мысли зашевелились в голове. Даже костер не очень помог. Стоило только вспомнить, что я один-одинешенек в этой кромешной тьме, – и сразу же начинал ощущаться глухой лес за спиной.

Кроме того, хотя я и объел ягоды со всей поляны, есть мне все равно хотелось. И чем дальше, тем сильнее. Слушая, как в голодной тоске сжимаются внутренности, я с холодным спокойствием отметил, что вот это и будет причиной моей

смерти.

Голод. Не на каждом же шагу есть в лесу ягодные поляны. А больше я за весь день ничего не видел. Думать ни о чем не хотелось. Я сидел, подкидывал в костерок сучья и следил, как они превращаются в уголья.

Да еще с опаской прислушивался к звукам за пределами светового круга. Было тоскливо, и хотелось есть. Причем хотелось так, что по временам и вовсе на все становилось наплевать.

И мечталось не о корочке хлеба, как надо бы голодному, а о хорошем куске мяса. Сигареты не помогали – курить уже было противно. К тому же их по-прежнему оставалось полпачки, хотя я старался по возможности не обращать на это внимания.

Что за дурацкая ситуация?! Ну заблудился бы в тайге – это я еще понимаю, ладно! Так ведь и заблудился-то совершенно не разбери как! Ну пусть и слышал раньше о подобных вещах – но я-то тут при чем?!

Если требовалось угодить в переplet, то почему именно таким способом? Почему, зачем? И сигареты эти – они-то тут с какого боку?! Вот уж этого я совершенно не понимаю.

В довершение всех неприятностей мне стало мерещиться, что с другой стороны костра что-то отблескивает в неверном свете пламени. Металлическим блеском. С голодухи мне немедленно стало казаться, что это консервная банка.

Ничего, конечно, там быть не могло, но видение выгля-

дело таким навязчивым, что в животе началось тоскливое, тягучее урчание. Принимая во внимание ситуацию, все это подвернулось как нельзя более кстати.

Через несколько минут я готов был проклясть все. Издательство представлялось очевиднейшим. Со злобой глядя через огонь, я всеми силами старался рассеять наваждение, но ничего у меня не получалось.

Банка по-прежнему продолжала отблескивать в пламени костра. Может быть, усилия мои были тщетны оттого, что я с меньшей силой желал, чтобы что-нибудь там было. Но что там могло быть?

Я же сам там топтался, когда место для костра готовил, и знал, что ничего там нет. В конце концов я не выдержал, встал, шагнул за костер и с ненавистью пнул проклятую железяку...

Я все-таки успел удержать ногу в последний момент. А то бы ползал потом в потемках по всей поляне, эту банку разыскивая. Я успел-таки сообразить, что никакая она не галлюцинация.

Насколько сильное впечатление это на меня произвело, можно судить по тому хотя бы, что, убедившись в том, что банка есть на самом деле, я спокойно вернулся на свое место и сел.

Засунул руки в карманы и... в правом кармане обнаружил свой складной нож. В том, что он именно мой, я убедился, рассмотрев его внимательно. Само собой разумеется, без но-

жа бы я эту консерву не открыл. Естественно.

Да что же это такое! Я стукнул себя по колену. Получилось несильно. Тогда я ударил еще раз. Потом еще и еще... Нога отозвалась резкой болью, я опомнился. Ночь, костер, в правой руке нож. Все как было. И банка за костром.

Ничего не понимаю! Ну как есть ничего! Вот банка, а вот нож, который я сам оставил дома! Это-то уж точно.

Почему?!

Однако, похоже, вопросы выходили чистой риторикой. Ответов ждать было неоткуда. Но в принципе там, где есть возможность перехода, очень даже просто может быть и что-то еще.

Вот только что? Ведь я представления не имею, как банка и нож появились! Я есть хотел. Ну и что? Я вот домой тоже хочу, но продолжаю сидеть на поляне. Почему-то. Как все это объясняется? С ума же сойти можно... Рассуждая о вещах, представления о которых не имеешь. Вот уж то еще удовольствие... Я мысленно плюнул на все несуразности и занялся консервной банкой.

Внутри оказалась тушенка. Великолепнейшая тушенка, чье великолепие не поколебало даже ее необъяснимое появление. В мгновение ока я опростал жестянку и даже вычистил ее изнутри. Вылизал бы, если б смог.

Жить стало если не лучше, то веселей. Почти как говаривал дядюшка Джо. Вот как раз про меня. Хотя я по-прежнему ничего не понимал, но зато теперь был сыт, пусть и

несколько невероятным образом.

Я даже закурил с удовольствием – впервые с прошлой ночи. Подбрасывая сучья в костер, сидел и слушал окружающие звуки. Лес был исключительно тих. И, судя по всему, в этой местности не летали никакие самолеты.

И не было вблизи ни автомобильных, ни железных дорог. Я попробовал было понаблюдать за небом на предмет пролета спутников, но достаточно плотные облака не давали ничего толком рассмотреть. Да и костер не позволял отвлекаться.

Куда же меня занесло?

Следующий день прошел так же. За ним следующий. Потом еще и еще... Какая-то странная у меня началась жизнь. Я брел по лесу, не встречая никаких следов человеческой деятельности и совершенно не представляя, чем все это закончится.

То есть представлять-то я представлял, конечно...

Но тем не менее еда у меня продолжала появляться регулярно, причем самая разная. Хотя и не так часто, как я бы этого хотел. А однажды, после затянувшегося на несколько дней дождя, сырого и холодного, я обзавелся даже фляжкой.

Не то с коньяком, не то с бренди. Отличная армейская фляжка в зеленом чехле. И она теперь тоже была все время наполовину полна – так же как сигареты и спички.

И все. Хоть сломай себе голову, никаких объяснений происходящему не было. От всего этого можно было взбеситься. Да я бы и взбесился, наверное, если бы не знал уже по

жизни, что пользы от этого в моих обстоятельствах ноль.

Вот и оставалось идти – столько, сколько потребуется. А точнее, до тех пор пока не наступит конец этого путешествия. А поскольку дело шло к осени – а там и к зиме, – это означало, что через пару месяцев все так или иначе разрешится.

Так или иначе... Если, конечно, не произойдет чего-то из ряда вон выходящего. Опять же в том или ином смысле. И вообще я, видимо от всего случившегося, несколько ошалел. Потому что на происходящее стал смотреть как-то слишком по-философски.

Однажды мне наконец встретилось то самое подходящее дерево. В поисках которого я пустился в странствие.

Среди прочих деревьев это был гигант. Из одних его сучьев, я думаю, можно было бы срубить небольшой сруб для колодца, например. Ствол уходил вверх, как Останкинская телебашня, белея огромным пятном содранной коры.

У комля раскинулся великолепный муравейник едва не в мой рост. Одно слово – впечатляло. Если бы не это впечатление, я бы прошел мимо, даже не покосившись. А так полез вверх, хотя теперь уже это не имело ни малейшего значения.

Дерево впечатляло и наверху. Оно возвышалось как утес и над поверхностью леса. Здесь пел ветер и ствол ощутимо покачивался, роняя иголки в двадцатипятиметровую бездну.

Во все стороны уходили сплошным ковром зеленые волны. Давно не виденный простор восхищал. Полной грудью

вдыхая прохладный ветер, я уцепился за ветви и огляделся. Даль купалась в туманной дымке.

С трех сторон над горизонтом парили контурные росчерки горных вершин, как бы тесня, огораживая лес. С юга же в панораме имелся разрыв. И тайга уходила в него как в ворота.

Сливаясь где-то там – в дымчатой дали – с небом. Это выглядело очень красиво! Но вся красота мгновенно вылетела у меня из головы, когда вдали над лесом я увидел поднимающуюся вертикально полосу дыма.

Дым был далеко. Даже с дерева я его еле различал. Но все-таки он был. Я засек направление, спустился на землю, сел под соседним деревом, подальше от муравьиной кучи, и задумался.

Мне бы вроде обрадоваться полагалось. Но я воспринял этот дым совершенно спокойно. Тупо даже. Словно и не со мной вовсе все происходило. Словно не ждал я втайне все эти дни чего-нибудь подобного. Жить-то ведь хочется!

А с другой стороны – неизвестно, что там впереди еще ждет, возле дыма. Поди угадай! Но тут уж выбирать не приходилось: либо к дыму, либо настанет зима. И тогда... И я пошел. Деваться-то куда?

Идти пришлось долго. Дольше даже, чем я думал. И то бы я вряд ли куда пришел, если бы случайно не набрел на тропу. Сперва я принял ее за обычную звериную – они мне

часто попадались, – но тут на стволах имелись затеси. Значит, люди.

Вообще, наверное, полагалось бы волноваться. Как-никак плутал две недели с лишком в тайге. И вышел к людям! Но то ли отупел так за это время, то ли еще что, но я никак не мог поверить, что путешествие мое подходит к концу.

Так что был я совершенно спокоен. Хотя, надо признаться, то, что меня там ожидало, я совсем увидеть не предполагал.

Я вышел на пепелище.

Вообще-то это был замок. Настоящий, хотя и деревянный. Со рвом, башнями – но очень старый. Да и небольшой размером. Так, фортеция местного значения. Во рву даже воды не имелось.

Подле замка совсем недавно стояла деревня. Тоже не очень большая. Дым от нее я и видел. А все, что осталось, лежало черными, обугленными кучами. Тут-то я, пожалуй, пожалел наконец, что угодил сюда. Но было уже поздно.

Над замком летало воронье. Воронье каркало над пожарищем же. За деревней, на околице, я увидел людей. Но только подойдя ближе, понял, что они заняты похоронами.

Меня подвело мое плохое зрение: слишком близко я подошел, чтобы разглядеть, что момент для моего визита не самый подходящий. А когда понял – меня уже тоже заметили.

Ситуация получилась глупейшая. Я только в тот момент осознал, что не знаю языка этих людей. А они – моего. Обы-

чай опять же... Одежда на них была явно классическая средневековая, в моем понимании, – какие-то холстины да кожи.

Облик типично крестьянский. Здесь присутствовали и старые и молодые. Мужчины, женщины, старики, дети. Солнце, разливая в воздухе золотую тоску, клонилось к горизонту, сильно пахло гарью.

Я смотрел на людей, люди – на меня. И вид у них был такой, словно я невесть какое чудо о десяти головах. И чем дальше мы глядели друг на друга, тем сильнее я чувствовал, в насколько же дурацкое положение угодил.

Я совсем было уже собрался повернуться и уйти обратно в лес – почти как гиппопотам в одной небезызвестной песне, – когда из толпы вышла женщина, подобротней и побогаче одетая, и, встав впереди, обратилась ко мне с каким-то вопросом.

В совершеннейшем замешательстве я понял, что обращается она ко мне по-русски!

– Кто вы? – спросила она. – И что вам здесь надо?

Замешательство продлилось необычно долго, поскольку я в такой ситуации попросту не мог сообразить, что отвечать. В конце концов я выдавил из себя:

– Извините меня, я нездешний... Я попал сюда издалека... Долго шел лесом... Не могли бы вы мне помочь?

Лепет мой бессвязный, понятное дело, не вызвал ни у кого восторга. Женщина же – тут я разглядел, что она очень молода и только следы копоты на лице прибавляют ей лет, –

нахмурившись, отвечала:

– Не в лучшее место вы обратились, сударь... Мы сами в затруднительном положении. Боюсь, что ничем не сможем помочь вам. Более того – скоро здесь опасно будет оставаться. Особенно незнакомцу вроде вас...

От этих ее слов все во мне померкло с нехорошей быстротой. Но пугайся хоть десять раз – от этого все равно ничего не изменится. Что-то надо было делать. Я напряг свои мозговые извилины и спросил:

– Может быть, тогда вы можете мне сказать, куда бы я мог направиться?

Вопрос прозвучал весьма бледно. Моя собеседница внимательно посмотрела на меня.

– Вам некуда? – спросила она. – Почему? Что произошло с вами?

– Я не знаю этих мест и этого края, – ответил я. – Я вообще не представляю, в какой стране нахожусь!

Тут уж удивление ясно выразилось в моей собеседнице. А в толпе произошло какое-то оживление.

– Но как же это может быть? – недоуменно спросила она. Я в затруднении задумался. Как объяснить?

– Не знаю, – ответил я в конце концов. – Каким-то образом я очутился в лесу, к северу отсюда. Две недели плутал, пока вот не пришел сегодня сюда...

Тут девушка даже мигнула.

– То есть, – сказала она, – вы хотите сказать, что ваша

страна находится на севере?

Но уже по самому этому вопросу я понял, что за ним кроется какой-то другой смысл. Нетрудно было догадаться, что появление мое с севера совсем не обычное дело. Я ответил:

– Я не знаю, где находится моя страна, – и добавил: – Боюсь даже, что здесь у вас ее совсем нет.

На секунду возникла пауза. Потом девушка спросила:

– Так вы... колдун?

– Нет... – Отвечая, я лихорадочно попытался сообразить, почему она об этом спросила. – Не колдун...

– Но тогда как иначе объяснить все, что вы говорите? – задала она новый вопрос. – Или, может быть, вы были околдованы?

Я даже рот разинул, слушая ее. Уж чего только не обещали мне все чудеса с тушенкой, фляжкой, спичками и сигаретами, – казалось бы, чему удивляться? Но это было удивительно – стоять и слышать такое предположение запросто, как единственно возможное. Но тут из толпы протолкался какой-то звероподобного вида мужик, хмуро глянул на меня и обратился к девушке:

– Госпожа... Это шпион, он подослан, чтобы задержать нас здесь!

От этих слов мне стало не по себе. Дело оборачивалось скверно. Стараясь не поддаваться страху, я взял себя в руки и сказал как можно тверже:

– Можете считать меня кем хотите, но я действительно две

недели шел по лесу и понятия не имею, где нахожусь!

– Нет, он не шпион, – ответила девушка, задумчиво меня разглядывая. – Подсылать шпиона так – просто глупо. Он действительно ничего не знает. Скажите, – обратилась она ко мне, – вы идете из...

Последнее слово она произнесла неразборчиво. И еще до того, как я раскрыл рот, чтобы попросить повторить, я по ее лицу понял, что она поверила.

– Что же вам теперь делать? – спросила она задумчиво. – Здесь оставаться не стоит. Один ваш вид привлечет внимание кого угодно...

– Так я бы и хотел только узнать, как мне добраться до какого-нибудь безопасного места! – подхватил я. – Больше мне ничего не нужно!

– Да, конечно, – согласилась девушка со мной, но как-то рассеянно, о чем-то раздумывая.

Давешний мужик опять приблизился и заговорил предостерегающе:

– Госпожа Рэра... Что вы хотите делать? Никто из нас не знает этого человека. А вдруг он все-таки шпион Потура? Мне он не нравится!

Еще бы я ему понравился. Будь я на его месте, а он на моем – он бы мне еще меньше понравился... А собеседницу мою, значит, Рэрой зовут. Странное какое-то имя. Не слышал прежде...

– Этот человек обратился к нам за помощью, Слейф, –

ответила Рэра строго. – Он чужой здесь, это видно. И оставаться тут ему тоже нельзя. Разве мы можем отказать ему?

– Но госпожа моя... – начал было тот, кого она назвала Слейфом, но Рэра перебила его:

– Это решено! Мы не можем отказать человеку в помощи!

– Но послушайте, – вмешался я в их распрю, – если это для вас трудно, то, ради бога, не беспокойтесь! Укажите мне только дорогу, и я доберусь сам!

Но ответить мне уже никто не успел. Ни Слейф, ни Рэра, потому что в этот момент события рванулись вперед, точно окупая ту медлительность, с которой они тащились предыдущие две недели.

В толпе возник какой-то переполох, донеслись неясные возгласы, совершенно взволнованный паренек протиснулся к нам.

– Госпожа Рэра, они едут! – выпалил он запыхавшись и уставился на меня.

На секунду возникла пауза, а потом все разом пришло в движение. Толпа кинулась куда-то в деревню. С Рэрой возле меня осталось несколько человек. В мгновение ока у всех откуда-то взялись котомки, оружие – длинные ножи, топоры.

Похоже, девушка была здесь за старшего. Небольшой группой, обойдя деревню задом, мы прошли мимо замка и двинулись в лес. Причем таким темпом, что я, за день отмахавший уже изрядно, начал опасаться, угонюсь ли за моими спутниками.

Безусловно, это были тренированные ходоки.

Когда мы проходили мимо замка, я обернулся, разглядывая кондовые, потемневшие от времени бревна стен на каменном фундаменте, – укрепление было возведено по-настоящему, не бутафорски. И, видимо, очень давно.

И как раз в противоположной стороне, за деревней, из леса стали выезжать верхами какие-то люди. Какие – я с моими глазами различить не мог, даже в очках. Но это затруднение в тот же момент разрешил давешний Слейф.

Мигом оказавшись рядом и сверля меня при этом взглядом, он пообещал:

– Если только ты попробуешь отстать или подать знак... – Он кивнул назад и выразительно потянул из-за пояса внушительный топор с длинным, окованным железом ратовищем.

Я оглядел его зверовидную физиономию, темную, как земля, и всю заросшую жуткой бородой, и решил, что он, наверное, был здешним кузнецом.

– Хорошо, – пообещал я ему.

– Слейф, – донесся голос Рэры, и сверлящие меня глаза сделались нормальными. Бросив косой взгляд в сторону деревни, он еще раз оглядел меня с ног до головы. Сказал:

– Я не верю тебе. Будешь рядом со мной. Пошли! – и, схватив меня как клещами повыше локтя, потащил вперед, в голову маленького отряда. Пожалуй, он таки действительно был здешним кузнецом.

Мы продрались через какой-то ивняк, быстро, почти бегом, миновали открытое пространство и нырнули в чашу. Здесь стало поспокойнее. Но все равно все спешили как на пожар. Впрочем, чему удивляться?

Гораздо серьезнее стоило задуматься о причинах такой спешки. Куда я попал? Что это за страна, место, деревня или, в конце концов, параллельный мир?! И в какую заваруху я угодил уже здесь, с самого, так сказать, начала?

Вот только времени для рассуждений было не очень много. Торопясь, мы гуськом скользили между стволами. Слейф отпустил меня, но все время следил, чтобы я был рядом. Так мы почти бежали примерно с четверть часа.

Затем местность ощутимо пошла вниз, пахло прохладой. Лес поредел, и впереди между стволов мелькнула река. Не очень большая, но достаточная, чтобы воспользоваться лодкой для бегства.

Не замедляя шага, мы стали спускаться по крутому, поросшему кустарником откосу. Ноги скользили, приходилось изо всех сил цепляться за ветки кустарников, и я даже толком не заметил, когда спуск закончился.

От неожиданного удара сзади я полетел кувырком и, ничего еще не успев сообразить, понял, что произошло самое страшное для меня – я остался без очков...

На какое-то время я, видимо, потерял сознание. Потом очнулся и почувствовал, что меня поднимают рывком и ставят вертикально. Перед глазами что-то мелькало. Сосредо-

точившись, я понял, что стою, кем-то поддерживаемый за руки, что я без очков и что кто-то стоит передо мной.

– Кто такой? – услышал я вопрос. Ни к кому другому, кроме меня, вопрос относиться не мог. Я помотал головой, пытаясь избавиться от нехорошего ощущения, что мозги у меня из пробкового дерева. Нельзя сказать, что это мне помогло, но я вспомнил, что могу говорить.

– Ради бога! – торопливо попросил я. – Тут где-то мои очки! Они упали! Я без них ничего не вижу! Дайте мне найти их!

– Что? – тоном, не обещающим ничего хорошего, произнес спрашивающий и рукой ухватил меня за лицо. Повернул мою голову к себе. – А меня ты видишь?

Во мне все перевернулось и заняло от такого тона – влип-таки в историю, влип! Ведь не хотел же сюда! Не хотел же!.. Ведь чувствовал! А теперь что?

– Вижу, – ответил я ему, с трудом переглотнув. – Но это же только вблизи, в общих чертах... – Пальцы сдавили мне лицо, и я смолк.

– Не морочь мне голову, – с расстановкой сказал он. – Трусов и лгунов вроде тебя я вижу насквозь... Говори быстро и без уверток – кто ты такой?!

Это было совсем плохо. Завернутые за спину руки загнули аж чуть не к лопаткам. При этом державшие меня все время сопели и всхрапывали. Не то от удовольствия, не то от хронического насморка.

Совершенно невольно я вспомнил Слейфа с его железной хваткой – по сравнению с этими ребятами он обращался со мной просто по-божески. Но что я мог им всем ответить, кроме того, что было на самом деле?..

– Да я попал сюда совершенно случайно! – начал объяснять я, с тоской предчувствуя, что ничем хорошим это не кончится. Но, может быть, удастся все-таки объяснить? – Я две недели бродил по тайге...

Объяснить мне не дали. Пальцы на лице опять сжались, на этот раз сильнее.

– Я тебе сказал не морочить мне голову? – со зловещим шипением переспросил он.

– Бокут! – донеслось откуда-то сбоку. – Погляди-ка чего...

С толчком отпустив мое лицо, спрашивавший отошел, коротко бросив:

– Связать!

Державшие меня тут же обмотали мне туловище и руки веревкой. Я не сопротивлялся. Какой смысл? Связав меня, один из двоих ушел. Второй остался, не спуская с меня глаз и не снимая руки с рукоятки меча.

Насколько я мог рассмотреть, это был достаточно молодой парень. Крепкий, темноволосый, перетянутый ремнями. Одетый в какую-то кожаную рубаху с бляхами, из-под которой виднелась шкура неизвестного мне зверя мехом наружу.

Его, видимо, в свою очередь очень интересовала моя одежда, но никаких попыток ознакомиться поближе он не предпринимал. Выражение же его лица мне очень не понравилось – насколько я опять же мог рассмотреть его без очков.

Слишком знакомый у него был взгляд – уличной шпаны, прекрасно мне известный по детским впечатлениям. Вид этого охранника все время, пока мы стояли с ним, ожидая неизвестно чего, вызывал во мне непреодолимо мерзкое чувство какого-то прямо-таки гадского страха. И это несмотря на то, что он ни словом, ни движением никак не выказал каких-то своих намерений. Все они были написаны у него на лице...

Вернулся Бокут. Быстро отодвинул в сторону охранника и сунул мне под нос... мои очки! Целые и невредимые! О, какая это была радость!

– Это твое? – резко спросил он.

– Да, это мои очки, – сказал я. – Я говорил...

Бокут резко убрал очки за спину. Глаза его впились мне в лицо.

– Ты колдун? – произнес он с угрозой.

Да что же это такое, подумал я, чего им всем в голову взбрело?!

– Да нет же! – Я вздохнул. – Я не колдун! Я здесь случайно! Я же говорил уже!..

Прищуренные глаза Бокута блеснули сталью – у меня аж сердце сжалось, – и он холодно спросил:

– Дурака со мной хочешь валять? Ничего, это недолго! – И, слегка повернув голову, позвал: – Рыбец!

Охранник тут же подскочил к нам.

– Отведи его в замок. К остальным. Да смотри в оба глаза! Птичка интересная... А чтоб пропала у него охота чепуху молотить – вломи ему как следует! – Сказав все это, Бокут повернулся и ушел, оставив меня в полном отчаянии – без очков и умирающим от страха.

Я посмотрел на Рыбца. Он, улыбаясь жуткой улыбкой, что-то поправил в своей амуниции и не спеша шагнул ко мне. В моем распоряжении были только ноги, но бежать представлялось позорным, а ударить его я не мог: и без толку, и все равно лишь обозлю...

– Ну что? – спросил он лениво и, взявшись одной рукой за веревки, рывком развернул меня в свою сторону.

Сколько ни убеждай себя, что бояться унизительно, – все равно против воли будешь всегда уворачиваться от ударов. Я отдернул голову... но Рыбец лишь только слегка потыкал меня кулаком в скулу, усмехаясь.

Пошлепал по лицу раскрытой ладонью, отпустил... Я невольно почувствовал облегчение. И тут же получил легкий, какой-то играющий удар по лицу. Это было небогато – исключительно неприятно, обидно.

Я отвернул лицо снова – и тут же получил еще раз. С другой руки. Теперь уже чуть сильнее. Выражение лица у Рыбца было скучающее... От унижения все внутри у меня просто

свернулось – вот, вышел, называется, к людям! Мерзавцы! Так с человеком обращаться...

– Че морду воротишь? Че воротишь, сопля гнилая? – тыкая мне в лицо кулаком, приговаривал Рыбец с отсутствующим видом. Я дергал головой, уворачиваясь. – Че воротишь, я тебя спрашиваю, – повысил он внезапно голос, перешедший разом в рев, – а?!

Я не успел испугаться этого вопля – все тело от живота до лопаток точно огнем прожгло. Не знаю даже – закричал я или нет от боли, не помню даже, как упал. Из глаз текло, в паху страшенно резало.

Убил, сволочь! – полыхало в мозгу багровым от боли светом. Убил! Я даже все остальное перестал замечать – даже продолжавшие сыпаться удары. Только чуть погодя сообразил, что все эти толчки – пинки по ребрам, спине, голове...

Наконец последовало еще несколько толчков – и все стихло. Я, скорчившись, прятал голову в траве.

– Вставай, – отдуваясь, произнес надо мной чей-то голос. Рыбец.

Я осторожно попробовал пошевелиться, но боль всплеснулась с новой силой, и я, всхлипывая, снова скорчился.

– Встать! – проревел Рыбец визгливо, и я получил еще пару пинков. Скуля и подвывая, я начал подниматься. Господи, вроде все было цело! В висках колотило как отбойными молотками, голову разламывало, в паху все еще болело и каждое движение вызывало слезы.

Дрожа и шатаясь, я поднялся на подгибающихся ногах. По лицу потекло что-то теплое... Кровь. Голову разбил, подлец. Я облизал разбитые губы и почувствовал, что с подбородка капает соленое. Слава богу, кажется, по ногам ничего не стекло.

– Пошел, – без предисловий рванул меня Рыбец за веревки, и я поневоле заковылял непослушными ногами, вообще почти ничего не видя перед собой сквозь наплывающий туман.

За что?

За что?!

За что?!!

Ну почему? Что я такого сделал? В чем виноват? По какой причине встретился я с этим скотом, что им, друг друга мало или других дорог нет?! Почему обязательно оказаться здесь должен был именно я?! За что?

– Не спотыкайся, яма поганая! – достал меня окрик Рыбца. – Чего тащишься, как вошь беременная? А ну давай шевелись! А не то я тебе сейчас в задницу сук обломанный вколочу и так с ним до самого замка бежать заставлю! Понял? – Он весело засмеялся беззаботным смехом свободного человека.

И только бесшабашный пинок, подвинувший меня вперед по тропе, дал мне понять, что это несколько более шутка, нежели угроза.

Я думаю, нет надобности в итоге говорить, что я думал к

моменту прихода в замок об этом новом этапе моих неожиданных приключений.

Всю обратную дорогу до замка я употребил на то, чтобы взять себя в руки. Чувствовал я себя непереносимо, отвратительно и страшно. И вдобавок ничего не видел. Правда, это, может быть, даже было и к лучшему.

Замок встретил нас тусклым светом факелов – уже наступил вечер. На дворе сновали какие-то люди, стояли телеги с запряженными лошадьми, откуда-то доносились явно пьяные голоса. От одной из телег мы прошли совсем близко, и я разглядел торчащие из-под рогожи руки и ноги.

Подле стенки стояла группа людей. Рыбец подвел меня к ним. Здесь я увидел Рэру. Стоя на коленях, она перевязывала голову кому-то лежащему. Остальные в этой группе были охранники.

Когда мы подошли, девушка бросила на меня быстрый взгляд и снова вернулась к раненому. Кто это, я рассмотреть не мог. Но комментировать и так было нечего. Я потоптался немного на месте, потом, с трудом согнувшись, сел.

Но тут же получил пинок от Рыбца.

– А ну вставай! – приказал он. – Сморчок вонючий! Расселся...

С еще большим трудом, чем садился, я стал подниматься. Чувствовал я себя отвратительно. Рыбец вызывал у меня озноб.

– Слушай, ты, куриный зад. – Рыбец вплотную приблизил

ко мне лицо со страшно остановившимися глазами. – Чтоб без моего приказа ни сесть, ни встать, ни шагу шагнуть не мог! Понял, ты?! Не то заставлю вообще на одной ноге стоять и не шевелиться! Ясно?

Я осторожно выдохнул воздух и сказал как можно более ровным голосом:

– Ясно...

– То-то. – Рыбец еще пару мгновений посверлил меня своим неподвижным взглядом, потом отодвинулся. Но тут вдруг раздался голос девушки.

– Мерзавец, – сказала она так уверенно, что я даже испугался. – Все вы только и умеете, что воевать с безоружными! Сам Потур – пес, и люди у него такие же псы!

Хорошо, что было уже темно, – никто не видел, как я покраснел. Рыбец дернулся, но почему-то никак более не отреагировал. Охранники же восприняли демарш на редкость спокойно, что меня несколько удивило.

Рэра встала и двинулась прямо на Рыбца, хищно поднимая руки с изогнутыми криво пальцами.

– Ну попробуй! – сказала она с вызовом. – Попробуй справишься со мной – у меня-то руки не связаны!

Двое охранников все же шагнули к ней, но как-то мягко, скорее загораживая дорогу. Да, похоже, здесь с этой девушкой считались. Рыбец, схватившийся было за рукоять меча, отступил, отойдя в сторону и сплюнув.

– Сука... Токово отродье...

Но девушка уже словно забыла о нем, повернулась спиной и направилась ко мне.

Ничего не говоря, она осторожно чем-то мягким вытерла мне лицо и разбитые губы. Потом подвела к лежащему раненому, усадила и принялась ощупывать мою залепленную кровью макушку.

Я молча сидел, стораю со стыда. Девушка же, казалось, не обращает ни на что происходящее никакого внимания, всецело поглощенная своим занятием. У меня перед глазами в такт ее движениям равномерно колебался тесный лиф ее платья.

Что не добавляло мне самообладания. У меня в висках заломило так, что я даже вытерпел, когда ее пальцы двигали на черепе содранную кожу, выскребая грязь из раны. Проморгавшись от слез, я произнес, с трудом разлепляя губы:

– Спасибо...

Но она без слов оставила меня и вернулась к лежавшему раненому.

Вот так вот. Я покашлял, прогоняя неловкость – сколько получалось, и тут вспомнил, что у меня же имеется чем подкрепиться!

– Послушайте... – позвал я девушку. – Возьмите фляжку. У меня на поясе.

Охрана, как ни странно, никак не стала нам препятствовать – видимо, предыдущий демарш возымел какое-то действие. Рэра без помех отцепила у меня фляжку и с некото-

рым затруднением, после моей подсказки, отвинтила колпачок.

– Осторожнее, это крепкое, – предупредил я.

Но я ее опять недооценил – прежде всего она дала отпить мне самому. С наслаждением я проглотил порцию обжигающей жидкости. Волна тепла разом покатилась по телу. Рэра тоже поднесла фляжку ко рту, сделала глоток, но тут же, поперхнувшись, быстро придавила горло рукой.

– Я же предупреждал, – напомнил я.

– Я никогда не пила еще такое крепкое, – сказала она. – Прямо как огонь обжигает! Оно с чем-то смешано?

– Нет. Наоборот... – Я замялся, сообразив, что затрудняюсь рассказать о сущности спирта, если здесь он неизвестен. Промучившись пару секунд, махнул рукой и закончил: – Раненому дайте – ему это должно быть как раз полезно.

Кивнув, девушка склонилась над лежащим. В это время откуда-то из темноты донеслось:

– Эй! Стражники! Девку вместе с этой падалью в подвал! А этого – к Ветрибу!

Охрана пришла в движение. Рыбец угрожающе надвинулся на меня, и я поднялся. Рэра, выпрямляясь, протянула мне фляжку.

– Оставьте себе, – сказал я, кивнув на лежащего. – Вам с ним нужнее.

– Благодарю вас... сударь. – На этот раз она посмотрела на меня чуть пристальней, но охрана уже разводила нас в

разные стороны.

Рыбец достаточно вежливо на этот раз, без пинков и подзатыльников, рывком за веревки указал мне направление, и мы пошли с ним. Сделав несколько шагов, я обернулся, но рассмотреть уже не смог ничего – без очков же!

В просторном зале горел камин. За огромным столом в живописном беспорядке бражничали человек сорок. По стенам дико плясали тени и хриплые, пьяные голоса вызывали в памяти ассоциации, ничего приятного не обещающие.

Рыбец провел меня в дальний конец стола, где на возвышении стояло большое массивное кресло, а в нем восседал какой-то человек в широком плаще темно-красного цвета.

Перед ним мы остановились. Очевидно, это и был Ветриб. Какое-то время он молча разглядывал меня. Я, со своей стороны, был лишен такой возможности – ввиду отсутствия очков – и просто стоял, насколько это возможно, спокойно.

– Это и есть токовский колдун? – скорее констатировал, чем спросил, человек в кресле.

– Я не кол... – Сильный тычок в спину перебил меня, и голос Рыбца над ухом прошипел:

– Заткнись!

– Наверняка. Только не сознаётся.

Голос показался знакомым, и, подумав, я сообразил, что это, должно быть, Бокут. Тот, что сидит рядом с возвышением, у края стола, именно с ним и заговорил Ветриб, а отнюдь

не со мной и не с Рыбцом.

Положение выходило дурацкое, глупее не придумаешь – все принимают меня за кого угодно. И совершенно, нисколько не желают слушать! Оно, конечно, вроде бы смешно, но мне как-то в тот момент было совсем не до смеха.

– Но сам его вид, – продолжал Бокут, – и потом то, что мы у него захватили... только у колдуна могут быть такие вещи!

– Да не колдун я! – Я вдруг понял, что так удивило во мне крестьян и Рэру во время первого с ней разговора. И почему она спрашивала, не колдун ли я. Более того, я понял, что она имела в виду, когда сказала, что оставаться здесь мне будет небезопасно! Я хорошо это понял! – Послушайте! Я очень издалека! Там у нас все так одеваются! Я только не знаю... что-то со мной случилось – и я попал сюда, к вам! Я понятия не имею, где нахожусь...

Я торопился, стараясь обратить на себя внимание – уж слишком неприятным образом стало все оборачиваться. Мне совсем не улыбалось оказаться заподозренным в колдовстве, тем более что никогда этим не грешил.

Я даже перестал обращать внимание на Рыбца, который, чтобы утихомирить, тряс и колотил меня в спину весьма изрядно. Пока он, отчаявшись, не звезданул чем-то сзади меня по голове так, что я на какое-то время совсем отключился.

Когда я пришел в себя – видимо, почти сразу же, – Рыбец поддерживал меня в стоячем положении за веревки, а Ветриб говорил. Моего обморока, судя по всему, они не заме-

тили.

– Я ничего не понимаю в этих ваших колдовских вещах...
– услышал я снисходительный голос Ветриба, и на сей раз, похоже, он обращался именно ко мне. – Так что ты совершенно напрасно стараешься меня запутать своими словами!

Речь его звучала почти ласково, по-доброму даже, с совершенно неуместной здесь интонацией. И от этого несоответствия я почувствовал такую непроходимую глухую тоску, что сразу понял – дело безнадежно. Ой плохо...

– Вот завтра Залиба вернется – ему ты все и расскажешь!
Залиба – наш колдун. Он умеет спрашивать. Ему еще никто не солгал. А Котубар ему поможет. Котубар!

С дальнего конца стола поднялась какая-то фигура и двинулась к нам. При ближайшем рассмотрении я с содроганием понял, что представлять эту гору мяса нет необходимости – род его занятий читался по внешнему виду без малейшего труда.

– Посади-ка, – обратился к нему Ветриб, – этого... Да смотри – получше посади! До приезда Потура в замок. И смотри! Сполна спрошу, если что! Понял?

Котубар в ответ слоноподобно поклонился, ни слова не говоря. И они с Рыбцом повели меня прочь из пиршественной залы. Я шел как в бреду, автоматически переставляя ноги. Жуткая перспектива, представленная мною, почти начисто отбила у меня всяческое соображение.

Глава 2 Стены высокого замка...

И бледнел я на кухне разбитым лицом...

Кромешная тьма. Холодный камень. Мертвая тишина. И твердить, что я больше не могу, никакого смысла. И биться головой о стенку – тоже. Я готов был бы зареветь, как в детстве, я даже уверен был, что мне от этого полегчает, – но не получалось.

Как назло. Ой худо мне было! Ой плохо! Отвратительно. Страшно. Никаких иллюзий относительно допроса у меня не было и в помине. Стоило один только раз на этого Котубара посмотреть. Колдуна же они наверняка будут допрашивать с особым пристрастием.

В довершение всего связанные руки затекли, и я их уже не чувствовал. Холодный камень не освежал – жег, как сверхнизкая температура. Скорчившись, я переползал из угла в угол, стараясь хоть где-нибудь приткнуться. Мозг пылал.

Это была почти агония. Но при всем том я продолжал ясно сознавать происходящее. Настолько ясно, что содрогался, думая о том, что меня ждет, если и впредь я не утрачу этой ясности.

Господи! Почему, за что? И ведь бессмыслица сплошная! Зачем нужно было попадать в другой мир? Чтобы в нем погибнуть?! Другого-то способа что, не было?! И что совсем уж хуже всего – у меня ведь все время так!

По жизни! Либо бессмыслица какая, либо – облом. Вот

как сейчас. Шел к людям и... на тебе! Хотя так круто, конечно, не случилось, но если подумать, то чему удивляться? И ведь даже не поплачешься о напрасно загубленной жизни!

Поскольку ничего особенного-то в той жизни и не было. Так... Как у всех – так же и у меня. Чему-то учился, где-то работал. А глянь поглубже, и что? Вот то-то же.

Не понимаю. Не понимаю! Зачем я тогда в этот долбаный переход угодил?! Должна же быть хоть какая-то справедливость на белом свете! Вот так вот сидеть и точно знать, что тебя ждет пыточный застенок! И что даже и выдать-то тебе толком никого и ничего нельзя, поскольку попросту нечего! Да пропади оно все!

Наверное, я все-таки отключился на какое-то время. Потому что, когда я открыл глаза, в камере обнаружилась крохотная отдушина. Где-то под потолком. И в нее проникал бледный, рассеянный свет.

Скрипя, как старый шкаф, всеми суставами, я зачем-то поднялся и почувствовал, что веревки на мне ослабли. Потребовалось совсем немного, чтобы освободиться. Освободиться... Я беззвучно расхохотался.

Тем не менее, несмотря на всю ужасающую перспективу, я почувствовал себя почти счастливым. Только руки онемели так, что висели как плети. Зато по крайней мере можно было без неудобства ходить.

Что я и не преминул сделать, охая и хромая. После вчерашнего каждый мускул, казалось, болел на свой лад. После

вчерашнего?.. Да ведь уже день! Ерш твою! Значит, уже сегодня?..

Меня мороз продрал. Но, видимо, в беспамятстве я все-таки отдохнул немного – отчаяние захватило меня не так сильно, как ночью. Но все равно: стоило вспомнить этого Рыбца или Котубара – все внутри так и сворачивалось. Чего бы я только не дал, чтобы вновь очутиться в нашем обрыдшем мире!

Руки вроде начали отходить. Я все еще бродил по камере, передвигаясь в основном почти на ощупь. На ногах как-то выходило веселее. Наверное, надо было делать что-то, искать какие-то пути к спасению.

Но какие? Камера – глухой каменный мешок с железной дверью и малюсенькой отдушиной в потолке. Кинуться на них, когда придут? Ага! Один-то – на троих! Мертвым притвориться? Как граф Монте-Кристо. Еще того лучше.

Но что тогда? Что?! Объяснить им все? Пробовал уже! Не слушают! Очки для них – колдовской, видите ли, инструмент. А я, следовательно, колдун! Птица важная. И уж они постараются, чтобы я выложил все, что знаю.

А что я знаю?! У меня же никакого абсолютно представления нет о том, что 'здесь творится! Я даже соврать-то им толком не могу!..

Соврать? Я остановился. В этом был какой-то смысл. Только вот какой? Объявить себя действительно колдуном, наплести с три короба и запугать их всех? Так опять же – не

знаю, что плести.

Не янки, чай, при дворе короля Артура. Тогда что же? Что? Обещать им золотые горы? Но опять же чем таким я могу их заинтересовать, если ничего про здешнюю жизнь не знаю?

Проклятие! Проклятие и проклятие! Ну что тут можно придумать?! Опять повторяется все как в нашем мире! Только теперь гораздо хуже. Оказывается, без бетонных городов, дорог и электричества недостает еще и безопасности!

Не слишком ли большая плата за первозданные тишину и покой?.. Стоп! Я вдруг понял, что у меня есть что предложить этим средневековым троглодитам! Чем их заинтересовать! Да ведь я же для них должен быть самым настоящим кладом!

Ведь худо-бедно, а я как-никак в двадцатом веке родился и в школу ходил! Кое-чего знаю! А здесь глубоко допромышленная эпоха! Технологии самые примитивные!

Огнестрельного оружия у них нет, это совершенно точно. И если я пообещаю им сделать порох!.. А я его сделаю!.. То тогда... тогда... Ну быть того не может, чтобы это их не заинтересовало!

Придется, правда, потерпеть немного сначала, когда эти идиоты явятся. Но ничего! Потерплю! Сдамся на милость. Покаюсь. Умолять буду, если потребуется, кричать, начальство требовать.

Служить поклянусь верой и правдой! Объясню, что вчера

еще не понимал ничего – да так ведь оно и было! – а теперь подумал и сообразил! В конце концов, выяснить, что я не имею никакого отношения к замку, проще простого!

Меня же видела вся деревня – как я из леса выходил! Как я раньше-то не сообразил! Ну теперь уже легче... Теперь эти недоумки должны будут поверить – не все же там такая мразь, как Рыбец и Котубар!

Этот ихний колдун, да и этот – как его? Потур? – должны же иметь головы на плечах?

Я приободрился и принялся вновь расхаживать по своему узилищу. Эйфория малость поулеглась. Произошло это не без помощи моих собственных рук: только онемение начало проходить, словно миллионы иголок вдруг впились в меня разом, я начал, охая, массировать непослушные мышцы, а вместе с болью вернулась и память о вчерашнем дне. И снова заныли отбитые места, и я со страхом подумал о встрече с Рыбцом и Котубаром.

Да еще с колдуном, который умеет «спрашивать»... Попробуй убеди их в чем-нибудь! Точнее – разубеди. Они же втемяшили себе в башку, что я колдун. Холод подвальных камней снова добрался до моей спины.

До сих пор ни одного человека здесь не удалось заставить выслушать меня. Поверят ли теперь? Ох не знаю! А не поверят... Я только поежился. Спокойно, спокойно.

Что уж теперь-то? Сейчас я по крайней мере знаю, что делать собрался, – иду поступать к ним на службу. Прошедшей

ночью куда хуже было! Так что жди и терпи – а там посмотрим!

Глаза мои постепенно приспособились к темноте, и я смог получше разглядеть свою конуру. Она оказалась квадратная и довольно большая. В стенах торчали грубые металлические кольца с ржавыми цепями.

У стены, под отдушиной, размещалось что-то вроде широкой каменной лежанки, жидко присыпанной истлевшей соломой. Впечатление было такое, что помещением лет сто не пользовались.

А может, и действительно не пользовались. Камера располагалась в самом низу замкового подвала, и Котубар наверняка посадил меня сюда специально. Ему же велено было запереть меня понадежней! Ублюдок...

Разглядывая мерзкую даже на вид лежанку, на которую и лечь-то представлялось сомнительным, я заметил в перепревшем ворохе что-то белое. Череп, не иначе. Не без дрожи разворошил труху...

И не поверил своим глазам.

Передо мной оказался толстый пакет размером с книгу примерно. Но самое невероятное заключалось в том, что пакет этот был из газетной бумаги! Из газеты!! Я схватил его и моментально разорвал.

Внутри лежал еще один пакет, из непромокаемой парафиненной бумаги. Остро резанул ноздри неестественный, такой инородный здесь запах смазки. Уже догадываясь, что

там может быть, я с бьющимся сердцем развернул и его.

В руках у меня оказался, непроницаемо чернея воронением, стандартный армейский «Макаров» и три запасных обоймы к нему.

Время шло. Слабый свет из отдушины не нарушал тишины. Я, наверное, минут пять стоял совершенно столбом, полностью забыв, кто я, что, где и почему. И тупо рассматривал пистолет.

Потом вспомнил тушенку первой ночью. Фляжку с бренди, другие консервы, которые потом появлялись еще несколько раз. Вспомнил и понял, что ничего не понимаю. Как есть ничего.

Как совершенно не мог понять, почему однажды в лесу вместо консервов объявился мятный вафельный торт, который я терпеть не могу. Правда, тогда я умял его за милую душу. Сигареты опять же, спички... А один раз какая-то пижонская зажигалка в виде перстня появилась!

Э! Вспомнив про сигареты со спичками, я тут же припомнил, что и то и другое при мне. Меня ведь не обыскивали – забрали только очки! А вспомнив про сигареты, я понял, что зверски хочу курить, просто помираю!

Прижав бумагу с пистолетом к груди, я одной рукой с необычайной ловкостью и виртуозностью вытащил сигареты и спички и закурил, присев на каменный край лежанки.

Сосредоточенно затянулся, стараясь устроиться поудоб-

нее. И тут же от неожиданности вскочил. Потому что мне показалось, будто я сел задом на патрон от «Макарова», выкатившийся из обоймы!

Бред, конечно. Ничего ниоткуда выкатиться не могло. Просто что-то лежало там же, где и пакет, на краю лежанки. Посветив спичкой, я взгляделся и обнаружил, что это перстень. Тот самый.

В меру массивная печатка. Вроде из серебра. Украшенная двумя змейками. Я хорошо успел рассмотреть его в прошлый раз. Щелкнул крышечкой-печаткой. Вспыхнул язычок пламени.

Ну спасибо за заботу! Я прикурил и повертел изделие в руках. Совершенно невозможно было определить, лежало ли оно тут раньше или же только что сейчас появилось. Интересно, что это может значить?

Ну а мне-то что? Я опомнился. Хмыкнул. Подумав, кинул находку в самый дальний угол лежанки. Вот только перстней мне сейчас и недостает – для полного-то счастья!

Пусть уж валяется где валялся. Но вопросов у меня, похоже, прибавилось. К тому длинному списку, что успел уже набраться здесь. И что интересно – все без единого на них ответа! Прямо кроссворд какой-то...

Я уселся обратно на лежанку и долго так курил, стараясь хоть немного разобраться. Увы! Вся эта история выглядела совершенно невероятной! Одно только то, как я попал сюда...

Даже у меня, человека кое-что читавшего об этом и в принципе теоретически допускавшего подобные вещи, до сих пор в голове не укладывалось. А ведь я убедился на собственной, можно сказать, шкуре!

А тут еще и эти фокусы с вещами. Слов нет, без консервов я бы в тайге не выжил, это факт. Но это уже вторая невероятность, в то время как и одной было бы за глаза.

Два таких явления вместе – это уже невероятность третья! Что же я, бермудский треугольник? Или молебкинская зона?! Самый обыкновенный человек. Даже ни с чем таким особо и не сталкивался раньше.

И вдруг! Трах-бах!.. И ни с того ни с сего вот сюда! В какую флюктуацию я умудрился вляпаться? В руки каких сил угодил? И причем где – в двух шагах от собственного дома!

Обхохотаться можно...

Впрочем, кое-какие соображения у меня вообще-то имелись. Догадка, вернее. Но зато она объясняла все основные непонятности разом. Заменяя, правда, их другой. Но зато одной!

И гораздо более понятной, как мне думалось. Догадка эта заключалась в том, что все со мной случившееся случилось, так сказать, не совсем случайно... Тьфу ты, завернул же фразочку!

Кто-то сделал так, чтоб я сюда попал. Он же кормил меня в лесу, чтобы я не помер с голоду. Он же сейчас предоставил оружие. Конечно, это была полная фантастика. Но на фоне

всего уже случившегося!..

Оставалось, правда, пока неясно, кто это такой и зачем это ему нужно. Но в сравнении с остальным это были уже сущие мелочи. По крайней мере, это выглядело привлекательней, чем, допустим, появление вещей самих по себе из ничего.

Толку, правда, от такого объяснения не было все равно никакого – одни предположения. Но уж с этим обстоятельством, ничего не поделаешь, приходилось мириться...

Посидев, покурив и порассуждав на отвлеченные темы, я немножко развеялся. И, прикурив прямо от окурка новую сигарету, стал готовиться к приходу моих милых друзей, глаза б мои их не видали.

Правда, по-нормальному я предпочел бы сейчас несколько деньков полежать пластом. Пока подживут ссадины и синяки и перестанет болеть нутро. Но тут выбирать не приходилось. Так что будем терпеть.

Прежде всего, расстав по карманам запасные обоймы, я снял пистолет с предохранителя, передернул кожух и, нацелившись в угол, нажал на спуск. С грохотом сверкнуло, из стены брызнули искры...

Я как-то даже не ожидал такого эффекта. Что ж, подходяще. То, что меня могут услышать, меня сейчас не волновало. В принципе не имело значения, кто явится. Впрочем, в этих подвалах, скорее всего, не услышишь и не такой грохот.

Пистолет, таким образом, оказался настоящим, без обмана. А то я, грешным делом, побаивался. Оставалось ждать. И

тут, по мере того как двигалось время, меня начало снедать беспокойство.

Что, если ждать придется долго, а я от тишины и усталости просто-напросто засну? Вопрос этот взволновал меня не на шутку. Поскольку сейчас мне очень не хотелось попасть в руки этих подонков.

Даже только от одной мысли о них меня охватывала паника. А представить, что я не услышу их приход и они спокойно возьмут меня сонным!.. Все внутри меня содрогалось от одной только мысли об этом.

Да и храбриться-то я храбрился, собираясь предложить им порох делать – и предложил бы, куда деваться-то? – но с мразью этой мне связываться никак не хотелось.

Ужас, который я испытал вчера, попав к ним в лапы, мне вряд ли когда-либо доводилось переживать. Найти бы поэтому какой-нибудь способ подстраховаться на всякий случай!

Время шло. Слабый и без того свет, проникавший в отдушину, начал еще больше слабеть. Ждать становилось все труднее и труднее. В конце концов меня охватила тихая паника – а вдруг сегодня они вообще не придут?!

Мало ли, что Ветриб сказал! Или придут ночью? Не могу же я так бесконечно сидеть с натянутыми нервами! Мне же элементарно лечь захочется! А лягу – засну!! И что тогда?!

Поднявшись, я сделал несколько шагов, чтобы унять волнение. Нетерпение мое, казалось, достигло высшего предела: как бы уж там все ни вышло – только бы поскорее!

И в этот момент где-то далеко за железной дверью слышались слабые, приглушенные камнем звуки – шли люди. Я замер, мгновенно весь обратившись в слух. Почему-то вспотели ладони. Да, идут...

Сглотнув вдруг набежавшую слюну, я тихо проверил, как держится за поясом «Макаров», попятился к лежанке и сел, стараясь унять разошедшееся дыхание. Шаги приближались, звучали все явственней.

Мне даже зябко стало. Вот же проклятый страх, никак от него не отделаешься – сейчас-то чего?! Я торопливо поежился, потом заставил себя расслабиться, слушая, как шедшие останавливаются по ту сторону двери. Зазвенели ключи... Замок...

Я глубже вдохнул. Прищурился, чтобы не ослепнуть от света факелов. Торопясь, вытер о штанину опять некстати взмокшую ладонь и осторожно положил руку на пистолет.

Оглушительно заскрежетал засов. Клацнул. Дверь с визгом распахнулась, и в камеру из коридора упал трепещущий отсвет пламени...

План у меня был простой. Проще некуда. Пальнуть в потолок, поставить вошедших смирно. Потом под дулом пистолета заставить колдуна отвести меня к Потуру. И там все им изложить. Как есть. И предложить соглашение.

Это все меня не волновало. Надо же мне где-то устроиться для начала. Гораздо больше беспокоило другое – Рэ-

ра, эта девушка. Чем я мог ей помочь? Ничего не зная про здешние дела, я не хотел принимать ничью сторону.

Я один как перст в этом мире, и моя задача – выжить. А не ввязываться в разные заварухи. Из всего же, свидетелем чего я успел стать, вывод сделать можно было простой – это мелкая междоусобица.

Один феодал захватил замок другого феодала – обычное дело. И нечего мне корчить из себя благородного рыцаря без страха и упрека. Тем более что какой из меня рыцарь, соплей, простите, перешибить можно – книжное детство, городская жизнь, легкая работа.

Я просто не в состоянии был сделать хоть что-нибудь. Абсолютно. Поэтому до самого последнего момента я старался о ней не думать. Была возможность попробовать выкарабкаться – надо было пробовать.

Но я помнил, что именно она приказала своим людям взять меня с ними. И теперь я понимал почему. И я помнил, как она стирала кровь и грязь с моего разбитою лица.

И мучительней всего я вспоминал, как она защитила меня от Рыбца. Защитила! Девушка! И я помнил, как она с ним разговаривала. Тогда мне, разумеется, оставалось только глотать свое унижение. Но сейчас!..

А что – сейчас? А? За себя с Потуром я бы мог разговаривать на равных, тут все понятно. В крайнем случае так бы и ушел, прикрываясь им или колдуном. Если бы уж совсем ничего не вышло. А тут?

Да просто элементарно – количество действий на двоих человек возрастает в несколько раз. Даже на троих – там же ведь раненый еще! Значит, нужна будет повозка, все усложняется многократно...

А в такого рода делах чем сложнее, тем больше вероятность, что где-то сорвется. Закон такой. Поди-ка уследи за всем! Но тут вдруг по мере рассуждений до меня дошло, что в одиночку мне уйти из замка было бы не так-то просто.

Мало того, вообще ничего не выйдет! Я же местности не знаю. Отловят же моментально! Сколько я смогу заложником прикрываться? До каких пор? Не-ет, для того чтоб бежать, союзник нужен, местный. А где его взять?

Ясно?

Когда я это сообразил, я даже обрадовался, честное слово. Хотя чистой воды авантюра получалась. Но тут же я понял и еще одно – насколько мне с этими сволочами дела иметь не хотелось. Прямо до отвращения.

В конце концов, пристрелю нескольких человек. С огнестрельным оружием у меня все равно огромное преимущество. Кроме того, я ведь не штурмовать замок собрался, а всего лишь взять заложника без лишнего шума. Только и всего.

Потом велеть привести туда девушку и с ней вместе решить, как лучше уйти. Вот и все. Выполнимо? Прикинув, я решил, что да. Если только не суетиться. Но суетиться я как раз не собирался.

К тому же я был уверен, что остановлю любого, кто захочет мне помешать, раньше, чем он сможет до меня добраться. Это ободряло. Правда, ввязывался я с этим делом в историю... И с уродами этими можно будет не сотрудничать.

В конце концов, не зря же у меня пистолет появился! Последний довод выглядел самым решающим. Действительно, тот таинственный некто, который приложил руку к моему здесь появлению, – ведь не просто же так он все сделал!

Был какой-то смысл – раз уж он сам дал мне оружие, это же ясно! Чтобы я им воспользовался. А для чего его еще можно использовать, кроме как для освобождения? А один я освободиться не могу! Стало быть, что?

А доверять я пока могу здесь только одному-единственному человеку! Понятно какому? Так я в этом и утвердился, обрадовавшись, что успел быстро сообразить и выбрать правильное решение. И главное – как логично его обосновать!

Да-а, план у меня был... Только я не учел, что противники мои с ним не ознакомлены. Когда дверь открылась, в камеру первым вошел Котубар с факелом в руке. За ним – другой человек, без факела. И еще один с факелом.

Увидев меня, они остановились. Я спустил пистолет с предохранителя.

– Он развязался, Котубар! – раздался предостерегающий голос Рыбца, и я понял, что второй с факелом он.

Медлить дальше стало нельзя. Я вскинул руку и выстре-

лил. В потолок над их головами. А дальше все пошло наперекосяк.

Все трое бросились вон как зайцы. И я бы сообразить ничего не успел, как они выскочили бы наружу. Да стоявший в дверях Рыбец замешкался. Видимо, по молодости лет инстинкт самосохранения у него был не так сильно развит, как у двоих старших.

Я понял, что счет идет на мгновения, что сейчас они выскочат и захлопнут дверь. И что единственное, что может ее заклинить, – это Котубар, оказавшийся последним.

Я выстрелил дважды – и огромная туша осела в дверном проеме. Послышался топот убегающих ног. Я отчаянно рванулся следом – не дай бог упустить! Коридорчики, лестница...

– Стойте! Стрелять буду! Они даже не обернулись.

В верхнем коридоре Рыбец – он все еще был с факелом – споткнулся, полетел на пол. Колдун едва перепрыгнул через него, и эта задержка приблизила меня к ним.

– Стойте!.. – По глупости я вздумал повторить прыжок колдуна. И в результате полетел на пол. Каким-то чудом не выпустив из рук пистолета.

Извернувшись, сам даже не знаю как, я успел встретить кинувшегося на меня Рыбца толчком обеих ног в живот и отшвырнуть его назад по коридору. К моему удивлению, он улетел куда-то во тьму и там с криком исчез.

Уже вскочив и вновь кинувшись в погоню, я сообразил,

что бедолага, верно, угодил прямым в лестничный пролет с нижнего этажа. По которому все мы только что дружно вскарабкались. Ну и шут с ним...

Залиба – вспомнил-таки! – не успел далеко уйти: вся эта катавасия с Рыбцом заняла не больше двух секунд. Однако он уже приближался к выходу из подвала и громко вопил при этом:

– Стража! Стража!

Сделав еще одно отчаянное усилие, я каким-то чудом нагнал его в тот момент, когда входная дверь отворилась и в помещение снаружи ввалились солдаты. Плохо соображая, что делаю, я прыгнул сзади на колдуна и повалил его на пол.

Может статься, эта простота мне и помогла. Никто не успел и глазом моргнуть, а я уже ухватил его за волосы, уселся верхом и ткнул стволом пистолета в затылок.

– Не двигаться!! – Боюсь, что голос у меня в тот момент был несколько излишне истерический и далекий от благозвучия. Но что поделать! Я быстро вскинул руку, выстрелил в потолок и снова упер ствол в голову колдуна. – Стоять!! Или я убью его!!

По счастью, все поняли меня правильно. Послушно возникла немая сцена. Я поднялся, не сводя глаз с солдат и волоса колдуна за собой за волосы. Колдун не сопротивлялся.

Пистолет я приставил ему между лопаток и на всякий случай осведомился, хотя и так было ясно:

– Ты Залиба? Ихний колдун?

– Да... – Он попробовал изобразить кивок, но моя рука цепко держала его за шевелюру.

– Веди к Потуру! – приказал я ему и предупредил, перехватив за воротник: – И без шуток! Запомни: если выстрелю – с такого расстояния тебя прошьет насквозь! Скажи своим – пусть не мешают! Иначе первая пуля твоя. Понял?

– По...нял, – кивнул он.

– Давай!

И мы пошли. Предваряемые пятящимися от нас часовыми. Поднялись по лестнице, вышли из подвала и попали на замковый двор, заполненный народом. К моему откровенному ужасу, солдат здесь оказалось как сельдей в бочке.

По сравнению со вчерашним народу явно прибавилось. Понятное дело, что при нашем появлении все немедленно бросили свои дела и уставились на нас. Только усилием воли я подавил в себе поднимающуюся панику.

Ко всему в придачу, я был еще и без очков! Что создавало массу дополнительных трудностей. Например, невозможность контролировать всю площадь двора. Проклятие!

Но опять же деваться некуда! Надо было срочно что-то придумать. Во всяком случае, напрямик через двор идти было бы сумасшествием. Мгновенно взмокнув до корней волос, я все же нашел выход.

Главная башня, у подножия которой мы стояли, примыкала вплотную к внешней стене. Жилые покои, где находился Потур, были наискось через двор. Справа все занимали

хозяйственные пристройки.

Только идиот бы решил пробираться тем путем. Зато слева между башней и покоеми тянулось довольно неприглядное, хотя и прочное строение. Что-то вроде казармы – длинный фасад с окнами.

И хотя так выходило чуть ли не втрое длиннее, но зато с этой стороны можно было оставаться относительно спокойным за свой тыл. Тут как раз на дворе возникло какое-то шевеление, и я не стал тянуть дальше.

– Не двигаться! – Я снова быстро выстрелил в воздух. Затем подтолкнул стволом Залибу налево. В толпе стало тихо.

Осторожно прикрываясь Залибой как щитом и пристально вглядываясь в окружающих, я продвинулся под основанием башни, прошел вдоль стены и начал приближаться к главному покою.

Тишина стояла такая, что слышно было, как мы идем. По спине у меня ручьем бежал горячий пот. У Залибы тоже ручейками сочилась влага по шее. Оба мы с ним двигались напряженно, как канатоходцы.

Сейчас вся моя храбрость сосредоточена была на одном месте – на спине Залибы, там, куда упирался ствол пистолета. Как ни странно, но все, кажется, шло по намеченному мной плану. И это меня даже слегка пугало.

Приближались уже двери главного входа. Тут я сообразил, что входить в дом может быть опасно. И даже остановился, раздумывая, не вызвать ли Потура сюда. Но он мог отказать-

ся. И что тогда?

Истаивали секунды. Решение мучительно не желало находиться. Мне уже казалось, что из всех звуков я слышу только удары собственного сердца, становящиеся все громче и громче.

Люди во дворе замка все еще продолжали, как один, молчать, наблюдая за нашим с Залибой перемещением. И это как-то по-особенному действовало на нервы. Когда такая толпа, замерев, стоит и смотрит...

Продолжая напряженно соображать, я еще вертел усиленно во все стороны головой, не забывая обращать внимание на окна в стене, у которой мы стояли. В конце концов, находиться здесь становилось просто опасно.

Могли подгадать момент и чего-нибудь запустить сверху – милое дело! Наконец я решил войти, но двигаться с повышенной осторожностью. Та еще идея, конечно, но не торчать же тут вечно!

Я толкнул Залибу вперед, и мы снова двинулись. Я уже был совершенно мокрый. Да и колдун ничуть не лучше. Ага, вот наконец и дверь. Я велел Залибе:

– Скажи, пусть откроют обе створки!

Он крикнул, чтоб открыли.

Несколько секунд ничего не менялось, потом лязгнул засов. Двери вздрогнули и со скрипом поползли в стороны. Я весь обратился во внимание...

Но началось не в дверях.

Я услышал звук падения за спиной, оглянулся и увидел человека в нескольких шагах от себя, готовящегося к броску. Сверху из окна как раз прыгнул еще один, растопырясь на секунду в полете.

Я выстрелил. И в это же время Залиба рванулся от меня и освободился. Я выстрелил еще раз, во второго, сразу же обернулся, но никакого Залибы уже не было.

Из дверей на меня бежали человек пять с мечами. Залиба куда-то пропал. Все происходило как во сне. Мыслей не было совсем. Времени тоже. Стрелять приходилось почти в упор.

Трое или четверо упали. Остальные успели добежать – расстояние было мизерное. Я оттолкнулся от стены, рванулся в сторону, успел выстрелить еще в кого-то, но тут началась свалка – и я совершенно обезумел.

Единственное, что я в тот момент помнил, это нажимать на спуск. И – о счастье! – неожиданно сумел обрести свободу движений. Рванувшись из-под навалившихся на меня тел, я приподнялся на колене, продолжая посылать пулю за пулей, расчищая вокруг себя пространство, – и тут вдруг в голове у меня словно что-то взорвалось...

Это было огромное облегчение: все пропало, ничего больше не беспокоило, я прямо-таки блаженствовал. Потом я немного пришел в себя, и мне стало невероятно стыдно. За всю ту глупость, что я сумел натворить.

Но еще чуть позже я вспомнил все остальное. Голова тупо

болела. Шевелиться не было сил. И все ясней и ясней становилось, чем же прошедшая свалка у дверей закончилась. По крайней мере для меня. Я испугался.

Мне даже тошно стало. Ведь не хотел же я ни во что вмешиваться! Не хотел же!! С моими-то цыплячьими способностями!.. Идиот дерганый! Герой, понимаешь, благородный! И не помог ведь ей все равно, болван. Рыцарь дурацкого образа действия...

Вокруг меня раздавались какие-то звуки, голоса, шаги. Я сосредоточился и с некоторым трудом стал понимать смысл.

– Очухивается...

– Смотри, осторожней – он же навывлет человека прошибает!

– Ниче, не бойсь! Пусть только трепыхнется – наколем на копье, и все!

– Зови Потура, скажите, что очнулся!..

Я еще не очнулся и хитро обрадовался тому, что проткнуть меня просто так им не удастся – надо, чтоб я трепыхнулся! А трепыхнуться-то я и не могу! Я вообще тела не чувствовал. Так, одно сознание с головной болью.

Но тут как раз включилось тело. И я от неожиданности застонал. Так, оказывается, больно чувствовать все эти мышцы, кости... А особенно почему-то печень. Как будто я накануне перепил.

– Смотри, шевелится! – выдохнул кто-то с испугом. Другой голос тут же отозвался угрожающе:

– Не бойсь, не бойсь! – Скрежетнуло железо о камень.

И тут же донесся звук множества идущих, и чей-то голос объявил у меня над головой:

– Потур!

Опять зашевелились. Стало тихо. И вдруг ледяной водопад обрушился мне на грудь, голову. Вода хлынула в нос, я захлебнулся, содрогаясь, закашлялся – каждое движение отдавалось отвратительным ощущением. Сил не было.

– Подымите его, – раздался голос.

Несколько рук подхватили меня и вздернули в вертикальное положение. Это движение было поразительно: разбитое тело совершенно не могло держаться и поднималось, свисая, как флаг в безветрие.

Ну и досталось же мне, подумал я машинально. Даже висеть неподвижно на державших меня руках и то было мучительно. Я сделал попытку опереться на то, что должно было быть моими ногами.

К моему удивлению, что-то вроде бы получилось. Дрожа, я выпрямился. До отвращения, до тошноты хотелось опять потерять сознание, но я чувствовал, что сделать это мне не удастся.

Никогда у меня ничего не получалось, у растяпы! Никогда... Кой черт занесло меня еще и на эту галеру?! Вот только деваться теперь было уже совершенно некуда.

Я содрогнулся от напряжения и от предчувствия, что сейчас снова упаду. Собрал все силы, сосредоточился. Напряг-

ся еще раз... И с невероятным усилием, с трудом вспомнил наконец, как нужно разлеплять веки.

Чтобы взглянуть наконец с безнадежностью в глаза судьбе.

Никакого лица я не увидел. Передо мной маячили какие-то человеческие фигуры, но я не мог никого признать.

– Так что же ты хотел от меня, колдун? – раздался голос, и я различил человека посередине, держащего в руках мой пистолет.

Я попробовал что-то сказать, но из горла вырвались только какие-то жалобные звуки. Впрочем, что тут было говорить?

– Что ты говоришь? – откликнулся Потур, словно уловив мои мысли.

– Я не колдун... – собравшись с силами, смог произнести я. От слабых звуков своего голоса у меня даже слезы выступили от жалости.

– А как же действует твое оружие? – Наверное, он усмехнулся. Но я этого не видел. Потур довольно правильно поднял пистолет, держа его за рукоятку, и нажал на спусковой крючок. Выстрела не произошло. – Почему теперь оно не работает?

Я попробовал усмехнуться, но губы не слушались, и тогда я ответил просто так:

– Патроны кончились.

– А ты можешь сделать так, чтобы действовало?

Я только пожал плечами. Говорить было трудно. Конечно, я мог – у меня ведь были запасные обоймы в карманах. Я посмотрел на себя и увидел, что абсолютно гол. Без единой ниточки. Синяки и кровоподтеки производили жуткое впечатление.

– Тебе нужно вот это, да?.. – раздался вкрадчивый голос. Я поднял голову и увидел рядом с Потуром еще одного человека. И этот человек показывал мне пистолетную обойму. Залиба.

Ну конечно, на этот раз они догадались меня обыскать. Что делать? Как заинтересовать их сейчас? Пообещать завалить их таким оружием? Так я этого не могу. Попытаться еще раз все объяснить? Поздно...

Что еще? Порох? Вряд ли поверят. Да и слишком долго рассказывать и еще дольше делать... А время шло, и колдун с Потуром, безусловно, уже поняли по моему поведению, что их догадка верна. Я молчал.

Не то чтобы я принял какое-то решение, нет. Просто я дико устал, у меня страшно разболелась голова, и сейчас хотелось одного – наплевать на всех, лечь прямо на землю и тихо полежать с полчаса.

Каждое же слово требовало прямо-таки титанических усилий. Молчать было просто приятней. Хотя можете мне в этом не верить. Мне и самому было слегка странно.

А если Потур с колдуном такие умные, пусть сами во всем разбираются. Ну их всех...

Разумеется, я понимал, что меня может ждать впереди. Но я так измотался за все это время, что мне уже было все равно. Попытка вырваться на волю закончилась. Пускай и полным обломом.

И на меня начала наваливаться апатия. Туман... Чувство приближающегося беспамятства. Окружающий мир словно отделился куда-то в другую комнату. Стал нестрашным и неважным. Пусть даже и бьют – все равно потом опять будет тихо... Краем сознания я еще соображал, что это слишком уж может походить на смерть, но даже сил реагировать уже не было.

А если еще молчать и не слышать голоса говорящих...

Но эти кретины все время мешали. Они трясли меня, дергали, и вместе с возвращающейся головной болью окружающее снова прояснялось. Залиба перед самым моим носом держал снаряженную обойму.

Свет факелов неожиданно ярко отблескивал на толстых цилиндриках девятимиллиметровых патронов. Значит, уже вечер. Или даже ночь. Долго же я валялся в отключке.

– Что нужно с этим сделать? – донесся до меня навязчивый, как муха, голос. – Что... Нуж-жно... С-с-с... Э-этим... С-сде-е-елать...

– Отстань, – сказал я ему. Все-таки он вынудил меня шевелить языком, скотина. Жаль, что я не пристрелил его в потасовке. Зудит, как муха на стекле, гипнотизер хренов. Не знает, что я негипнабелен. – Да отвяжись ты! Надоел!

От этих усилий дурнота прошла по всему телу. Боль острым железом вонзилась в череп, внутри все нестерпимо замутилось, и я ощутил неудержимую тошноту. Голоса на какое-то время отдалились, и я сразу почувствовал облегчение.

А хорошо бы, мелькнула мысль, облевать стоящего передо мной Залибу. Вот жаль только, сил нет даже на то, чтобы для этого прицелиться. Ишь чего захотели! Обучи их с пистолетом обращаться!

Кстати, сами-то что, разобраться не могут? Там ведь все-то и делов, что одну обойму из рукоятки достать да вторую вставить. Но потом я вспомнил, насколько хитрая у «макарыча» защелка, и только внутренне усмехнулся.

Да, не для слабых умов. Похоже, конструкторы специально постарались, чтоб просто так открыть ее было невозможно...

Ох, да не трясите вы меня! На что вам пистолет? Запасных обойм все равно всего три штуки. Двадцать четыре патрона. А потом можете им гвозди забивать! Или орехи колоть! Патронных фабрик здесь у вас нет!

Сейчас мне было очень даже хорошо. Безопасно! Я ничего не боялся, поскольку Потур с Залибой были далеко. И добраться до меня никак не могли. Тычки и толчки охраны поддерживали меня в реальности все меньше и меньше.

И можно было позволить себе на все наплевать. И еще понаслаждаться напоследок тем, как я ловко провел своих му-

чителей, ускользнув от них буквально «во внутренний мир», ха-ха!..

И я было отключился напрочь, но тут оказалось, что что-то меня еще не пускает. Причем не с моей, а скорей с противоположной стороны. Внешней. Что-то такое зацепило мое внимание, покуда я еще был достаточно вменяем.

Но что? Собрав оставшиеся силы, я с недовольством стал перебирать в памяти смутные картинки, увиденные перед тем, как потерять сознание. Что? Что я вообще такое мог увидеть без своих очков – в ближайшем-то метре?

Потур. Залиба... Смутные тени вокруг в свете факелов. Да, факелы... Обычные факелы, ничего особенного. Что? Нет, не они. Но что-то близкое, очень близкое. Буквально под самым носом...

А что у меня могло быть под носом? Залиба. Нет, не то. У алжирского бея под носом шишка!.. Надо же. Нет. Не это. Но что? Может, померещилось просто? В отблесках факелов на патронах в обойме. В обойме?

Ну и что? Ну обойма. Действительно, ближе ее под носом и не было ничего. Ну так и что? Вороненая железка, в ней восемь штук патронов. Чего уж в них такого особенного?

Я еще немного посоображал напряженно, пытаюсь понять. Потом почувствовал, что начинаю отчаиваться. Я совсем готов был уже освободиться от всего этого издевательства, и вдруг в самый последний момент на тебе!

Так же как в свалке у ворот: я уже отбил от всех нава-

лившихся на меня, перестрелял, поднялся на ноги – и тут получил чем-то по башке! Обидно. А ведь уже почти вырвался... Стоп!

Стоп.

Стоп.

Не может быть. Не может...

Я сообразил, в чем дело. Но открытие это меня несколько не успокоило. Скорее наоборот. Я стал лихорадочно соображать, проверяя, не ошибся ли.

В голове с треском разорвалась петарда, и я опять увидел вокруг себя в неверном свете факелов окружающие меня устрашающие фигуры. И чей-то голос в очередной раз спросил, доносясь откуда-то из поднебесья:

– Будешь говорить?

Но теперь я их уже не боялся. Спасительная темнота, куда можно было убежать и спрятаться, продолжала оставаться рядом – всего лишь одно незначительное движение, и все.

Я ощутил это почти сразу же, не успев еще до конца очнуться, и сумел подавить начавшийся было страх, разламывающую головную боль и тошноту. Теперь уже необязательно было блевать на колдуна Залибу.

Я хихикнул – со стороны это, наверное, выглядело придурковато, – с радостью выдохнул:

– Идите вы все... к едрене фене! – и быстренько юркнул в небытие. Теперь я был для них недосыгаем!

Но ребята оказались упорные! Они принялись вытряхи-

вать меня обратно с настойчивостью, достойной великого дела! Они жутко досаждали и надоедали, никак не желая оставить меня в покое.

Тайна, вишь, пистолета, им понадобилась! Ха-ха-ха! Но я все время оставлял их с носом, удирая опять и опять. И каждый раз это получалось гораздо лучше, чем в предыдущий.

В своем роде это оказалась полезная тренировка. Правда, сперва я еще побаивался, как бы чего-нибудь не сбилось, но потом успокоился и даже развеселился. Тщетность усилий этих идиотов доставляла огромное наслаждение.

Они, конечно, могли вернуть меня к нормальному восприятию окружающего. Это было в их силах. Но вот удержать в нем меня они уже не могли. Я уходил от них снова и снова, честное слово, даже жалко было их усилий!

Я даже было подумал, не вступить ли теперь с ними в переговоры. Но, поразмыслив, решил повременить. Пусть они лучше сначала малость успокоятся. Тогда и поговорим. К тому же мне вовсе не хотелось терпеть дикую головную боль, слабость и тошноту. Похоже, у меня было сотрясение мозга.

Закончилось это состязание в конце концов моей победой. Я погрузился в свое ничто настолько далеко, что все усилия моих, так сказать, собеседников перестали достигать своей цели.

В крайнем случае ощущались только какие-то отдаленные толчки и невнятные звуки – наподобие помех в радиоприемнике. Меня уже не выдергивало в нормальный мир.

Теперь я мог вернуться к своей так ошарашившей меня мысли. О патронах. А оно того стоило, сколь бы странно ни звучала тема в существующих обстоятельствах. Поскольку наблюдение и впрямь выходило интересное.

В обойме у «макарова» восемь патронов. Восемь! Я это хорошо помнил. И когда палил в камере, захватывал Залибу и шел по двору, я свои выстрелы еще считал. А потом забыл!

Когда началась свалка у дверей, у меня просто всякое соображение отшибло. Надо думать, от страха. Я только нажимал и нажимал на спуск. Никакой перезарядки, естественно, не делал.

Но к тому моменту должно было вообще оставаться не более пары-тройки патронов! Это я могу сказать совершенно точно! По сути, пистолет был пуст! Но я стрелял из него! Причем много! Не меньше двадцати раз!

Это уже ни в какие ворота не лезло. Ну положим, мой приход сюда, в этот мир, тушенка, пистолет, консервы, фляжка с выпивкой, даже вафельный торт и перстень-зажигалка – это как-то еще понятно.

Время от времени тот, кто все это придумал, должен был бы снабжать меня предметами первой необходимости. Время от времени, подчеркиваю! Потому что еда у меня появлялась не каждый день. А только тогда, когда я уже доходил от голода, – где-то раз в пару суток. Фляжка с бренди объявилась, когда я сутки мок под дождем и у меня зуб на зуб не попадал.

Наконец, пистолет я получил не раньше и не позже того, как, избитый и помирающий от ужаса, был брошен в подвал.

Но здесь все более-менее понятно. Повторяю: если исходить из того объяснения, что кто-то следит за мной и время от времени мне... Ну скажем, содействует.

Гм. А ведь в этом случае безразмерность восьмизарядного магазина вполне, кстати, объясняется. Действительно ведь, затруднительное положение-то имело место. Но не совсем понятно тогда, как быть с сигаретами, спичками...

Ну пожалуй, спички, кажется, тоже вполне объясняются – попадая в категорию крайне необходимого. А бренди? Я не алкаш, постоянной тягой к спиртному не обладаю, дождей последнее время не было.

И если относительно сигарет еще можно согласиться, что у меня неодолимая тяга к куреву, то с фляжкой это не проходит. Почему же тогда в таком случае она не опорожнялась?

Впрочем, ладно. Это, в конце концов, просто непонятно. Куда серьезней другое. На первый момент менее бросающееся в глаза.

Организовать внепространственную переброску консервов, торта, фляжки и пистолета в определенную точку – задача весьма трудная, требующая точного прицела и немалого расхода энергии.

Ну насколько, конечно, я это представляю. Раз в два-три дня это еще кажется реальным. Но у меня в голове не укладывается, как это можно делать постоянно!

Загоняя, например, патроны в патронник со скоростью непрерывной стрельбы из пистолета. На огромном расстоянии! Или еще: доливать по глотку во фляжку всякий раз, как только из нее отпивается!

Или спичку в коробок. Я проверял! Недостача восполнялась моментально. И ограничений в доставке новых пополнений не было никаких. Во всяком случае, я этих пределов не стал добиваться. Хватило и трехсот спичек.

Абсурд! Выходит, что кто-то где-то сидит и все время наблюдает за состоянием этих вещей! И постоянно обновляет израсходованное. Бред какой-то, честное слово. Ему что, делать больше совсем нечего?

Дурацкая затея – сидеть и следить за удовлетворением моих прихотей. Да и прихоти-то... Почему, если им так уж приспичило, они просто не прислали мне килограммов десять золота, например? Там еще, дома?

Все бы были довольны, а я вперед всех. И никаких проблем. Ни в жисть не поверю, что с такими способностями у них золота бы не нашлось. Бессмыслица, полная бессмыслица.

Кстати, что эти мои неведомые благодетели должны по логике действия предпринять сейчас? Когда пистолет не помог и я, гол как сокол, нахожусь в последней стадии издыхания?

Не пора ли им вмешаться, пока не поздно? Или что, все их покровительство надо мной закончилось? Вот было бы милое дело! Ну нет! Будем надеяться, что это не так. Невежли-

во обижаться, откуда не уверен в обратном.

А вдруг сейчас на замок какие-нибудь враги нападут, землетрясение начнется или летающая тарелка прямо во двор сядет?! Или вдруг всех громом поубивает? Кроме меня, естественно. Почему нет?

Ведь до сих пор, когда мне очень требовалось, что-нибудь подходящее всегда случалось. Пусть и неожиданно. Чем летающая тарелка плоха? Или землетрясение. Или то же нашествие?

Видит бог, я до зарезу хочу, чтобы все это прекратилось немедленно и как можно скорей! А кстати, снаружи-то что там происходит? Вроде как тихо стало. Может, там всех повязали уже давно? Один я тут ничего не знаю?

Осторожно, с усилием я стал возвращаться, раздвигая окружающее меня небытие, всплывая, как ныряльщик со дна. Глубоко же я забрался, однако! Долго, очень долго продолжалось это движение вверх. словно бы даже бесконечно.

Но наконец я стал ощущать свое тело. С удивлением отметив, что несильно оно и болит, оказывается. Вообще не болит, в сущности. Странно. Не этого я ждал. Может, просто еще не всплыл окончательно?

Какое-то время я пробовал упорствовать в этом убеждении и продолжать попытки подняться на поверхность невзирая ни на что, пока не убедился, что все мои усилия тщетны. Тогда я сообразил наконец, что на самом деле давно уже

очнулся. Только продолжаю лежать где-то в тихом, безлюдном месте. И, как ни странно, никаких особенных болевых ощущений действительно не испытываю.

Это открытие настолько меня поразило, что я позабыл даже осторожность. Не думая ни о Потуре, ни о его колдуне, ни об их подручных, попытался сесть и открыть, как выяснилось, судорожно сжатые глаза.

С первой же попытки мне это удалось.

Глава 3 Штыком и гранатой

И начались тут его подвиги напрасные...

Было холодно и темно. И удивительно тихо. Не по-подвальному. В подвалах тишина глухая, сдавленная – от близких стен. Здесь же явно чувствовалось открытое пространство.

Что такое произошло, где я? Куда попал? Где оказался? Но тут же все эти сомнения разрешились самым кардинальным образом. Заменявшись, впрочем, новыми. Я пошарил руками и понял, что вокруг земля и лопухи.

Земля была сырая, лопухи холодные. Я по-прежнему гол, как факт. И все это в кромешной тьме! Правда, чувствовал я себя и в самом деле хорошо, ничего нигде не болело, и это было приятно. Но ничего не объясняло! Где я?!

Ежась и вздрагивая от сырости, я поднялся на ноги. Густой бурьян был мне по пояс. Тьма, кстати, оказалась не та-

кой уж кромешной, и кое-что можно было даже различить вокруг.

Вот только я никак не мог сообразить – что же это такое. По сторонам от меня лопухи заворачивали вверх, ложбинкой. Дальше с одной стороны тьма делилась на две неравные части остро отточенной, ломаной линией.

С другой же стороны громоздилась какая-то непроницаемая масса вовсе неопределенной формы... Бр-р! Что это? Чувствовалось, что у этих очертаний имеется какое-то содержание – но какое?!

В этот момент над головой у меня тьма пошла пятнами, двинулась... И из-за туч выглянула луна. Я обалдел, заморгал что было силы: я стоял на дне замкового рва, со стороны леса!

Неровная, ломаная линия – это и была верхняя кромка этого самого леса. А неопределенная темная масса – сам замок. Вполне понятно было обознаться в темноте, да от неожиданности. Но как я сюда попал?!

На этот вопрос ответ отыскался удивительно быстро: от того места, где я стоял, к самому подножию стены шла пробитая в лопухах полоса. Начинаясь как раз у фундамента главной башни. И сбегавшая по всему довольно еще крутому откосу внутренней стороны рва. Я не поленился специально сползть туда и обратно на четвереньках, чтобы убедиться. Так оно и было.

В самой борозде лопухи были смяты и свалены так, слов-

но по ним проехал утюг. Местами даже трава была сбита до земли. И все! Больше никаких следов. Руки-ноги у меня были целы, ребра не болели, голова тоже. Чувствовал я себя просто прекрасно. Не мерзни без одежды от ночной сырости...

Чего же теперь делать-то?

Двадцать пять метров высоты, никак не меньше. Да на каменное основание фундамента – все равно что на стиральную доску или на рашпиль... Это что, благодетели мои неведомые так постарались?!

Ничего себе! Им что, другого в голову не пришло? Я потоптался в лопухах. Послушал, что слышно в замке – не слышно было ничего, – и без колебаний вылез на внешнюю сторону рва.

В гробу я видал такую жизнь! Что я, просил, что ли, приводить меня сюда? Или, может быть, умолял взять меня в плен?! Почему все это происходит, черт побери! При чем так по-дурацки? Ничего же не поймешь!

Или это Потур со своими ребятами?.. Что? Решили, что я помер, и выкинули за ненужностью? Ну спасибо им за доброе дело, раз так! Милые просто люди: пригласили в гости, можно сказать, накормили, спать уложили... А потом и за порог проводили! Мать-перемать! И ерш твою меть...

Идти голому по лесу было трудно. Даже очень. Но я так упорно продвигался вперед, что, когда сообразил, что понятия не имею, куда и зачем иду, успел далеко забраться.

Но тут я остановился и задумался. А действительно – куда? И что я теперь делать буду: слепой, голый, безоружный, в незнакомом месте, а кругом враги! Ну что теперь?

Начиная всерьез мерзнуть, я сообразил, что осенняя ночь не подарок для одинокого, раздетого человека. Надо было что-то предпринять. Изо всех сил борясь с подступающей дрожью, я с каждой минутой все отчетливей понимал, что надолго меня не хватит.

Мелькнула даже шальная мысль – вернуться обратно в замок. Явиться прямиком и заявить: вот, мол, я! Снова! Боюсь только, что даже в лучшем случае все закончилось бы опять подвалом. А в худшем...

Пожалуй, даже то, что приключилось со мной, еще и не самый плохой вариант. И узнавать на своей шкуре другие альтернативы как-то не хотелось. Самое реальное было идти в деревню. И просить, чтобы там спрятали.

Крестьяне сами пострадали от людей Потура. И могли бы мне помочь, если бы захотели. Но вот этого-то момента я побаивался. Что, если вместо того, чтоб спрятать, они меня как раз выдадут?

Скажите, такого не бывало? Да сколько угодно. Впрочем, это только страхи. Деваться-то мне все равно было некуда. Оставались, правда, еще мои неведомые благодетели...

Однако надежда на них выходила какая-то испуганная. Кто их знает, чем все может обернуться на этот раз? Я невольно вздрогнул, вспомнив борозду в лопухах. А особен-

но то, что ей предшествовало.

Да-а... А возможности у них и велики же! Но тогда я совсем уже ничего не понимаю. Ни единого их действия. Почему они затеяли со мной какие-то кошки-мышки, вместо того чтоб просто поговорить прямо?

Не поверю ни в жисть, что при таких-то возможностях они меня напрямик к себе доставить не сумели! Так раздраженно рассуждая сам с собой, я пробирался меж тем по лесу, огибая замок.

С таким расчетом примерно, чтобы выйти аккурат к деревне. Идти было крайне затруднительно и болезненно. Поскольку босые подошвы резала каждая опавшая хвоинка, не говоря уж о крупных сучках и шишках.

А голая кожа уже зудела от непрерывных прикосновений колючих еловых веток. Я ругался сквозь зубы, но это помогало слабо. И вдруг прямо впереди я увидел подле дерева какую-то странную человеческую фигуру.

Человек стоял не шевелясь, прислонясь к дереву и, как мне показалось, смотрел на меня. Я мгновенно замер как был – делая шаг, – на одной ноге, моментально забыв и про холод и про прочие неудобства. Весь обратившись в слух.

Тишина...

Ни единого звука не доносилось ниоткуда. В том числе и от человека. Стоять на одной ноге было как-то несподручно. К тому же я наконец сообразил, что являю собой превосходную мишень.

И вообще, без очков разглядел этого человека всяко позже, чем он меня. Но ничего не происходило. Стоять мне стало совсем невмоготу. Я осторожно опустил вторую ногу и, вглядываясь в нелепый силуэт у дерева, тихо позвал:

– Эй!..

Не услышать он не мог. Тем не менее никакой реакции не последовало. Нехорошие предчувствия пробудились во мне от этой картины. Но из любопытства я все-таки осторожно двинулся вперед.

Фигура у дерева оставалась подозрительно неподвижной. И что-то в ней было не совсем так... Да ведь у человека не было головы! Я ужаснулся, но по инерции сделал еще шаг. И вдруг увидел, что никакой это не человек, а просто тулуп висит на дереве!

Большой овчинный тулуп. Огромный, длинный и теплый! Обыкновенный тулуп, каких полным-полно во всех деревнях. Да и в городах тоже хватает. Тулуп... С некоторой опаской я осмотрел его снаружи, не прикасаясь.

Ничего особенного. Нормальная овчина. На вид вроде совсем недавно здесь повешена. Никаких следов сырости или птичьих меток. Откуда он здесь взялся? Я осторожно снял его с ветки.

Осмотрел еще раз изнутри. Сухой! Забыл его здесь кто-нибудь, что ли? Или как? Впрочем, размышлять тут было не о чем. Пожав плечами, я накинул шубу на себя и погрузился в упругую колючую шерсть.

У-у! Хорошо! Я завернулся в тулуп целиком (чего уж там брезговать нечаянным подарком!), сел под дерево и укутал еще и ноги, уставшие шлепать по колючей лесной подстилке.

Жаль, в комплекте не оказалось еще валенок. Вот был бы ходячий цирк! Глядишь, и подрабатывать пошел бы по местным корчмам... Или трактирам? Я представил, как бы это выглядело.

Н-да. Та еще картиночка. Но почему-то веселья мне она не прибавила. Вспомнив, в каком мире нахожусь, я моментально вспомнил и все уже здесь приключившееся. И похоже, вряд ли что-то лучшее будет впереди.

Мысли сразу свернули на минорный лад. Слегка уже поднадоевший. Чтобы отвлечься, я стал осматривать по второму разу свою находку. Осмотр окончательно убедил меня, что тулуп нисколько не подгнил и висит здесь совсем недавно.

Я отважился надеть его теперь в рукава. И, закутавшись поплотнее, почти уже без опаски засунул руки в карманы, пришитые двумя квадратами снаружи. Но все же с некоторой осторожностью – мало ли что там!..

Что?!

Я едва не подскочил.

Это же... Я вытащил руку из кармана и, приглядевшись, убедился – пачка сигарет. Мало того, моя пачка! Та самая – помятая и полупустая! А в другом кармане пальцы мои нащупали спичечный коробок и складной нож.

У меня даже сомнений не возникло, чьи это спички и чей

нож. Но это было не все: в первом кармане еще что-то имелось, под пачкой. Я снова залез туда рукой.

Очки!!!

Мои очки, мои! Которые отобрали люди Потура! Они! Что я, своих очков не узнаю?

Ох какая это была радость! Вот уж радость так радость! Вновь прозреть, опять увидеть мир нормальным, а не размытыми формами и пятнами! Это было здорово! Просто великолепно! И теперь уже не приходилось гадать, чье это дело – тулуп!

И я несколько не удивился, когда, прикуривая, в свете спички увидел у корневища жестяной отблеск консервной банки. Чудеса продолжались. Неведомые мои благодетели не оставляли меня.

Я даже примирился с этим внутренне. Но, опустошая банку, рассуждал я, эта их помощь – слов нет, весьма насущная! – имеет какие-то странные формы. Почему именно в таком виде?

Или, может, они так и собираются таскать меня по свету – из одной передрыги в другую?.. Я даже поежился. Как ту крысу в лабиринте... Сажают туда и заставляют искать правильный путь.

И если крыса найдет выход – она молодец, а если нет – никуда не годится. Но крыса-то об этом ничего не знает! Для нее это не опыт. Да и я, извините, не крыса! Мне-то, наверное, по-человечески все рассказать можно было.

Не совать головой в мясорубку. Я невольно поежился еще раз, вспомнив замок – как я оттуда выбрался? Впрочем, я подозревал как. Оттого и поежился. Честно говоря, даже и углубляться в этот вопрос пока не хотелось совершенно. Очухаться бы сперва.

Я отставил пустую банку в сторону и закурил. Хотелось ни о чем не думать. Сидеть в тулупе, курить и не двигаться. Было тепло и уютно. И казалось, никто уже не побеспокоит в пустом лесу, далеко от людей и связанных с ними неприятностей...

Господи! Где я сижу?! И о чем думаю?! Какой уют и какое спокойствие?! Сумасшедшая совершенно ситуация, а я под деревом раскуриваю! Ноги делать отсюда надо! И чем быстрее – тем дальше. Как говорится.

Я заставил себя подняться. Боязно мне было идти в деревню, не хотелось. Но что делать? Придется! Рывком я выпрямился, высвобождая ноги из-под тулупа...

Трах!

В глазах у меня все мигнуло, и я оказался опять в сидячем положении под деревом. С гудящей головой и совершенно ошарашенный. Не было же ничего надо мной! Там раньше тулуп висел – я же сам его снимал!

Я задрал голову вверх. И тут же забыл об ушибе. На том же суку, на месте тулупа, висела теперь целая гроздь. Я не сразу даже понял, из чего она состоит. Но то, во что въехал головой, вставая, опознал безошибочно.

Приклад. На дереве среди прочего висел великолепно мне знакомый по армии автомат Калашникова модернизированный – АКМ. Образца тысяча девятьсот пятьдесят девятого года.

Об этом стоило подумать. Очень стоило, размышлял я, возвращаясь обратно к замку. Только вот что? Что думать-то? На суку оказался очень хорошо подобранный комплект.

Одежда и обувь – то ли егерская, то ли спецназовская униформа серого камуфляжа. Про белье мои снабдители тоже не забыли. Кроме того – автомат, средних размеров крепкая кожаная сумка на ремне и еще одна штука.

Прибор ночного видения. В теперешних моих условиях вещь просто неоценимая. Она-то меня и заставила подумать о таком тщательном подборе. Очень уж недвусмысленно получилось.

Я проверил автомат: передергивая затвор, извлек из него гораздо больше тридцати штук патронов. Значит, и это тоже действовало. Сумка же... Сумка оказалась полна гранат Ф-1. Ребристые «лимонки» увесисто круглились в кожаном нутре.

Да-а, это было кое-что! Не пистолет Макарова. Хотя от пистолета я бы тоже не отказался. С таким снаряжением я теперь действительно мог пойти в замок и разворотить там все, к щучьей матери!

Правда, я уже не в плену. И бесповоротной ненависти к Потуру и его людям не испытываю. Вырвался – и ладно. В принципе ничего особенного по средневековым меркам они со мной не делали.

Скорей уж это я повел себя по отношению к ним как наглый агрессор. А Потур – какая-то местная знать. И раздраконець я его сейчас, мигом окажусь вне закона. На что мне это надо? Даже с автоматом...

Совсем не надо. К тому же я, похоже, и так бы смог теперь здесь прожить. Даже просто в лесу. Ни с кем не связываясь. Или нет? Интересно, поступи я так в самом деле – будут ли меня продолжать снабжать дальше? Или нет?

Впрочем, бессмыслица это, конечно. Но что я еще тут могу? Дорога домой отсюда мне неизвестна. Мир этот я тоже не знаю. Да, честно говоря, и знакомиться-то особого желания не имею. Увольте.

Но если по совести, я просто трусил. Я избавился, так или иначе, от Потура – и мне больше не хотелось туда идти. Я ведь случайный здесь человек. Почему я знаю, на чьей стороне правда?

Влипну опять в какую-нибудь историю... Всю жизнь в нихвлипаю. Что я знаю? Ничего не знаю! Одно только имя. Лицо даже рассмотреть не успел. А может, она государственная преступница? Что тогда?

Я походил под стенами замка, послушал. Там все было

спокойно. Похоже, что все спали. И даже часовых не выставили. Во всяком случае, я никого не видел. Впрочем, может статься, тут такая глушь, что им и опасаться некого.

Ворота замка были закрыты. Из-за них не доносилось тоже ни звука, но там где-то имелось караульное помещение. В нем-то уж все равно должен кто-то быть. Иначе можно просто ворота не запирают. Замок не квартира. Въезд должен охраняться... Ладно.

Я оглядел глухие створки и в некотором беспокойстве полез в сумку; пожалуй, «лимонки» здесь не очень-то подойдут. Сделай я даже связку. К тому же разлет осколков у Ф-1 – двести метров. Куда спрячешься?

В замешательстве я оглянулся и посмотрел на мост через ров. Мост был неподъемный. Крепкий, с мощными каменными парапетами. В принципе, если что, за такой тумбой можно укрыться.

Тьфу ты! Но ведь взрыватель-то у «лимонки» дистанционный – взрыв следует через четыре – или через три с чем-то? – секунды. Впрочем, это не суть важно. Хуже другое: граната ударится и отскочит.

И все! Рванет в стороне. Или, чего доброго, ко мне же и откатится. Благодарю покорно! Ну молодцы же мои благодетели – нашли чем снабдить! Да я и сам хорош – сразу-то подумать не мог? Стоило ли тогда сюда переться?

И вдруг рука моя, роясь машинально в сумке с ребристыми начинками, ощутила под пальцами совсем другую фак-

туру. Я осторожно потащил эту штуку наружу... И вытащил противотанковую гранату РКГ-3! Как раз то, что мне требовалось!

Но я ведь специально проверял, перед тем как идти сюда! В сумке одни «лимонки» были! Да что я говорю – я сам все это время держал руку в сумке, перебирал пальцами гранаты. Соображал, сколько их может быть нужно на ворота!

И я точно могу сказать: в сумке были одни «лимонки»! Меня словно пригвоздило к месту. Хотя стоять там вовсе не следовало. Но то, что мелькнуло у меня в голове, было так невероятно, что я засомневался. Верить ли?

Хотя сам держал в руке вещественное доказательство.

Но вдруг действительно?!

Я переложил гранату в другую руку, снова залез в сумку... и вытащил еще одну РКГ. И, подумав, еще одну. Работало! Но мысль, пришедшая мне на ум, к этому действию не сводилась.

Этот фокус был мне уже известен и неудивителен. Разница между спичками или гранатами здесь принципиально несущественна. Да и трех противотанковых должно было хватить на ворота с лихвой.

Интересно было совсем другое. И если это другое действительно таково... Тогда держись, Потур! – подумалось мне весело. Я ж тебя в клочки разнесу! В пыль! На атомы! Ты ж у меня икать не переставая будешь!

Я засунул руку в сумку еще раз. И, осторожно и тщательно

покопавшись в малом отделении, нащупал пальцами моток изоленды.

Ну вот.

Что ж, господа, – что и требовалось доказать! Сейчас я постучусь к вам в ворота. Уж не обессудьте! Сильно-сильно постучусь. Принимайте гостя. Нежданного, но зато очень дорогого!

Я туго примотал изолентой гранаты друг к дружке, отошел к мосту, присел за каменной тумбой у парапета. Нормально вроде. Близковато, может быть, но с того конца моста мне уже не добросить.

Ладно. Убрав ленту в сумку, я примерился, собрался с духом, положил на землю автомат, чтоб не мешал. Привстал и, размахнувшись, швырнул связку в ворота. Эх! Давненько не брал я в руки шашек!

Мысль эта ни с того ни с сего пронеслась у меня в голове, когда я падал плашмя на доски настила. Но вообще-то, если быть точным, противотанковых гранат я не бросал никогда. Не было их у нас в полку на вооружении. Ну!..

Ахнуло так, что я чуть с моста не слетел. Каменная тумба, за которой я укрывался, шевельнулась как живая. Словно собралась прогуляться. Свистнули по бокам осколки. Рядом со мной упал матерчатый стабилизатор гранаты.

Я передернул затвор, вскочил из-за укрытия и бросился к воротам. В створках зияла здоровенная рваная дыра, заполненная чернотой, в которой клубились дым и пыль. Я вбежал

внутри и огляделся.

Дверь караульного помещения оказалась сбоку. Она распахнулась как раз в тот момент, когда я на нее посмотрел. В освещенном прямоугольнике возникли человеческие фигуры.

Но я был уже наготове и несколькими очередями расчистил себе путь и оказался внутри. Да-а, народу тут было еще предостаточно! На раздумывания времени совсем не оставалось.

Я разразился длинной очередью – никак не меньше двух рожков, – поливая во все стороны, как из брандспойта. Оставляя в тылу хоть кого-нибудь было нельзя. Только бы ствол не заклинило, мелькнула запоздалая мысль, но все обошлось.

Караулка наполнилась грохотом, криками, пороховым дымом, стонами – но все быстро смолкло. У дальней стены я рассмотрел несколько ступенек, ведущих к двери под самым потолком. Куда это?

На всякий случай я с предосторожностями пересек комнату, подобрался к дверце и распахнул ее. За ней круто уходили вверх ступеньки. Похоже, это было то, что мне требовалось!

Если, конечно, наверху нет какого-нибудь идиота с топором или копьем, мелькнуло у меня в голове, когда я уже прикрывал дверцу за собой, ступая на первый марш лестницы. Но, похоже, страхи мои были напрасны: людям Потура,

по-видимому, бояться действительно было некого. Верхняя площадка над воротами оказалась пустой.

Я быстро подбежал к краю, опустился на колени и заглянул во двор. Замок просыпался. Топотали десятки ног, металось пламя факелов, тревожно звучали голоса. Где-то пронзительно заржала лошадь.

Что ж, пока все идет, как я и предполагал. Попробуем теперь небольшое дополнение. Помедлив, я осторожно запустил руку во внутренность сумки – получится или нет? То, что вышло один раз с изолянткой, вовсе не обязательно повториться с чем-нибудь другим. Но если только получится...

Получилось. Получилось! Правда, с каким-то усилием, с напряжением даже, но – получилось! Я вытащил из сумки мегафон и положил пока рядом с собой. Потом стал выкладывать «лимонки», стреляя взглядом по двору.

Все описываемое заняло реально очень мало времени. Едва ли минутой. События вертелись независимо от меня, и, понятное дело, долго рассуждать было некогда. Двор под хлопанье дверей заполнился народом.

И я вдруг увидел, как цепочки людей с факелами устремились на стены. Я этого вовсе не предусмотрел и только сейчас сообразил, что как раз мог бы и предусмотреть – куда кидается гарнизон крепости в случае нападения?

Обругав себя идиотом, я схватил мегафон.

– Эй, вы! Послушайте! – проорал я во двор. – Бросьте суесться и валять дурака! Послушайте, что я скажу!

Эффект оказался даже больше, чем я ожидал. Всякое движение во дворе мгновенно прекратилось. А в наступившей тишине, как по заказу, чей-то голос запоздало завопил где-то подо мной:

– Караул мертв! Ворота разбиты! Нас атакуют!

– Никто вас пока не атакует! – Мегафон оказался просто прелесть – голос звучал совершенно не по-человечески. Да к тому же так грохотал среди построек, что не понять было, откуда говорят. – Но если вы сейчас же не уберетесь отсюда, пеняйте на себя!

Во дворе озадаченно молчали. Я решил уже почти, что моя взяла, но не тут-то было. Напугать этих людей оказалось не так просто. Чей-то голос начальственно скомандовал:

– Две десятки – к воротам! Остальным обыскать стены и башни! Их не может быть много!

«Их» – это меня, надо полагать. Крепкие ребята, чего уж там! Я тихо выругался себе под нос и крикнул в мегафон:

– Я вас предупредил! Идиоты!

Отбросил мегафон и схватил две гранаты. И снова вымастерился, уже всерьез, – опять это мое недомыслие! Да ведь осколками Ф-1 на таком расстоянии посечет меня же самого! Идиот! Вечный идиот!

Что бы делал, если бы не сумка?! Я сунул гранаты на место и торопливо зашарил в поисках новых, осторожно стараясь не зацепить предохранительные кольца.

Вот еще глупость: какой же дурак хранит гранаты «нава-

лом» со вставленными взрывателями?! Впрочем, кажется, понятно какой, сообразил я. И меня запоздало пробрало холodom.

Вспомнилось, как в фильме «На войне как на войне» Малешко лазил в самоходку за неразорвавшейся «лимонкой». Брр!.. Надо, пожалуй, будет что-нибудь придумать в будущем на этот счет.

Пока же ладно, и так как-нибудь обойдемся. До того ли сейчас, когда бой и каждая секунда на счету? Замену бы быстрее произвести, а все остальное потом!

Сумка не подвела и на этот раз: я выхватил две гранаты РГД-5 – такие же круглые, как «лимонки», но в гладкой оболочке, гранаты наступательного действия, как раз то, что и надо было! – сорвал кольца.

И, широко размахнувшись, послал их в дальний конец двора. К подножию главной башни. Они разорвались с треском, дав две короткие вспышки. А я уже кидал вторую пару. Туда же, за первыми вслед.

И – пошел засыпать дальний конец двора гранатами. Постепенно отжимая людей от построек в сторону ворот. Внизу поднялся крик и началось форменное столпотворение. Но я старался изо всех сил, и внизу наконец сообразили, в чем состоит мой творческий замысел.

Без промедления все, кто еще уцелел, кинулись прочь из замка, и, по-моему, возражавших против этого заметно не было. Я проводил их гранатами в ворота и за мост – сколько

смог добросить. А потом почти до леса из автомата. Поднял вдогонку мегафон:

– Вернетесь назад – ноги поотрываю!

Принимая во внимание предшествовавшие короткому бою обстоятельства, это была просто восхитительная минута! Но, без сомнения, в замке должны были остаться еще люди. Укрывшиеся в пристройках, в главной башне, в подвале, наконец.

Да и на дворе валялось чересчур много тел для трупов. Вряд ли относительно слабенькая РГД-5 могла столько нашинковать. Я с некоторой растерянностью подумал, что не знаю, как же теперь быть.

Я-то ведь рассчитывал, что пугну выбежавших во двор гранатами, выгоню их вон, потом шугану из автомата – и все, замок остается за мной! А что получилось? Спускаться вниз и выколупывать их из щелей?

Не очень что-то хочется. Но, похоже, придется... На всякий случай я взял мегафон и сказал:

– Эй! Кто есть живой? Вылезайте! Соберите раненых, заберите убитых' – и мотайте отсюда! Вы мне не нужны. Слышите?

Напряженная тишина была мне ответом.

– Вылезайте, не бойтесь! Никого не трону!

Внизу что-то заскрипело, и хриплый голос спросил:

– А ты правду говоришь?

– Да! Я же вам с самого начала предлагал, чтоб вы ушли

по-хорошему!

После некоторой паузы голос ответил:

– Ладно!

Во дворе зашевелились, раздались голоса, стоны. Появились факелы. Люди стали осматривать лежащих. Слышны были потрясенные возгласы. Некоторые из «убитых» тоже зашевелились.

Я присел на корточки у парапета и закурил, глядя на это побоище.

– Нам нужны повозки для раненых! – крикнул, выпрямившись, один из людей во дворе. По голосу судя, тот же, что заговорил со мной. – Можем мы их взять?

Я снова включил мегафон:

– Можете. И лошадей тоже. И увезите заодно и убитых.

Появились телеги. Встревоженные лошади храпели и волновались. Постепенно двор начал принимать не такой жуткий вид. Я продолжал сидеть над воротами и курить. Уцелевшие обыскали весь замок, собирая своих.

Один раз чья-то лохматая голова объявилась из люка на площадке моей башни. Но тут же с испуганным вскриком юркнула обратно. Да уж, наверное, на свежий взгляд вид у меня – в ночных очках и с сигаретой – был еще тот!

Наконец внизу все собрались в путь. Я опять взялся за мегафон:

– Эй!.. Где та девушка, которую захватили у реки?

Во дворе произошло форменное замешательство. Види-

мо, они не знали, как ответить. Наконец все тот же человек, что говорил со мной, повернулся к воротам и крикнул:

– Ее нет в замке!

– Что? – Я стиснул рукоять мегафона. – Как – нет?! Да я вас сейчас на куски!..

Внизу отчаянно засуетились.

– Постой! – крикнул человек. – Ее правда нет! Ее увезли еще вчера! Потур вместе с Залибой! Мы не знаем куда!

Вот это был номер. Не номер, можно сказать, а целая нумерация! Но соображать я от этого не разучился.

– Ты что, будешь говорить мне, что не знаешь, где ваше логово? Ты меня за идиота считаешь?!

– Нет! Ее повезли не в Виден! Куда-то в другое место! Мы не знаем! Это известно только тем, кто уехал!

Да провались ты!..

– Убирайтесь отсюда! – в сердцах гаркнул я во двор и бросил мегафон на площадку.

Ну что мне, всю жизнь быть таким круглым идиотом?!

Глава 4 Трое из леса

Если рыщут за твоею непокорной головой...

Только через несколько часов, когда деревня и замок остались далеко позади, а вокруг сомкнулся совершенно первобытный лес, я немного успокоился. Размеренный шаг, зеленая тишина кругом да изредка птичий пересвист сделали

свое дело.

Ладно пригнанный рюкзак, крепкие ботинки и отличный камуфляжный костюм еще больше улучшали настроение. Совсем не то что предыдущие две недели. Только висящий спереди автомат напоминал о необычности происходящего.

Оружие я сменил на АКСУ – не в пример компактной АКМ, – но все равно было не очень удобно. Все-таки я не в пехоте служил. Марш-бросков у нас было в полку всего ничего. Считай, что вовсе не было.

Впрочем, жаловаться не стоило. После всего, что было, я от автомата отказываться не собирался. И даже расширил свой арсенал некоторыми другими полезными вещами. Делавшими, на мой взгляд, существование в этом мире более надежным.

Встревать в приключения, подобные прошедшей встрече с Потуром и его людьми, мне до смерти не хотелось. Несмотря на то что в конце концов я вышел из него победителем. Вернее, правду будет сказать – счастливо унес ноги.

Впрочем, тем, от кого я их уносил, тоже неплохо от меня перепало. И тем не менее повторения мне не хотелось.

Я остановился передохнуть на небольшой поляне, почувствовав, что устал. Скинул рюкзак наземь, сам уселся рядом, держа автомат под рукой и окидывая заросли взглядом. Закурил.

Собственно, предосторожность была излишней. Вряд ли меня могли преследовать. Те, кто находился в замке, бежа-

ли без оглядки. А жителям деревни, по-моему, до всех этих разборок было как до одного места – лишь бы только их не трогали. И все.

К собственному удивлению, я остался на замковых стенах совершенно один. И ничем не походил на героического спасителя. Трам-тарарам! Как говорил один мой знакомый, когда ему очень уж хотелось выматериться.

Куда увезли девушку, никто мне сказать не мог. Так что я почувствовал себя дураком. Обошел опустевший замок, покурил на верху ворот, а на рассвете, плюнув, ушел в лес. Как и пришел.

Причем на выходе из замка, прямо на мосту, меня и ждал вот этот самый рюкзак. Появление которого я оценил по достоинству и без промедлений: сразу же закинул внутрь сумку и АКМ. Вытащив вместо последнего «аксушку».

Очень своевременная посылка. Так что ныне я был хорошо оснащен. Не то что раньше, когда тащился по тайге. Особенно приятно это проявлялось в отношении еды. Все, что требовалось, достать стало возможным в любое время.

Вот и сейчас приготовление походного обеда не заняло времени. Фокус с сумкой я усвоил уже достаточно хорошо. Костер разжигать не стал – день, тепло. Слупил консервированную колбасу и салат всухомятку. Запил каким-то соком. Подумав, глотнул из фляжки – для бодрости.

После чего почувствовал себя совсем хорошо. Снова потянуло закурить. Я не стал себе в этом отказывать. Но разно-

образия ради решил вместо своей надоевшей уже полупачки обзавестись чем-нибудь другим. Да заодно и благодетелей лишний раз проверим...

Сосредоточившись, я нащупал под клапаном характерную сигаретную пачку. С ней, правда, попало еще что-то. Я вытащил, пригляделся – и рассмеялся.

Вместе с пачкой «Лаки страйк» оказался паспорт. Мой: развернув красные корочки с устаревшими буквами СССР, я прочел – Гаршин Всеволод Алексеевич. Год рождения, прописка... Ну вот, можно сказать, представились!

Надо же. Как говорил в фильме «Берегите женщин» один из героев – когда надо, его нет, когда нет, его надо. Я повертел паспорт в руках и засунул аккуратно в карман. Действительно, а вдруг пригодится?!

Вынул спички. Какая-то пичуга неизвестной мне породы уселась на дерево неподалеку и принялась меня разглядывать с уморительно серьезным видом, склонив голову набок. Я по привычке потряхнул коробок.

И удивленно заметил, что он не отзывается привычным же стуком. И вроде потяжелел даже. И открываться стал с натугой. словно что-то в него запихали чуть большего размера, чем сам коробок. Что еще за ерунда?

Ерунда оказалась... перстнем. Тем самым. Серебряным, с печаткой. Действительно впихнутым в кузовок вместо спичек. Что за бред?! При чем тут перстень?

Понятное дело, я узнал эту штуку – уже дважды она у ме-

ня появлялась. И в общем сам факт появления меня не очень смутил. Те же отобранные и вернувшиеся очки вызвали куда больший ажиотаж.

Но перстень-то с чего? Носить, что ли? Так не ношу я украшений. В чем смысл? Я, продолжая рассматривать неожиданное прибавление, тщательно охлопал себя по карманам. Может, есть все-таки спички?

Спичек не было. Вот ничего себе... А если и дальше так же будет? Представляю: вместо патронов в автомате – к примеру! – сигареты. Туши свет, Вася, что называется!

Я сидел с незажженной сигаретой в одной руке и дурацкой безделушкой в другой и все больше и больше погружался в мрачную меланхолию. От которой успел было чуток освободиться, выкинув людей Потура из замка.

Кажется, лучезарные надежды, возникшие с обнаружением мной так называемого феномена сумки, самым беззастенчивым образом провалились. Лопнули, если система работает с такими выкрутасами, как этот перстень. Да и паспорт тоже.

Ясно, что ничего путного с ней не сварить. А случился бы такой финт во время боя в замке? Мне страшно захотелось плюнуть, шваркнуть перстень об землю, пнуть, что ли, рюкзак ногой... Ведь экая сволочная подлянка оказалась!

Пришлось сделать усилие, чтобы сдержаться. Не в том я совершенно положении, когда можно рожу кривить. Что дают – то и есть приходится. А я вообразил вдруг себя чуть ли

не волшебником! Вольным и независимым. Дурень.

Я прикурил и загасил зажигалку.

Дур-рак!.. Или нет? Пожалуй, все-таки дурак: можно ведь было догадаться, что система пока еще не отлажена. Торт тот дурацкий вафельный. Хлеба за две недели ни разу не появилось. А в замке?

Пистолет с тремя обоймами – это что, серьезное оружие? А очки вернуть – сколько времени потребовалось? Да еще тулуп в придачу! Ладно, сообразили наконец мои покровители, что можно мне и рюкзак послать.

До сих пор ведь не представлял бы, что и когда вдруг появится! Зажрался ты, друг-приятель, вот что. Сам виноват. Научись лучше пользоваться тем, что уже имеешь!

А то так и будет дальше выходить по анекдоту: сделать хотел козу, а получил грозу! Ведь я действительно хотел зажигалку! Нормальный «крикет»! А лез за спичками! Ладно еще, что гранату вместо всего не вынул. Взведенную.

Вернулась давешняя пичуга, улетавшая куда-то. Снова принялась меня изучать. Мы немного с ней поиграли в переглядки, потом она опять умахала куда-то прочь. Видимо, уже навсегда. Ну и ладно.

Интересно, а что она обо мне подумала? Вряд ли в здешних местах можно было раньше встретить человека, облаченного подобным образом. Кстати, вот еще забота на мою голову – а не стоит ли переодеться?

Все-таки вокруг Средневековье. Камуфляж у меня хотя и

блекло-серый, но покроя не местного. И весь вид в целом, с автоматом и станковым рюкзаком, как-то в тутошнюю моду не вписывается.

Но надевать здешнее рядом тоже не хотелось. В итоге я так и не пришел ни к какому выводу. Решив остаться при своем. В конце концов, необычное облачение в Средние века как раз не считалось чем-то особенным – все шили индивидуально.

Докурив, я не спеша загасил окурок, притоптал и тщательно вдавил в землю каблуком. Не хватало мне только лесного пожара. Видел я разок, что это такое, – больше как-то не хочется!

Вставать и идти дальше тоже не хотелось. После еды и тело и мысли одолела легкая истома. И куда я, собственно, то-роплюсь, если подумать? Ждет меня тут кто-нибудь? Скорее совсем наоборот.

Что это за места, что за мир – даже представления не имею. Что может случиться, если встречу людей... Встретил вот недавно. Что-то больше не хочется. Единственное правильное решение сейчас, после всей этой заварухи, – как можно скорей уйти как можно дальше.

Чтобы не поймали в случае чего. Действительно ведь: я, может, государственную преступницу отбить пытался. Хотя непохоже вообще-то, что так оно и есть. Но тем не менее.

Снова захотелось выругаться. Я опять вспомнил себя на

воротах с мегафоном и автоматом. Дурень. Пришлось даже закурить еще раз. Теперь уже от нормальной зажигалки, а не от этого серебряного страшилища.

Представляю, хорош бы я был, вздумай таскать эту дуру в качестве обычной карманной чиркалки. Скорей бы уж вместо кастета подошла. Еще бы серебряную цепь на пузо – во была бы картинка!

Посидел молча. Вернулся обратно к своим баранам. Мыслям то есть. Что можно здесь сделать? Ничего! Как я их, вообще, найду?! А если и найду, то что тогда? Опять замок штурмовать? Так ведь не дураки, приготовятся.

А я все-таки не спецназ. Нас и учить-то практически ничему не учили. Так, технический специалист. То, что я давеча отчебучил, так это с перепугу сначала, а потом от глупости.

Второй раз мне такого сделать не дадут. Мало ли что я сейчас в контактных линзах хожу и автомат из рук не выпускаю. Технарь он и есть технарь!

Но ведь и так, наугад, уносить ноги тоже не годится! Надо же хоть какие-то справки навести. Знать хотя бы, куда правильно бечь. Вот тебе, Гар, задачка! Иди и думай.

Придется, видимо, оттопать вниз, на юг, – столько, сколько можно. А потом отправиться в какой-нибудь крупный населенный пункт. Желательно в город. Там по крайней мере небольшой шанс есть затеряться. Если город крупный.

Хорошо уже то, что с языком проблем никаких нет. Похо-

же, местный я знаю в совершенстве. Каким образом – непонятно. Это я только сначала от неожиданности решил, что здесь русский, а потом времени не было задумываться.

А тут говорят совсем иначе. И как это мои благодетели устроили, я ума не приложу. Ох, добратся бы до них, милостивцев. Поговорить бы... После минувших приключений, чувствую, я бы разговаривал не очень деликатно.

Ладно, сиди не сиди... а идти надо. Я с некоторой неохотой поднялся. Все-таки прошагать несколько часов по лесу без дороги с рюкзаком за плечами и автоматом в придачу не так-то легко. Притомился малость, заметил я сам себе, вскидывая станкач на плечи. Подтянул ремни, попрыгал. Вроде нормально. Не раскисай, приятель! Ничего еще не кончилось, потому что еще и не начиналось! И, кроме того, похоже, – в этом мире теперь жить. Так что... Я повесил на шею автомат и потопал вперед.

Ать-два...

На ночь я остановился на вершине водораздела: длинный, изогнутый гребень, поросший стройным сосняком. Заходящее солнце горячими мазками ложилось на маслянистые стволы деревьев.

Я развел костер из валяющегося в изобилии сушняка, вколотил по бокам рогульки, пристроил над пламенем котелок с водой, в которой намеревался изобразить варево. Забавно, из какого крана была вода?

Настроение мое совсем улучшилось, и я рассеянно мычал что-то несерьезное под нос, устанавливая палатку-одноместку. Путешествовать – так уж с комфортом. Позади открывался неплохой вид на покидаемые места, и это только радовало.

Преследовать меня, похоже, и в самом деле никто не собирался.

Судя по увиденному мной на данный момент, география здешнего региона напоминала что-то вроде Среднерусской возвышенности или Предуралья. Холмистая местность, поросшая тайгой с системами речных долин.

Вполне обыденный, в общем, ландшафт. По тайге опять же судя – с сибирским примерно климатом. Континентальным резко. То есть летом жара, зимой морозы, и, значит, местность эта расположена где-то в середине большого материка.

Вдали от океана. Что могла мне дать эта предварительная информация в будущем, я пока не представлял. Но кое-какие мысли уже можно было высказать и на базе имеющегося.

Этнография этого места – при средневековом, конечно, устройстве общества – должна очень четко следовать ландшафту. Это правило везде работает. Что у нас, что на берегах Миссисипи.

Из этого следует первое соображение: держаться нужно поближе к какой-нибудь реке. Желательно крупной. Она всегда к людям выведет. Все всегда так и делают, я просто по-

забыл сначала с перепугу.

Сразу же возникает конкретный вопрос: где здесь может быть большая река? В смысле в какой стороне? Ответ самый простой. Там, куда текут здешние речки, реченьки, речушки и реченки. Ручейки тож.

Настоящий лесовик, наверное, нашел бы какую-нибудь другую приметку. Не знаю. Мне вот ничего такого неизвестно. Так что, подумав, я решил, что пойду завтра по южной стороне водораздела, поищу ручеек.

А там, глядишь, добреду до какой-нибудь речки, которая в свою очередь впадет в большую реку. Вопрос о том, что будет, если речка впадает в озеро, я решил оставить без рассмотрения как провокационный. Сославшись на бессмертное «там посмотрим». После чего занялся приготовлением ужина и укладыванием спать. Благодаря приобретенному очень удачно вместо сумки рюкзаку процедуру эту теперь удалось обставить небывалым просто комфортом!

Все требуемое без особых хлопот извлекалось из нутра заплечной сумы. Практически без задержек и с не очень большими накладками. Урок с паспортом и зажигалкой пошел впрок.

Теперь я старался каждый раз сосредоточиваться аккуратней и тщательней. И дело, похоже, пошло. Какая там банка консервов или мятный торт раз в пару дней! Регулярное трехразовое питание было полностью гарантировано.

Причем в любое время дня и ночи. По первому требова-

нию. Видимо, как можно было предположить, механизм переноса вещей требовал наличия закрытой камеры со стороны приемника. И тогда все шло просто замечательно.

О более тонких элементах этой невероятной схемы – например, как принимается заказ: мысленно, что ли? – я старался вообще не думать, понимая, что все равно ничего не смогу в них уразуметь. Работает – и ладно.

Сварив на ужинпельменей и запив все это несколькими большими кружками ароматного цейлонского чая, я выкурил традиционную перед сном сигарету, любовался наступившей за это время ночью, немного еще поразмышлял о том о сем, а в общем ни о чем, забрался в палатку, с наслаждением избавился от тяжелых ботинок, залез в спальник и почти моментально заснул.

Ощущения были, несмотря на все осложнения, как в каком-нибудь обычном походе. Что-нибудь пеше-горное, несложное. Так, не «единичка» даже, а ПВД какой-нибудь – «поход выходного дня». Спал я крепко и без сновидений.

Следующие два дня я пересекал территорию новой речной системы, стараясь по мере сил выполнять поставленную самому себе задачу. Двигаться в сторону большой реки.

Если бы еще это было так же просто сделать, как придумать! Я совершенно упустил из виду, что идти придется без всякой дороги. По диким зарослям, никем не предусмотренным.

Так что уже с самого начала пришлось расстаться с идеей следовать вдоль речного русла. По бережку. И ограничиться только примерным определением направления течения.

В целом, правда, сложности это не убавило. Может, чуть стало поудобнее. Скорость же не увеличилась однозначно. Но по крайней мере одно я определил – общее направление стока. Его и старался придерживаться.

И дальше уже мое путешествие шло все тем же макаром. Ориентируясь на встречающиеся реки, забирать в сторону их течения. На местности это выходило – на восток и юго-восток.

И, в общем, видимо, было правильно. Судя по тому, что постепенно мне начали попадаться сперва следы присутствия человека, а затем признаки человеческого жилья. Тропы, лесные дороги, обширные поляны – не то луга, не то пашни под паром.

Дважды встречалось нечто напоминающее хутора или лесные сибирские заимки – одинокие, отдельно стоящие усадьбы за высокими заборами. Внутри явно замечались признаки жизни, но точнее сказать ничего не могу.

Оба раза обнаруженные «объекты» я благоразумно обходил стороной. Поскольку никакого интереса в моем походе они не представляли. Ну чем они могли помочь мне отыскать большой город? Дорогу указать? А я их местные карты знаю, чтоб по этим указаниям ориентироваться? А убедиться чтобы, что, мол, город-то есть, – так это и без того ясно.

Чего же еще?

Один раз прямо среди леса, без всякой поляны, между деревьев, наткнулся на пустую постройку – то ли отшельничью хижину, то ли охотничий балаган. Ее я осмотрел, не обнаружил ровным счетом ничего, кроме таежного НЗ и, подумав, пополнил его своим.

Местность становилась все более и более оживленной. Видимо, я двигался в правильном направлении. На третью, если считать с водораздела, ночевку я остановился на уютной, приглянувшейся мне поляне в густом смешанном лесу.

Место, правда, было сыроватое, но зато располагалось вполне укромно, что меня очень даже устраивало. Как-то мне все еще не хотелось встречаться с людьми после пережитых приключений.

Я уже привычно раскинул лагерь. Костер разводить, впрочем, не стал. Вместо него обзаведшись примусом, что выглядело гораздо практичней. И палатку тоже не стал ставить. Честно говоря, просто стало лень.

Решил обойтись одним гагачьим спальником. В этих местах не стоило очень себя афишировать. Некто спящий в мешке – еще туда-сюда, но вот палатка мне показалась совсем неуместной.

По логике надо было бы и от примуса отказаться, но на это я уже махнул рукой. В конце концов, никто тут меня до сих пор не обнаружил. Да и дневные блуждания по лесу меня изрядно утомили. А примус не требовал дров.

Так что я, обмякнув, сидел возле гудящего агрегата, смотрел, как бурлит в котелке чай – нынче вечером так устал, что решил ограничиться только питьем. Быстро, по-осеннему, стемнело.

Лес заснул. Только какие-то извечные щелчки и шорохи доносились из чащи. Тишина завораживала как музыка. И поэтому, когда у меня за спиной внезапно закричала птица, я от перепуга подскочил.

В тот же миг кто-то сзади яростно навалился на меня. Плечи сдавило как клещами. По ушам ударило шумное сопение и топот многих бегущих ног. Не успел я охнуть, как руки мне уже завернули за спину.

Но тут я наконец очухался и начал действовать. От осознания перебитого отдыха я рассвирепел. И без раздумий применил одну из тех штукovin, какими додумался подстраховаться как раз на подобный случай.

Оба выкручивавших мне руки кувырком полетели в траву, один прямо в примус с котелком. Слабый огонек сразу погас, кипяток, конечно, пролился. Почему-то это меня больше всего раздосадовало.

Впрочем, это я отметил походя. Я не сидел на месте. Боевыми искусствами я, конечно, в отличие от всех героев, никогда не занимался. Но вырос в обычной советской пятиэтажке. И худо-бедно, случалось, участвовал в драках...

Я кувыркнулся вперед, куда-то наугад. Поскольку тьма наступила сразу же полная. И, внутренне матерясь, выдернул

из наплечного кармана ноктовизор. Торопливо начал напирать его на голову.

Эти несколько секунд показались мне вечностью. Поскольку я не видел нападавших, а их, судя по звукам, было более чем достаточно. И они не пилились перед тем на огонь, в отличие от меня, дурака.

Наконец я приладил прибор на место, включил... Как раз в самое время, чтобы увидеть огромного человека, замахивающегося на меня чем-то двумя руками. Я рванулся в сторону, опередив его на какой-то миг.

Удар... У-у-о! Перемать!.. Намечавшийся в голову удар пришелся по плечу – и рука сразу же одеревенела. Пся крев, как говорят ляхи-соседи. Похоже, чем-то навряд палицы или обухом.

Я резко – вдохновение момента! – умудрился выбросить одну ногу прямо, вперед и вверх. Из положения «вприсядку». И к некоторому своему удивлению, попал. То ли по голени, то ли по колену.

Уже вновь замахивающийся противник как-то нелепо свалился в траву, позабыв про свое оружие. Так-то, господа. Вот что значит электрошокер! Я благоразумно откатился еще раз, привстал и огляделся.

Со всех сторон меня окружало не меньше полудюжины человек. Не считая тех троих, что уже лежали на земле. От такого количества нападающих ничего хорошего ждать не приходилось. У всех было оружие.

А я, дурак, даже автомат к рюкзаку сегодня приторочил – надоело таскать в руках за эти дни. Собственно, мой первый успех в этой битве обещал оказаться и последним – такая масса любого задавит. Просто собственным весом.

Что тут же и подтвердилось. Я даже встать не успел толком, как получил хороший удар сбоку. Снова по плечу. К счастью, по тому же самому. К счастью – с точки зрения ведения боевых действий.

Получи я такой же с другой стороны, остался бы без рук. А так хоть одна еще двигалась. Кевлар, конечно, удар не пробил, но уж контузию-то я получил форменную. Похоже, что пора было это заканчивать.

Уцелевшей рукой я залез в кармашек на поясе, выгреб две – сколько успел – фотоимпульсных гранаты, активизировал и бросил в стороны. Успев еще упасть и зажмуриться изо всех сил. Вжимая окуляры ноктовизора в траву.

И тут мне все-таки досталось по голове. Видимо, кто-то дотянулся. Из глаз у меня посыпались искры, и самого интересного-то я и не увидел. Вокруг было тихо, когда я, промотавшись отбитой башкой, приподнялся на четвереньки и огляделся.

Повезло, называется. Прибор, к счастью, не пострадал, и я, повертев головой, обнаружил вокруг на поляне с десятков примерно неподвижно лежащих тел. Впрочем, с краю кто-то, кажется, шевелился.

Голова все-таки болела. Я поднялся во весь рост и выпря-

мился. Рука болела тоже. Причем куда сильнее головы. Но ни на то, ни на другое не было сейчас времени. Подумав малость, я ограничился по этому поводу несколькими таблетками анальгина.

После чего, шипя, чертыхаясь и ковыляя – похоже, еще растянул что-то в ногах, когда кувыркнулся, – принялся быстро напяливать рюкзак. Вот уж хрен я вам тут еще хоть немного останусь! Подальше отсюда. И побыстрее!

Пострадавшее плечо протестовало. Но, как я понял, не против того, чтобы убраться поскорее. Сцепив зубы, я закрепил ремни, подпрыгнул даже несколько раз перед дорогой – малоприятное в данном случае занятие – и совсем уже собрался идти.

Но тут одно чисто практическое соображение заставило меня немного задержаться. Видимо, я все-таки очень сильно разозлился. Иначе бы не сделал то, что сделал. А впрочем, может быть, и нет.

В любом случае, я без всяких угрызений совести залез рукой в боковой карман рюкзака – было очень несподручно это делать, не снимая рюкзак со спины, – и выудил оттуда плоскую коробчатую магнитную мину.

Уж какая, знаете, попалась. Зато с электронным таймером! Я установил время задержки на полторы минуты, швырнул мину на середину поляны и припустил в лес. С максимально возможной скоростью.

Я был уже довольно далеко, когда позади ощутимо бухну-

ло и осветило окрестности красноватой вспышкой. Надеюсь, это заставит нападавших забыть обо мне. Или послужит им хорошим уроком. Хорошо бы навсегда.

Во всяком случае, у них должна сильно поубавиться охота нападать на мирных прохожих... я вспомнил анекдот про мирно пашущий трактор и расхохотался. Что в какой-то мере подняло мне упавшее было настроение.

Хотя в целом радоваться было особо нечему. Видимо, меня все-таки заметили. Ничего хорошего в этом не было. Вряд ли я всех их убил. Слухи теперь поползут обязательно. И устроят на меня охоту. Что я им – дичь, что ли?

Я продирался через подлесок, пытаюсь сообразить, что же теперь делать. Выходило очень уж незавидно. Я всей спиной чувствовал ненадежность положения. Ни отдохнуть нельзя будет в безопасности, ни даже просто спокойно остановиться.

Слишком близко от преследователей! К тому же не переставала болеть голова. И рука продолжала ныть. Причем очень противно. Правда, двигать ею стало слегка можно. Так что мне, пожалуй что, и повезло. Могли в схватке и вообще убить. Не один раз.

В зеленой мгле окуляров мелькали ветки елей. Хорошо, хоть прибор этот есть. А то тьма же кругом кромешная. Хоть глаз выколи. И выколол бы уже давно, если бы не ноктовизор.

Тем не менее я совершенно заблудился в зарослях подлеска. И едва не свернул себе шею, с ходу свалившись в ма-

ленькую, но холодную лесную речку. Одну из тех, что раньше искал.

К счастью, речка и в самом деле оказалась маленькая. Я погрузился по пояс примерно. Вспомнил следопытское правило и не меньше чем минут десять брел вниз по течению, промок, промерз...

Наконец где-то выкарабкался на берег и потащился дальше. Настроение чем дальше, тем больше ухудшалось. И причем с катастрофической быстротой. В промокнувшей одежде, уставший и напуганный, я совсем не чувствовал себя в безопасности.

Может, настоящий следопыт и сумел бы надежно запутать следы, но не я. Наивная подначка с рекой ничего не стоила, кроме промокнутой одежды и перспективы простуды. К тому же ночная гонка требовала сил.

А весь запал, который у меня был, израсходовался еще на поляне. Я представил, как сижу, отдыхая, до утра под какой-нибудь елкой в обнимку с автоматом, дрожа от сырости и боясь разжечь огонь, и мне стало только еще тошнее.

Что-то похожее я уже чувствовал, угодив в эту передрагу. И потом – в замке у Потура. Там мне этих переживаний хватило даже с излишком. Омерзительное состояние. И вот сейчас опять!

Ну что можно сделать?! Хотел бы я это знать. Я как раз вышел на какую-то довольно просторную поляну. Машинально посмотрел вверх. Неба в прибор, понятно, видно не было.

Но контур древесных крон по краям просматривался отчетливо.

Занятная картина... В этот момент меня и осенило!

Я обругал себя дураком и остановился. Подумал, погрыз ноготь. Глупо, что я не додумался до этого раньше. Впрочем, раньше, до нападения, мне такое в голову и прийти не могло.

Кевларовая броня, костюм с электрошоковыми иглами, фотопарализующие гранаты – это все, на что я мог решиться. Сейчас же ситуация стала кардинально иной. С перепугу, пожалуй, можно и отважиться...

Чем дальше я раздумывал об этом, стоя на поляне, тем больше мне эта идея нравилась. И к тому же для владельца мешка она была вполне осуществима. Что немаловажно.

Решившись, я скинул рюкзак. Но не так это лихо получилось, как я хотел. Отбитое плечо сопротивлялось. И весьма сильно. Мне даже пришлось съесть еще пару таблеток и немного посидеть, дожидаясь, когда боль пройдет.

Тем не менее от замысла своего я решил не отказываться ни в коем случае. Идея уже захватила мое воображение. Да к тому же она позволяла выйти из положения кардинально!

Смущало только, что раньше я ничего подобного не видел. Знал только по описаниям да изображениям. Полезно иногда, оказывается, читать периодическую литературу.

Недаром говорят, что для всех разведок периодика чуть ли не основной источник информации. Я поставил рюкзак на землю. Отстегнул верхнюю крышку. Постоял, зажмурив

глаза и сосредоточиваясь, затем не спеша запустил руки под клапан.

Так. Ага. Крупный, твердый и весомый предмет... тяжелый, действительно. Настолько тяжелый, что рюкзак на нем как легкая варежка. Пришлось не столько вытаскивать добычу, сколько стягивать рюкзак с нее.

Груз был предельный по размерам, шел с трудом. Уф-ф! Стянул! Что тут? Ага, ранец – двигатель, рама, две прозрачных примерно десятилитровых емкости с керосином. Все скомпоновано в единый блок с прикрытым колпаком воздухозаборником посередине. Но кое-чего еще не хватало. Я снова полез в рюкзак. Удлинительные трубы с соплами. И напоследок – защитный шлем.

Да, еще перчатки! Их я чуть не забыл, но вовремя спохватился. Ну теперь вроде все, можно приступать к сборке. Совместить разъемы, затянуть замки, законтрить, подцепить тяги...

Вороненый металл тверд и холоден. Это ненадолго. Интересно, с какого спецсклада эту штуковину вытащили? Маркировка была вроде на английском языке, но абсолютно ни о чем не говорила.

Не забыть заглушку с воздухозаборника, с сопловой части я уже снял. Рукоятки управления отогнуть в рабочее положение. До щелчка. Поставить на упор. Проверить пульт и электропитание...

Ну вроде все. Электросеть, автопилот, горючее – зеле-

ные огоньки. Дисплей выдает картинку. Двигатель – красный сигнал, но так и должно быть, не включен же еще. Одним словом, можно надевать все это на себя.

Эх, рога с джойстиком неудобно расположены. Ну да ладно. Ремни застегнуть. А, проклятие! Рукоятка подтягивания ремней за левым плечом! Скрипя зубами, тянусь отбитой рукой... Все, затянулся. Как девица в корсете.

Плечо уже не ноет – орет! Впрочем, как-то без особой уверенности. Понимает, что деваться некуда. Тыфу ты, шлем не надел. Нагибайся за ним теперь, с шестьюдесятью килограммами за плечами.

Ладно, напялили и шлем. Теперь перчатки. Да что ты будешь делать! А рюкзак?! Так-перетак и перетак-так! Эдак, разэдак и переэдак. И – май твоему октябрю!

Так. Все снять. Обратное. Рюкзак. Куда его девать? Тупо стою и смотрю на имущество, которое некуда пристроить. А оставаться мне без него – тоже никак. Где я новый раздобуду? Опять две недели по тайге шлепать?

Камеры-то приемной без него не будет! Стою. Думаю. Медленно закипая от злости. Толком не могу ни на что решиться, но в конце концов все проходит – проходит и это.

Мрачно хлопаю себя по лбу, снова натягиваю снаряжение. Нельзя сказать, что я так уж доволен. Но иного варианта не вижу. Ранец за спиной, ремни подтянуты, руки на ручках управления.

Похудевший рюкзак прицеплен спереди на манер фарту-

ка. Не очень удобно, да уж что поделаешь! Хмуρο смотрю на дисплей, соображая, что означают разные элементы картинки. В конце концов вроде разбираюсь.

Механизм в общем-то по схеме не сложнее мопеда. Но, однако, не мопед. О чем не стоит забывать. Ладно. Посмотрим, что на ходу будет. А тяжела коробушка, однако! Ну что, поехали?

Жму стартер. Позади гудит, шипит, потом ревет. Без шлема бы ни в жизнь не вынес – молодец, правильно вспомнил! Из сопел справа и слева – два клинка ярчайшего пламени. Так в прибор видно.

Яростная струя воздуха бьет по ногам. Нечего тут ждать. Еще двигатель пережгу. Автопилот включен. Двигатель на пульте зеленый. Ну все. Левоу рукой добавляю тягу. Мало, что ли? Добавляю еще. Ну что там? А...

Деревья уже глубоко подо мной. Плотный поток бьет по телу – не выхлоп, а встречный ветер. А мне все казалось, под ногами еще земля. Впрочем, ощущения вполне знакомые. Лечу!..

Лечу. Лечу-лечу... Уже несколько минут, а все еще лечу! Куда, кстати? Компас – вроде все в порядке. Ладно. Ощущения неизъяснимые! А что у нас высотомер? Показывает высоту. Какую?! Над уровнем моря?!

Забыл, дурак, выставить перед взлетом местную! Впрочем, вряд ли здесь от этого была бы польза. Местность-то

пересеченная. Нет, слава богу, все нормально! Здесь радиоальтиметр. Из-за автопилота.

Понятно вполне. Автопилот, кстати, работает. Иначе много бы я тут сейчас налетал, разом рылом в лопухи. А так мне только задать надо: скорость, высота, направление – и все. Рукоятками только шевельнуть. Парю, можно сказать.

Орел ночной тоже мне. Ужас, летящий на крыльях ночи! Правда, вряд ли кто сейчас меня видит. Или видит? Ночь все-таки, в самом деле глушь. Спят все давно. А кто не спит – его проблемы. А не высматривай летающих тарелок!

Самочувствие вообще-то не того... Да и немудрено. Как говорил один мой знакомый, не люблю летать на двигателе. А я как раз на двигателе и лечу. Больше ни на чем.

Круче этого уже только прыжки с самолета без парашюта. Есть, говорят, такое развлечение у адреналиновых наркоманов. Потом напарник прыгает следом затыжым, нагоняет – и передает первому спасательное средство.

Н-да. Вот если у меня обрежет сейчас движок – так я окажусь точно в такой ситуации. Поскольку надеяться можно будет только на моих благодетелей неведомых. А смогут ли они чего сделать в таком случае – еще неизвестно. Так-то вот.

Хотя до сих пор они держали себя более чем на высоте. Даже и с этим вот джет-ранцем. Могущество их, очевидно, весьма и весьма велико. Впечатляет. Знать бы еще, что все это вообще означает. Кстати, а это что там подо мною?

Подо мною же был город. Ни много ни мало. С мощными стенами, башнями, причалами у берега широкой реки. Река была с километр. Ого! Не иначе как на торговом пути стоит поселение-то!

Меня моментально вынесло аж на середину русла, и пришлось энергично выруливать обратно. Над водой было неуютно. Да и на тот берег мне совсем не требовалось. Похоже, я нашел то, что хотел.

И весьма кстати – у меня уже горючка кончалась. Ранцы прожорливы. И проверять, кончится ли она на самом деле, мне отчего-то совершенно не хотелось. Ну никак! Найти сейчас тихое местечко – и сесть. Где-нибудь не так далеко от города. От места старта я успел усвистать уже порядочно, вряд ли меня тут станут искать. Ни за день, ни за два оттуда сюда не доберешься. К тому же ведь знать надо – куда! А это еще вопрос.

Сесть оказалось делом хлопотным. По многим причинам. Не в последнюю – потому что требовалось действительно укромную площадку найти. Такую, чтоб я по крайней мере не убился при посадке.

Потом – зарулить на нее. Тоже непросто. Недаром посадка в авиации – самый ответственный этап полета. Но наконец я нащупал землю носком вытянутой ноги, опустился еще чуть-чуть, встал обеими и полностью убрал газ.

Этого делать не следовало. Моментально все полсотни килограммов дополнительного веса обрушились на меня, и я

увидел редкое зрелище: мои собственные ноги в необычном ракурсе – задранные чуть не вертикально в небо.

С толчком и звяканьем все остановилось. И меня перекосило перегрузкой еще раз – ноги вернулись в горизонтальное положение. Лежа на земле. Мне от этого, правда, не стало лучше.

Несколько секунд я даже со страхом считал, что сломал себе что-нибудь. Шею, например. Но время шло, а ничего не менялось в ощущениях. Так что я наконец понял, что лежу, нелепо изогнувшись, поверх своего реактивного «горба».

С благополучным, значит, прибытием. Я отпустил рукоятки управления, в которые, оказывается, намертво вцепился, и попробовал встать. Это удалось, только вдоволь наелозившись на спине.

Но в конце концов я вспомнил все-таки о том, что можно просто расстегнуть ремни подвесной системы, и сумел подняться. Заодно отцепив от себя и рюкзак. И чего теперь дальше?

Спина все-таки побаливала как плата за благополучную посадку. И в качестве, видимо, компенсации за руку: та, кстати, болеть перестала. Очевидно, клин клином вышибло. По методу народной медицины.

Ладно. Что делать-то? Ночь. В город идти никакого смысла нет. Наверняка там на ночь ворота запирают. Но поближе перебраться к очагу цивилизации, пожалуй, стоит. Я нацепил неожиданно легонький как пушинка – после ранца-то! –

рюкзак.

Повесил снова на шею автомат. Потом вспомнил про ранец. Ну что ты будешь делать! Пришлось снова снимать все обратно. Опять лезть в рюкзак, вынимать необходимые прищидалы...

Возня с ранцем заняла почти столько же времени, сколько я на нем летел. Но зато уж нащипоговал я его взрывчаткой под самую завязку. Довершив работу химическим запалом на четверть часа.

После этого только, снова собравшись, двинулся в путь. Через положенный промежуток времени позади неожиданно сильно грохнуло. Я даже не ожидал. Или с зарядом переусердствовал?

Но в любом случае пускай теперь по мелким осколкам гадают, все, кто этого захочет, что это такое было? Я отошел еще на несколько километров, потом почувствовал усталость.

Возбуждение прошедшей гонки начало проходить. Что ж... Я отыскал себе подходящее убежище под ветвями густой ели, устроил там лежбище, забрался на него и уснул. Я очень устал.

Эту ночевку под еловым шатром я долго не забуду!

Не по каким-то особым причинам, а просто в силу обстоятельств. Спал я плохо. Отвратительно даже, можно сказать. Хотя мне никто и не мешал. Самочувствие было самое гадостное.

Я сперва долго думал, что просто устал. Пока среди ночи не сообразил, что симптомы не те. Слабость, температура. Высокая очень, судя по всему. Какой уж тут сон!

До утра я имел весьма увлекательные переживания. Особенно когда сообразил, что встать не могу. Не было сил. Вот уж тут-то я действительно испугался! С трудом мне удалось дотянуться до фляжки и глотнуть бренди.

Это сколько-то помогло. Под утро мне удалось забыться неровным сном, постепенно перемежавшимся визитами каких-то кошмаров, которых я по пробуждении не помнил.

И только проснувшись где-то в районе полудня, я сообразил, что, похоже, просто перетрудился, обзаводясь своей летающей экзотикой. Ведь я выдернул единым махом полета с лишним килограммов! Хотя до этого добывал всего пять-шесть.

Опять же ракетный ранец – сложная конструкция. Хотя не знаю, как тут это сказывается. Но ведь контроль-то над заказом надо сохранять? Или нет? Опять же перенервничал, кроме всего прочего.

Кстати, выходит, это и есть мой предел? Или нет? Но скорей ответ утвердительный, чем отрицательный. Да и как проверишь? Кроме мешка, нет ничего. А по весу... Ну не уран же мне заказывать?

Так его больше чем под пятьдесят кило все равно не закажешь, с одной стороны. А с другой – совсем мне неохота проверять предельную нагрузку, если после такой проверки

сваливаешься в предбредовом состоянии.

Мысль показалась невероятно здоровой. Остаток времени до вечера я провел уже более нормально. Лечась какими-то пилюлями и коньяком из фляжки. Лечение помогло. К вечеру я сумел даже уснуть. А к утру осталось только легкое недомогание.

Так что весь следующий день я продолжал долечиваться пилюлями. И удовлетворять, кстати, проснувшийся аппетит. Это был хороший признак. Лечение помогло.

Но помогло даже больше, чем я ожидал. К вечеру этого дня я был настолько бодр и переполнен энергией, что просто уже не мог оставаться на месте. Что делать...

Поразмыслив, я решил, что уж лучше идти, чем вертеться в надоевшей хвойной норе. Не имея сна ни в одном глазу. Да к тому же и муравьи, протоптавшие откуда-то дорогу, надоели мне уже выше всякой меры.

Провожаемый лучами затухающего солнца, я отправился в ночной поход. Признаться, эти лесные блуждания в последнее время начали мне уже слегка приедаться.

Может быть, в городе, кто знает, удастся отыскать какой-нибудь тихий уголок, где можно отдохнуть честному человеку. С вопросом оплаты, как я понимаю, у меня не должно возникнуть проблем.

Так что приближение к городу вызывало у меня даже какой-то положительный интерес. Хотя я не забывал напоминать себе, что нахожусь в другом мире. И мало ли что тут

может случиться. Но, честно говоря, никаких опасений у меня на этот раз не возникало.

Идти оказалось не сложнее и не легче, чем раньше. Пару раз – за довольно короткое время, а значит, окрестность была прилично населена – мне попадались узкие лесные дороги, идущие в подходящих направлениях. Но воспользоваться ими я не рискнул. Вполне возможно, они привели бы меня к какому-нибудь постоялому двору. Но я предпочел продвигаться непосредственно к цели моего путешествия.

Лучше все же было, на мой взгляд, объявиться непосредственно у города. Хотя на дорогах можно бы и попытаться что-нибудь разузнать предварительно. Но я не рискнул отчего-то.

Ночь проходила своим чередом. А я все шел и шел, постепенно принаравливаясь к местности. Или же местность становилась более проходимой. Здесь явно был широко обжитый людьми район.

Леса поредели, стали какими-то присмиревшими. Появились в большом количестве поляны. Иные с пашнями, иные со стогами сена. Раз где-то в самой середине ночи я вышел прямо к деревне, и пришлось ее обходить вдоль огородов. Под аккомпанемент бдительно сотрясающих воздух собак. Что ж, подробности обнадеживали. Город и вправду мог оказаться крупным. Может, что в нем и выгорит – кто знает?

Ближе к трем часам я опять оказался в глухих зарослях. Как ни странно, но почувствовал я себя даже лучше. В насе-

ленных местах всегда оставалась возможность встретить человека.

Словно специально, реальность опровергла эти мои представления самым решительным образом. Поднимаясь по склону невысокого холма, я вышел на гребень и заметил чуть в стороне и ниже впереди яркий отблеск горящего огня.

Поддавшись любопытству, я свернул в ту сторону. Уже больно пламя выглядело ярким. Жгут там, что ли, кого? – даже мелькнуло у меня в голове. И я специально подкрался к месту происшествия со всеми известными мне методами предосторожности.

Вот только ухищрения мои оказались совершенно напрасными. Никто меня бы не заметил, наверное, даже грохнись я сюда с неба на своем реактивном помеле. Присутствующие были так заняты своими делами, что им было не до меня.

У подножия холма была поляна. Достаточно большая, вытянутая с запада на восток. Западную часть занимало строение, некогда бывшее сараем или амбаром – сейчас это было уже не определить – стоявшей здесь когда-то усадьбы.

Усадьба сгорела, видимо. А от амбара остались только толстые рубленные стены и часть крыши. В обращенной к поляне стене имелись ворота, точнее, оставшийся от них проем.

Перед этим проемом и горел огромный костер, на который пошла даже часть бревен сарая – откуда-то из внутренней стены, может быть. Цвет пламени был какой-то стран-

ный – зеленый. Так горит, по-моему, какой-то химический элемент.

Цирконий, что ли? Хотя не помню. Но вряд ли в любом случае обычная древесина могла бы гореть таким светом. Что-то тут было не то. Но отвлечься на этот вопрос у меня не получилось. Поскольку на открывшемся мне плацдарме выстраивалась следующая диспозиция.

Перед костром – спинами к огню, лицом к поляне – стояли трое. На плечи их были накинуты длинные широкие плащи, и в руках каждый держал по мечу.

Один, огромный здоровяк, толстый и косматый, орудовал а-агромадным двуручником наподобие японского меча для поля – но-дачи. У двоих его спутников клинки были вполне обычные. У одного узкий, у другого широкий.

И все время от времени пускали свое оружие в ход. По их несуетливым, скупым, но весьма эффективным выпадам можно было предположить, что они без излишних эмоций уверенно простоят так до утра. А если понадобится, и до вечера. Или вообще сколько потребуется. Я невольно залюбовался самообладанием этой троицы. А бояться им было кого. Полукрутом к ним, охватывая со всех сторон, поляну занимали собаки. Стая.

Несколько десятков, как я мог определить, не пересчитывая каждую псину специально. Здоровенные серые звери сидели, стояли, возбужденно перебежали с места на место. Ни на миг не выпуская из виду троих у костра. А время от вре-

мении свирепо и молча бросались с разных сторон в атаку. Огромные твари, я таких и представить не мог. С телят, наверное, каждая, с густой короткой шерстью, с лохматыми хвостами. Как волки.

И только тут до меня дошло, что это волки и есть! Я как-то совсем этого не ожидал. Тем более что волчьи стаи собираются вроде бы только зимой, сейчас же было лето. Впрочем, в любом случае ситуация была малоприятная.

И вполне ясная. Несколько разрубленных лохматых тел валялось на земле вблизи костра. Но решимость своры это заметно не колебало. Скорей даже наоборот. Четвероногие разбойники проявляли все большее возбуждение.

Так что судьба окруженных ими людей начала мне представляться печальной. Слава богу, в этой ситуации не надо было раздумывать, на чьей стороне выступать. Волки есть волки. Что зимой, что летом. Тем более сбившиеся в стаю.

Я приготовил «аксушку» к стрельбе. Расположившись, правда, так, чтобы в случае чего быстренько взобраться на дерево. Мало ли что. Хотя это только на капитана Гаттераса белые медведи вели правильную осаду. Неоднократно при этом бросаясь на ожесточенные приступы... Но все же, кто этих серых знает? Сбились же они отчего-то в стаю, хотя во все не сезон? Автомат заговорил сухими, короткими строчками. Четыре-три выстрела.

Светящиеся полосы трассеров эффектно расчертили темноту. Поднялся вой, визг, скулеж... Я такого воя в жиз-

ни не слыхивал. У меня мгновенно вся спина вдоль хребта покрылась инеем.

Сердце попробовало забиться куда-то в ботинок. Леденящий душу, жуткий крик. Не представлял даже, что волки на такое способны. Впрочем, звуковой эффект меня скорее ошеломил, чем напугал. Стрелять я не прекратил.

На поляне обе враждующие стороны настолько увлеклись перед тем друг другом, что мое появление прозевали напроц. Выстрелы прозвучали для них как откровение. По крайней мере для стаи – точно.

Я перебил десяток, не меньше, прежде чем звери поняли, в чем дело. И как я и опасался, хотя и не верил, вместо того чтоб разбежаться, кинулись дружно как раз в мою сторону. Больше всего это действительно напоминало атаку. Этакую мини-кавалерийскую лаву. Я не успел даже подивиться такому подтверждению своей прозорливости. Вместо этого в памяти всплыла знаменитая сцена из «Чапаева». Там, где Анка-пулеметчица расстреляла все патроны как раз перед тем.

Ну у меня-то другой расклад. С мстительным удовольствием – интересно, с чего бы это? – я разразился, как давеча в замковой караулке, длиннейшей, бесконечной очередью «на расплав ствола». Щедро полив накатывающий на меня шерстяной вал. До расплава, впрочем, дело не дошло. Вряд ли я выпустил больше пары полных магазинов. На полпути атака захлебнулась в вое и визге. Кубарем покатались дергающиеся звериные тела.

Вот опять же пример достоинств автоматического оружия. В свое время как раз на опыте какой-то южноамериканской войны военные и пришли к выводу: любую атаку можно остановить в ста-двухстах метрах от переднего края. Если иметь на вооружении достаточное количество пистолетов-пулеметов. Это была заря эпохи современных автоматов... Тридцать четвертый или тридцать шестой год... Вот только напрочь не могу вспомнить, кто с кем воевал.

Не то Уругвай с Парагваем, не то Боливия с Эквадором. Помню только, что именно там воевали русские эмигранты из Белой армии. И, надо отметить, исключительно хорошо воевали.

Снова рванул нервы давешний жуткий вой-воплъ – и уцелевшие хвостатые дунули по сторонам. Только их и видели. То-то же.

Добивать я никого не стал – не разбойники, чай. И так две трети положил здесь, не меньше. Пойти, пожалуй, с народом познакомиться, что ли? За жисть покалякать. Что, где и почему, как говорится.

Народ прохожий, могут знать чего-нибудь интересное. Да и репетиция перед городом, раз уж подвернулось. Но я их недооценил. Троица опередила меня, двинувшись от костра. Короткими взмахами добивая по пути раненых.

Один из троих, выпрямившись, крикнул в мою сторону:
– Будьте осторожны, сударь! Эти твари могут зайти к вам со спины!

Я с этим не очень был согласен. Особенно после того, что учинил только что. Но предосторожность не выглядела лишней.

– Благодарю! – Получилось несколько суховато, зато конкретно.

– Вы их можете продержат еще какое-то время? – вопросительно крикнул второй, кратковременно расставаясь с обязанностями «гасильщика». – Пока мы их не перебьем?

На этот раз я просто не понял. Лишь несколько секунд спустя до меня дошло, что речь идет о валяющихся подстреленных волках. Я едва не ответил: «Да не надо!» – чего там было добивать после «пять сорок пять»?

Но тут одна из лежащих зверюг прямо передо мной зашевелилась, дернулась, скуля. Попробовала подняться. Я увидел, как вполне осмысленным движением животное разворачивается ко мне. Явственно донесся хрип.

Да ведь он же мертвее мертвого был! Я же в него в упор садил – не меньше пяти пуль! Там же фарш мелкокрученный остаться должен! Не может того быть! А почему «не может»?! – рванулась в голове встречная мысль. Ты тут уже много чего насмотрелся! Не стой, болван!

В лежащих трупах явно наметилось еще некоторое шевеление. Я не стал ждать, что произойдет дальше. Ох, хорошо, что перезаряжать мне не надо! А равно как и чистить потом от корки нагара после такой-то заполошной стрельбы!

Я с тщательностью проследил, чтобы ни одна недобитая

тварь не поднялась. Покуда вооруженные мечами трое не обошли всех и не порубили каждого напополам. А потом еще растащили половинки в разные концы поляны.

Странная какая-то методика, если подумать. Но у меня с этим делом как-то не очень ладилось последнее время. Особенно как сюда попал. Ничего не понимаю. И понять не могу. Причем чем дальше, тем больше. И похоже, уже привыкать начинаю.

К догорающему и значительно ослабевшему костру мы подошли уже как вполне знакомая друг с другом компания. Впрочем, так, по сути, оно и было: повоевали малость в одной команде, я им себя показал, на них тоже посмотрел.

Можно было начать и знакомиться. Теперь я глянул на этих троих вблизи. Пришлось поднять ноктоскоп на лоб. Причем наличие прибора и прочего снаряжения не произвело на них никакого заметного впечатления.

Внешне, по крайней мере. Забавно. Потурова гвардия да люди Рэры относились несколько иначе. Эти же встреченные мной посреди ночного леса незнакомцы реагировали на редкость индифферентно.

Выглядели они, впрочем, вполне в духе местного колорита. Ничего неестественного в их облике не замечалось. Одежды в обыкновенные плащи из плотной ткани. Нормальная дорожная одежда.

Под плащами, правда, виднелись кольчуги, чего раньше я здесь, кажется, не наблюдал. Камзолы, штаны, сапоги... Что-

то еще, что я не осознал на ходу. Владелец же местного варианта но-дачи ошеломил меня совершенно.

Этот человек был облачен почти в полный рыцарский доспех! Панцирь, железные штаны и рукава, только наплечники и юбка кольчужные. Понятно, отчего он у них стоял так смело почти посреди волчьей своры! Поди прокуси железные штаны!

Лицо здоровяк имел круглое и мясистое. С маленькими глазками. И неожиданно огромными, щетинистыми, как проволока, торчащими в стороны усами. Усы впечатляли. А на непокрытой голове громоздилась не менее впечатляющая копна торчащих волос.

Но больше всего меня поразило, что при такой почти зверовидной наружности выражение лица этот медведь имел чуть ли не смущенное. Во всяком случае, именно так я истолковал его реакцию на мое бессовестное разглядывание. Я даже не поверил.

– Нашего друга зовут Ангрест, – представил обладателя железного костюма один из троицы. Тот, что повыше, вооруженный широким клинком. Улыбнувшись, добавил: – Ангрест – отличный рубака. Но в разговорах обычно немного застенчив. Поэтому не сочтите его молчание за знак невежливости, незнакомец. Пришедший так вовремя к нам на помощь.

Я был так ошарашен этим обращением, что даже не разобрал тонкого намека на собственное невежество, а уставился

на говорившего. Он же, истолковав мое поведение на свой лад, слегка поклонился:

– Арх, сударь. Таково мое имя, и я к вашим услугам.

Ничего подобного этой речи я еще не слышал здесь ни разу. Но Арх явно был воспитанным человеком. И образованным. Вежливость его не казалась ни неестественной, ни натушной. Он явно всегда так говорил.

А уж его оружие и вовсе ни в какие ворота не лезло. Изда-лека я принял его за меч. Но это был скорее топор. Правда, такого топора я не встречал ни в одной книге по оружию. И ни о чем подобном никогда даже не слышал.

Во-первых, топор был целиком из стали. Одним сплошным куском. Во-вторых, ни у каких разновидностей топоров, по-моему, не бывает таких лезвий. Двусторонние, как у критского лаброса, но узкие, вытянутые вдоль всей длины рукояти. Присоединенные к ратовищу не всем основанием, а двумя наплывами, как корнями или перемычками. В целом пропорциями орудие напоминало не то форму ядра грецкого ореха, не то какой-то странный лавровый лист. Полированную серо-сизую поверхность густо покрывали насечка и гравировка. Сделанная, очевидно, очень давно, так что следы ее почти стерлись. Но все равно можно было судить, что отделана она была серебром и золотом. Необычное оружие.

Я машинально уже взглянул на третьего, невольно ожидая чего-нибудь из продолжающихся неожиданностей. Но, против этого, ничего такого не оказалось. Третий был невысок,

сухощав и отличался разве что невероятно развитым носом. Орлиным прямо-таки. Как у Жака-Ива Кусто. Да огромными темными глазами на небольшом личике. Вооружен он был обыкновенным эстоком или чем-то наподобие. Рукоять меча щеголяла красивой отделкой.

Собственно, но-дачи Ангреста тоже отличался украшениями в виде насечки и золота на рукояти. Что-то мне помнится, ничего подобного не было ни у людей Потура, ни у сопровождавших Рэру.

Пока я по очереди на всех пялился, третий успел представиться тоже:

– Аниз, сударь. К вашим услугам.

У этого в манере присутствовало что-то легкое и бесшабашное. В бою он, пожалуй, очень опасный противник. Но мне уже ничего не оставалось, как поскорей исправить собственную оплошность:

– Гаршин, Всеволод... – Уже говоря, я понял, что имя звучит для здешнего уха непривычно. С их-то короткими прозваниями. И тут же вспомнил свою старую мечту. Вот она была в самый раз. – Можно называть меня просто Гар.

В детстве мне страшно хотелось носить такое прозвище. Вот сбылась мечта идиота...

– У вас необычное имя, – откликнулся немедленно Аниз, едва успев кивнуть в знак принятия моего представления. – Не с Островов ли вы? Там в ходу похожие имена...

Такая прыть заставила меня почувствовать себя неудобно.

Надо же, посреди леса встретить мужика, разбирающегося в заморских землях! Да не одного, похоже! В интересную компанию я угодил, оказывается.

Но надо было что-то отвечать.

– Нет, – честно ответил я. – Я не...

И замолчал. Не зная, что сказать. И дело было даже не в том, что я не мог найти объяснения. Хотя так оно и было. Нет! Я просто в этот момент вспомнил, что меня уже об этом спрашивали. Как минимум дважды здесь. И потом...

Ну вот, опять влип! Дурень бестолковый! С первого же вопроса. А еще в город собрался! Как там-то объясняться станешь? Оставалось избрать единственный оставшийся ответ: что-то промычать, соорудив гримасу позаковыристей.

Троица внимательно выслушала мое невразумительное, зато доходчивое объяснение. Вот сейчас они тебе зададут пару-тройку вопросов! Требующих подробного объяснения. Где и зачем вы родились, например. Л-лопух!..

– Можете не говорить, Гар, – обратился ко мне Арх. – Аниз у нас всегда спешит. Любит все время узнавать что-нибудь новенькое. Не смущайтесь. Вижу, у вас какие-то затруднения. Мы совсем не настаиваем в своих вопросах. Рассказывайте только то, что пожелаете.

Я чуть рот не раскрыл от такого заявления. Ничего себе, дремучее Средневековье! Неожиданный оборот придавал мне храбрости, и я сам спросил в ответ:

– А с кем я имею честь встретиться, господа? Кто вы и

куда следуете? Могу ли я об этом узнать?

Смешно, но вопрос мой, похоже, вызвал у противной стороны почти такую же реакцию, как и у меня. Троица молчаливо переглянулась в явном затруднении. Но Арх – он, похоже, был за старшего – ответил все в той же спокойной манере:

– Мы вояки короля. Идем в Терет по своим делам.

Да, похоже, собеседникам тоже приспичило поскрытничать. Вот только интересно, с чего бы? Неужели я такой страшный?

– А не в Терет ли идете и вы, сударь?

Если Терет – тот самый город на берегу... А судя по ситуации, так и есть... Я ответил в лучших традициях краткости:

– Иду. По своим делам.

И опять, уже только сказав, сообразил, что вышел слишком явный повтор. Но похоже, и на этот раз в моем ответе собеседники усмотрели какой-то свой резон. Обид не последовало.

– Тогда, возможно, – Арх улыбнулся гостеприимно, – разумней было бы провести ночь здесь. А поутру двинуться в город вместе. Нынче ночь не совсем безопасная пора путешествовать по лесам.

С этим нельзя было не согласиться. Ненормальная волчья стая могла убедить кого угодно. Я исключением не являлся. Да и запас буйства у меня на эту ночь, похоже, подходил к концу.

– Хорошо, – кивнул я, соглашаясь. – Я так и сделаю. Если вы, господа, конечно, не будете возражать против моей компании.

– Зачем возражать? – откликнулся Аниз. – Напротив! Мы приглашаем вас составить нам компанию. В ней веселей! И все ведь знают, кроме того: дорога становится короче, если встретится добрый попутчик!

Я чуть не поперхнулся, услышав эту реплику Абдулы из «Белого солнца пустыни». И только пристально взглянув на Аниза, убедился, что он вовсе не цитирует классику советского вестерна.

Глава 5 Подробности жизни в большом городе

Всяка нечисть бродит тучей...

Город Терет, порт и центр торговли в верхнем течении реки Этер, оказался на поверку именно тем, чем и являлся. В этом я окончательно убедился уже на третий после прибытия день. Пробродив все это время по улицам, потолкавшись на рыночных площадях и у портовых причалов на реке. Больше слушая разговоры, чем приставая к людям с вопросами. Изредка ловя на себе любопытные взгляды.

Как любой другой проезжий, я думаю. Не больше. В этом городе народу толклось всякого – и самого разного облика. Так что моя униформа никого не удивляла. По крайней мере, в этом я оказался прав. А вот во всем остальном...

К концу третьего дня, добравшись до «Жареного петуха» – постоянного двора, где я остановился, – я поднялся к себе в комнату, запер дверь на засов, разулся, освободив натруженные за день ходьбы нога, и завалился на кровать. Думать.

Подумать же было о чем. Хотя и не так уж много собрал я информации за эти дни. Но и того, что нашлось, для выводов вполне хватало.

На севере, за темными лесами, где, по слухам, почти никто не жил, кроме редких охотников да землевладельцев, лежал покрытый вечными льдами океан.

Река Этер, беря начало в северных непроходимых дебрях, изгибалась и вбирала в себя многочисленные притоки, текла, пересекая континент – или материк? – на юг, где и вливалась в Теплое море.

За морем была еще одна земля, называвшаяся «Коруна». Но меня она сейчас мало интересовала. Здешние же места именовались «Дворанна». К чему конкретно относится это название, я так и не понял. Не то материк, не то просто местность. Пока уверенно сказать я не мог. Во всяком случае, здесь имелось несколько стран. В городе я слышал про какую-то Чекарну, про империю Цитра и про какие-то Княжества, неведомо где расположенные.

На востоке имелись Рудные, они же Железные, они же еще и Малахитовые горы. Там располагалась местная железорудная промышленность. А где-то чуть ли не сразу же за горами

начинался океан.

Аналогия, возникшая у меня было сразу, рассеялась моментально. Поскольку иными были расстояния и описания. А кроме того, не очень далеко на западе располагались горы, именуемые Серыми, Скалистыми и Туманными. И тут уж ни с какими аналогиями соответствия не имелось.

Да, собственно, конкретно различить, где тут вообще заканчивается одна горная система и начинается другая, было невозможно. Этер тек в междугорье, рельефом напоминающем Восточную Сибирь. Только не столь ярко выраженную.

Как я уже отмечал, местность напоминала среднерусскую или предуральскую. Но в общем, не так уж это и важно. Главное, что насчет этнографии я тоже угадал. Что, впрочем, было не так уж сложно.

Население привязывалось здесь к речным долинам. Соответственно обширные просторы междуречья, заросшие лесами, были почти не населены. Что в итоге давало любопытную картину. Вот только что мне с нее проку? Пока я не знал.

Страна же, куда я конкретно попал, называлась Островой. И занимала она, как я понял, все верхнее и среднее течение Этера. Который, судя по ширине здесь, в верховьях, мог оказаться рекой немаленькой.

Столица Остравы – город Постабль – находилась где-то на соседнем, самом крупном притоке Этера. И история этого государства была наглядной иллюстрацией к устройству здешнего этногенеза.

Собственностью племен, князей, а затем и королей здесь выступали реки. И Поставль был когда-то столицей всего лишь одного из притоков, Острова – так приток назывался.

Но потом, как водится, в ходе бесконечных освободительных войн с соседями, а также сопутствующих этим войнам интриг и завоеваний Поставль распространил свое влияние на значительные территории.

И сделался столицей королевства, которое, естественно, стало называться Островским. Произошло это несколько поколений назад, и с тех пор достигнутое состояние сохранялось, кажется, без изменений. Правил нынче в Острове какой-то король Дарек.

На этом собранная мной информация заканчивалась. Да и то раздобыть мне все это удалось с немалым трудом. Шляясь по городу и прислушиваясь к уличной болтовне. Что мне со всем этим теперь было делать – я понятия не имел.

Больше всего положение мое напоминало мне то, в которое угодил на Саракше Каммерер. Оказавшийся без корабля и без штанов в совершенно незнакомом мире. И всю надежду возлагавший только на примитивный нуль-передатчик.

У меня же и нуль-передатчика не имелось. Зато, правда, наличествовал мешок. Благодаря чему мне не требовалось ходить непременно в одних трусах. Но в общем-то ситуации у нас с ним были во многих чертах схожие.

Я встал с кровати, открыл окошко, глядевшее с третьего поверха на расходящиеся внизу крыши пристроев. Присел

боком на подоконник и стал курить, глядя на закатный свет. Что же мне все-таки дальше-то делать? А?

Может быть, зря я не увязался за давешней троицей? Когда мы, придя в город, расставались, они дали мне понять, что не очень удобно тащить меня туда, куда они направляются.

И пожалуй, прояви я настойчивость... Но я не стал канючить. Тем более что не такой уж я беспомощный, как стараюсь казаться. А уж с деньгами и вовсе проблем никаких. В смысле платы за постой.

Я только попросил, прощаясь, подсказать мне подходящее заведение, что и было сделано. В итоге чего я оказался в «Жареном петухе», не знаю уж, отчего он так называется. Может, тут фирменное блюдо у них такое. Не пробовал пока.

И вот теперь сижу ни с чем. Интересно, с чем бы я сидел в противном случае?

Как ни странно, но именно в этот момент в мозгах у меня и прояснилось. Ступор иссяк. Видимо, подсознание наконец сработало, среагировав на упоминание «от противного». А в чем, собственно, дело? – подумалось мне. Что особого случилось? Не было встречи с оркестром и цветами? Но с чего я считал, что в первом же городе я разрешу разом все свои проблемы? Чего особенного я ждал? Роту почетного караула? Небесного знамени? Фанфар и салюта? Чего?

Как устроиться на струг или карбас, идущий на юг, я раз узнал. Еще в первый же день. Дело совершенно нехитрое.

Чем заплатить – для меня не проблема. Сесть да и поплыть. А дальше – увидим. Что еще-то можно сделать?

Если неведомые мои благодетели, вытащившие меня сюда, чего-то действительно от меня хотят, могли бы и знать дать. Впрочем, быть может, ближе к центру местной цивилизации...

Знать бы только еще – где он, этот центр! А то вдруг это королевство Острава – самая распоследняя здесь дыра. И никто на нее внимания не обращает. Хотя, правда, как-то не очень на это похоже.

Что ж, решено, пожалуй! Подыскиваю завтра судно и отплываю. Вниз да по речке... Хватит ломать голову над проблемой, которой даже и не было вовсе. Пойти-ка лучше сходиться вниз, в общий зал. Поужинать на дорожку. Да и завалиться спать затем от трудов праведных.

Постановив так, я заметно почувствовал себя веселей. Обулся, нацепил кобуру со «стечкиным» и отправился по лестничным переходам вниз. Ужинать.

Как всегда в это время, внизу былолюдно. Но для обеспеченного постояльца столик всегда находился. В отдельной нише, по периметру охватывающих зал кабинок. «Жареный петух» и впрямь был заведением хорошим.

Кормили здесь замечательно. Особенно я мог отметить это теперь, освободившись от своего почти гамлетовского вопроса. Что я и не преминул сделать, привычно уже бросая взгляды в зал с видом завсегдатая. И, как всегда, натываясь

на местного не то гадалея, не то хироманта, не то тароведа, ведущего ежедневный прием в «Петухе», видимо по договоренности с хозяином.

Надо думать, промысел у гадалея был доходный. Не просто же так он место арендует. Да и, насколько я мог заметить за время своих трапез, всегда у него был какой-нибудь клиент.

Забавно, что меня специалист по предсказаниям, видимо, боится. Ну не совсем уж конечно, но тем не менее... С самого первого моего появления здесь косится на меня с таким видом, словно не знает, что делать. Так же, бедняга, как и я в эти Дни, неожиданно сообразил я и усмехнулся. Но один из нас двоих уже отмаялся – я. А предсказатель дальше пусть уж как хочет. Его заботы, не мои.

Так примерно я рассуждал, выхлебав нежнейшую уху и в должный срок перейдя ко второму. Которое мне здесь исключительно нравилось, но что оно представляло собой, я определить так и не смог. Хотя по основе – салат из раков.

Все-таки надо отдать должное певцам ушедшей старины: в чем-то они бывали и правы – в былые времена умели наши предки хорошо поесть. Могущие себе позволить, конечно.

Хотя, впрочем, за проведенные в городе дни я успел заметить, что кухней, подобной «Жареному петуху», регулярно пользуются не обязательно толстосумы. Просто приличный кабак, не лучший и не худший в городе.

Пока я обо всем этом размышлял, пережевывая рачье мя-

со, вдруг обнаружилось, что гадалец, спровадив своего клиента, поднялся и идет ко мне. Вот те раз! С чего бы это?

Предсказатель подошел, глядя на меня неуверенно, и я молча указал ему на стул напротив. Он сел.

– Ну? – спросил я его, прожевывая салат. Вид у него был довольно смешной. Возраст – лет, наверное, двадцать – двадцать два. Телосложение, как бы сказать, некрепкое. Скорее тощее.

– Извините... сударь, – промямлил он. – Позвольте представиться. Я бакалавр магической академии Остравы, факультет прогносеологии. Меня зовут Брада. Я взял на себя смелость побеспокоить вас.

– Вы всегда так общаетесь? – перебил я его. – С клиентами?

– Нет, что вы! – Похоже, репликой своей я его не подбодрил, скорей наоборот. – Но здесь содержание дела таково, что я не могу простить себе... пройти мимо такого уникального случая...

– Гм. А нельзя ли прояснить, в чем дело? – предложил я ему.

Видимо, он пришел к такому же решению.

– Видите ли, – принялся он излагать, – я обычно занимаюсь здесь простыми гаданиями. И у вас могло сложиться мнение, что я ничего не значащий уличный прорицатель... Впрочем, пожалуй, так оно и есть в чем-то. Но... здесь я зарабатываю себе плату за обучение. А специальность мою в

академии составляет изучение феноменов в тонких оболочках человека, его надвнешнего тела, я бы сказал...

– Ауры, что ли? – не выдержал я. Смешно было смотреть, как этот студиозус пытается объясниться с мирской орясиной на сложнаучные темы.

– Что? – не понял он. Потом кивнул: – Да, можно и так назвать, в одном из древних языков существует, кажется, и такой вариант трактовки названия... Простите, вы, быть может, на самом деле человек вполне сведущий? Может быть, я зря вас беспокою, э-э... мастер? – Он уставился на меня вопросительно.

Тьфу! Да когда он до дела-то доберется? Я уже и салат съел, ни одного рака не осталось.

– Успокойся, несведущий я. Просто так, слышал кое-что... – Впрочем, я тут же осознал, что перешел на панибратский тон, и быстренько исправился: – Скажите все же, чем я вас заинтересовал. Честное слово, я не стану вас употреблять ни на десерт, ни на третье.

Брада энергично закивал. Все-таки забавен он был донельзя. Может быть, так и должен выглядеть высокообразованный бакалавр тауматургии? Или как там у них это называется?

Пожалуй, только тут до меня дошло, в академии чего изволит обучаться этот студент! До этого я как-то пропустил его слова мимо ушей. Что он, серьезно? Или как?

Трактирный предсказатель вполне может так предста-

виться для пущей важности. А с другой стороны, именно на студента Брада и походил, не на мошенника. Хотя одно другому, конечно, не помеха.

Впрочем, если он что-то хотел от меня добиться обманом, это был бы напрасный ход, поскольку я все равно не знаю, как обман должен выглядеть. Но если тут действительно существуют учебные заведения по магии и колдовству...

Это что значит? Неплохое дополнение к собранной мною информации! А я-то, дурак, по улицам шлялся. Может, проще было с самого начала к Браде подсесть? От него все бы и узнал.

Пока я приходил к своим выводам, Брада как раз приступил к изложению сути дела.

– Моя специальность, – сообщил он, – очень помогает мне делать предсказания. Особенности структуры тонких тел связаны с возможностями определить предстоящие события...

Я только важно кивнул, дабы избежать установочной лекции. Безусловно, бедняга переполнен речами своих преподавателей.

– Для меня это хорошая практика, – продолжал он. И постепенно кое-что начало проясняться. – Я поэтому почти все время нахожусь в состоянии видеть структуры, надстоящие по отношению к человеческому телу у окружающих. – Тон его сделался извиняющимся. – Я не разглашаю тайн личности, не подумайте, сударь! Я просто практикуюсь.

До меня стало более-менее доходить. Хмыкнув, я поинтересовался:

– И что же поразило вас, сударь Брада, в моей, так сказать, ауре?

Брада сморщился, точно разжевал незрелое яблоко.

– Я не могу ничего по ней прочесть, – сказал он. – Совсем ничего!

И покосился на меня. Что-то, очевидно, это должно было значить. Но что? Я не понял. И так ему и ответил. Похоже, я воспринял известие спокойней, чем он его сообщил. Я, впрочем, действительно ничего особенного не ощущал.

– Она у вас не несет информации, – доходчиво объяснил Брада. – У других людей – пожалуйста! А у вас – ничего! Просто аура, и все. Я решил сначала, что вы, возможно, какой-нибудь маг, путешествующий инкогнито. Но потом...

Он покосился на меня и закончил:

– Присмотревшись к вам, я решил, что вы все-таки не маг. Просто очень необычный человек. Для мага вы уж слишком ненатурально себя ведете. Вы явно нездешний. Приезжий откуда-то издалека. И мне представилось... – Тут в собеседнике опять проснулся студент и снова начал мямлить: – Ну... что я просто... просто не мог... пройти мимо такого случая! – признался он. – Это могло бы быть полезно для моей практики!

– Так, значит... – сказал я, когда он закончил.

Вообще идея поужинать напоследок оказалась неожидан-

но плодотворной. Поговорить со студентом, безусловно, стоило. Я, похоже, взялся за сбор информации и в самом деле не с того конца.

– И чего же вам, сударь, хотелось? – поинтересовался я, стараясь сообразить получше, как тут быть.

На лице студента отразилась борьба со вспыхнувшим нетерпением.

– Поговорить с вами, сударь, – изложил он в конце концов. – Узнать, откуда вы, рассмотреть поподробнее вашу, как вы ее называете, ауру, исследовать...

Он запнулся, сообразив, что и так выразил немалые запросы. Меня, впрочем, такой подход не сильно смущал. Для виду, правда, я изобразил серьезное раздумье, кривя губы и хмуря лоб. А затем важно кивнул:

– Это было бы интересно... мне и самому любопытно узнать, что там такое с этими... с моими тонкими оболочками, да? Я, видишь ли, раньше не очень часто встречался с магами. Мм... Прошу прощения, господин бакалавр! Вы, надеюсь, еще намерены оставаться в «Жареном петухе»? Тогда, возможно, мы могли бы с вами завтра пообщаться более длительно? Сегодня, боюсь, уже поздно...

Брада на все мои предложения только интенсивно согласенно кивал.

– Да, да! Меня это тоже устраивает, сударь! – подтвердил он. – Вы не будете возражать против встречи в утреннее время? Обычно у меня с утра не бывает клиентов. Ничто не ста-

нет мешать нашему разговору.

Я, подумав, кивнул. Меня это тоже устраивало. Не хватало еще оплачивать Браде его научные изыскания как клиенту. То есть проблем-то с этим не было, но... Зачем излишне демонстрировать свое богатство?

На этом мы с Бraidой, в общем, расстались, договорившись о времени встречи. Я подумывал еще, не угостить ли его пивом для произведения более благодушного впечатления. Но, поразмыслив, не стал.

Время было действительно уже позднее, во-первых, а во-вторых – Брада и так впечатлился достаточно. Так что закончил я трапезу в одиночестве, вежливо распроставшись с бакалавром. Не спеша выкурил сигарету и пошел к себе наверх.

«Жареный петух» был заведением, кроме всего прочего, совсем немаленьким, не подумайте. Не жалкий трактир-забегаловка из одной большой избы. И даже не салун в духе американского Дикого Запада.

Огромный комплекс сооружений, который смело можно было назвать теремом, размером мало уступающий знаменитому островному храму в Кижях. Ну разве что высотой. Да и то ненамного.

Он представлял собой настоящую гостиницу, со множеством хозяйств и служб и с немалым количеством постояльцев. Хозяин этого заведения и его дежурные обслуживающие смены вызывали мое уважение с первого дня пребывания: это ж надо – управляться с такой машиной!

Я добрался к себе, собираясь по приходе еще раз покурить на сон грядущий. Толкнул дверь, вошел... И не успел ничего сообразить, как в глазах у меня мигнуло, а в следующую секунду я увидел летящие навстречу доски пола и получил еще один слепящий удар по затылку. Вырубивший меня на этот раз надолго...

Пришел я в себя от странного ощущения. Что голова у меня превратилась в воздушный шар, надутый водородом, и вот-вот не то взорвется, не то просто улетит. Продрав глаза, я понял, что накануне нарезался как последний поросенок.

Я не мог ни опознать помещение, где нахожусь, ни даже понять, что это такое вообще. Не говоря о том, что тут же находились какие-то люди странного вида. От которого у меня сделалось нехорошо в желудке и началась тошнота.

Исключительно благодаря этому я и смог сориентироваться. Я, оказывается, висел вниз головой, прикованный за руки-ноги к стене в среднего размера бревенчатой камере без окон.

Только в углу у потолка замечалась небольшая отдушина. Висеть было до невозможности неудобно. Все затекло, а голова налилась кровью и потяжелела раза, наверное, в три. Ничего, мелькнула дурацкая мысль, зато, может, поумнею...

Кроме меня в камере находились еще двое. Явно тюремщицкого вида. Здоровые, голые до пояса и оба неумеренно волосатые. Рожи у них... Впрочем, господа, не стоит о груст-

ном. В неровном свете факелов обстановка говорила сама за себя. И навевала соответствующие мысли.

Я поморгал и еще раз огляделся. Рот был забит кляпом. Круто это они меня. Из одежды на мне осталась одна кевларовая броня. Скроенная в виде нижней рубахи и подштанников. Не без умысла, конечно.

Вот к случаю и пригодилось... Но, однако, и ободрали с меня все! Ничего не скажешь. Аж зло берет: ни единого кармана не оставили! Они и броню-то оставили только потому, что не поняли, что это такое... Скоты.

И только после этого на меня нахлынули эмоции. Догнавшие наконец, дождавшиеся своей очереди в гормональных глубинах организма. Досада, стыд, страх, злость, бессильная ярость... Бурный коктейль на все возможные вкусы.

Да чтоб вы провалились, так вас перетак! Что вам всем от меня надо?! Что я теперь, так и буду кочевать из застенка в лес, из леса в застенок?! Свежие еще воспоминания о пребывании в Потуровом плену услужливо встали перед глазами.

Страсти, охватившие меня, достигли предела. И в этот момент открылась сбитая из толстых плах дверь и в камору вошел еще один человек. Я вытаращился на него и разом узнал. Это был Залиба, колдун Потура. В голове у меня что-то закоротило.

Ничего не понимаю. Я где тогда? Сколько времени прошло? Меня из города вывезли или что? Но, как ни странно, появление Залибы неожиданно резко пресекло мои страхи.

Я испытал самое настоящее бешенство. Если и не то, холодное, ледяное, что Анчаров называл яростью благородной, то что-то весьма близкое. Как всегда у меня в преддверии самых безрассудных поступков.

Я не боялся Потура. Я не боялся Залибы. Они меня просто дико, невозможно раздражали. И, увидев сейчас входящего в застенок колдуна, я просто взбесился. От бессилия, надо полагать. Скован-то я был все равно надежно. Лодыжки и запястья охватывали толстые металлические браслеты, присоединенные к мощным металлическим же костылям. Забитым в кондовые бревна стены.

Жук, пришпиленный булавками в морилке, – мелькнуло где-то в отдаленных мыслях сравнение. Залиба, оглядев меня, оценил мое состояние. Мимолетная усмешка тронула его губы.

Он сделал знак тюремщикам, и один из них выдернул мне кляп изо рта. А-хр... перемать!

– Ну вот мы и встретились, – сообщил Залиба довольно, в лучших традициях бульварных романов. Мой ответ был «тьфу» или что-то вроде этого. Сопровождающийся остатками кляпа пополам со слюнями. Хорошо, что не с блевотиной... К тому же мне показалось, что Залиба не так уж и рад нашей встрече, как старается показать. С чего бы это? – Ты надежно скован, – успокоил не то меня, не то себя колдун, глядя сверху с выражением превосходства. – И лишен всех своих колдовских штук. Так что не сможешь ничего приме-

нить против нас. И ничего нам не помешает на этот раз побеседовать с тобой обстоятельнее. Столько, сколько нужно. Понял?

Я промолчал, глядя на него в ответ. Чего непонятного? Все понятно. Но видно, не этого требовал здешний этикет. Залиба сделал еще один знак – и второй из подручных вздернул руку...

Я задохнулся от боли, пробившей тело сверху вниз – между ног, до самого затылка. Аж слезы из глаз побежали совершенно самостоятельно. Вот так вот, господа. И товарищи. Очень удобно.

Подвесьте человека кверху ногами, а потом время от времени бейте между этих ног. Впечатляет. Меня тоже впечатлило. Я аж чуть не взвыл с первого же раза. Но не взвыл все-таки.

Больно, конечно, было очень. И я никакой не герой-партизан. Просто относительное спокойствие я сохранял по причине того, что один раз уже побывал в такой ситуации. И весьма интересно из нее вышел.

Вот только в том заключалась закавыка известного мне способа, что нужно было позволить им довести меня до определенной кондиции. А там уж я сумею повторить то, что получилось в замке. Хрен они до меня доберутся!

Вот только один небольшой нюанс я забыл. А именно: в тот раз меня отделали до полусмерти в состоянии абсолютного беспамятства. Сейчас же палачам пришлось работать,

что называется, по-живому.

Все-таки я угодил на обещанный допрос к Залибе! Чтоб он сдох. И ведь добро бы он еще знал, что спрашивать! А то ведь все его дознание сводилось к нетленной триаде из «Свадьбы в Малиновке»: «откуда-куда-зачем?»

Если бы я мог ему хоть что-то сообщить! Впрочем, изображать партизана мне пришлось все равно. То еще удовольствие. Хотя ничего серьезного ко мне пока и не думали применять.

Просто тупо, методично били. Весьма болезненно. Похоже, Залиба решил тянуть процедуру. Что ж, товарищ Сухов это бы оценил: тут перед смертью явно имелась возможность долго помучиться.

Я вот только товарищем Суховым не был. И чем дальше, тем больше приходил во все усиливающуюся ярость. Хотя уж и так, казалось бы, некуда. Ох как они меня достали! Если б только мог, я бы поубивал их не задумываясь!

Одним словом, меня били – я зверел. Орал благим матом, матерился почему зря. Не очень помогало. И все никак не удавалось поймать то замечательное состояние, в котором я ускользнул от них в прошлый раз.

Не по какой-нибудь серьезной причине, а просто не получалось, и все! Хоть тресни. И палачи, и я взмокли и устали. А результат в итоге оказался нулевой. Если отрешиться от происходящего, то, наверное, можно было бы найти и забавную сторону.

Только вот мне как-то было не до смеха. И, как ни странно, Залибе тоже. Он начал злиться, нервничать. В глазах разгоралось какое-то опасное пламя. Но я как-то не очень замечал окружающее в тот момент.

У меня как раз начало что-то вытанцовываться. Правда, здорово мешала еще и обида на моих неведомых благодетелей. Они-то чего ждут, интересно? Когда меня, как в прошлый раз, в ров скинут?!

Видимо, все-таки что-то такое у меня получилось. Потому что без перехода я вдруг увидел прямо перед собой перекошенное напряжением Лицо Залибы с остановившимися, какими-то полубезумными глазами...

Сразу стало понятно, что что-то он сейчас такое применит кардинальное, что до сих пор придерживал. Мне даже как-то не по себе стало. Ну он и проделал. Взял меня пальцами за запястье. И в тот же миг такая дикая боль пронзила меня до последней клеточки, что я заорал, забыв про все на свете. А потом еще раз. Как бы в обратную сторону, что ли. Я не понял.

Иглоукалыватель хренов! Я едва не полопался от крика. Так было хоть чуточку легче. Сорву ведь голос-то! Делать надо что-то. Вот что только?! Польку-бабочку танцевать?!

От боли и нахлынувшего отчаяния – все мое спокойствие как ветром сдуло – какое тут, к ляду, спокойствие?! – я снова попробовал дотянуться до того спасительного состояния. Которое так некстати перебил Залиба. И дотянулся!

Только результат получился не совсем тот, какого я ожидал. Точнее – совсем не тот. Я даже сперва не понял, что добился все-таки чего-то. Поскольку ничего на первый взгляд не переменялось.

А потом вдруг осознал – как-то не умом, а чем-то еще другим, – что мне следует делать и что вообще происходит. Похоже, у моих хранителей сработала-таки система безопасности.

Вот знать бы еще только, отчего она уже только в самой крайней ситуации функционировать начинает? Что, нельзя было контроль не на такой высоте ставить, пониже?

Как ни смешно, но тут же я сам догадался, что нельзя. Если эта защита от летальных, так сказать, исходов, то она и срабатывать должна в адекватной обстановке! А так что будет?

Я только плюнул мысленно – от объяснения не стало легче. Ну я вам!.. Покончу дело, взявши обязательство!.. Ни с того ни с сего пришел на ум Высоцкий, когда я напряг все свои слабые силы. Эх!..

Напрячься же пришлось изо всей мочи. Без шуток – я боялся, что, того и гляди, пупок развяжется – зубы крошились, когда я начал вытягивать из стены глубоко вколоченные костыли.

Затем, как известно, бракованные гвозди... стал потихоньку... вынимать... Перемать-мать... Еще разок, еще... Хватит, все. Вроде. Нет уж, больше я не позволю, чтоб за

мною гонялись разные придурочные колдуны. И прочие...

Пусть они сами от меня бегают! Или лучше вообще отстанут от меня. Не то... не то я за себя не отвечаю. Тем более что здесь никакая не Земля, а совсем другой мир. На который мне с самой высокой колокольни наплевать!

Все замерло в однообразной неподвижности. Не как даже на рапиде, а как на самой обычной фотографии. Залиба, стражники, языки пламени на оголовках факелов. Краем сознания я замечал эту несуразность, но старался не обращать на нее внимания.

Сперва ноги-руки. Чуть-чуть, еще немного... Медленно я сполз на пол, перевернулся, поднялся. Выпрямился. В глазах потемнело на какое-то время, кровь отлила от головы.

Теперь мозги опять не очень умными станут, наверное, мелькнула в голове дурацкая мысль. Не забыть бы, подумал я, растирая руки. Повернулся и пошел к двери. Дыша как спринтер после стометровки. Оглядел Залибу с подручными.

И... не знаю. Не стал ничего делать. Жалко, что ли, стало. Придерживая, как странные украшения, болтающиеся железные шкворни, я подошел к двери и попытался отбросить засов.

Ого! Это оказалось не так-то просто. Пришлось повторить. Навалиться. Наконец брус пошел из пазов. Однако и скорость же реакции тут... в этом... где?

В этот момент все и кончилось. С хлопком время, куда-то

уходившее, вернулось обратно. Факела дрогнули. Тени заколыхались по стенам. Шумный вдох тюремщиков прозвучал как порыв ветра.

Залиба, похоже очень удивленный, как-то нехотя стал поворачиваться. И что я теперь буду делать, дурак? – мелькнуло в голове. Честно говоря, я не знал. Точно, кровь от головы отлила! – вспомнилось некстати.

Но заодно и кстати. Поскольку следующей мыслью я сообразил, что и впрямь-таки дурак: уцелевший на мне кевлар может оказаться ничуть не хуже заряжен разными штуковинами, чем отобранный камуфляж.

Вот как раз на такой аварийный случай! Да и то, что я проделал только что, заставляло отнестись к такой мысли с доверием. Во всяком случае, я поверил, что справлюсь с этими троими.

Но события дальше пошли не так, как я планировал.

Не успел я вообще чего-нибудь предпринять, даже сказать «а-а» или «бэ-э», как дверь за моей спиной – которую сам же я и освободил от внутреннего засова – с грохотом отлетела от косяка.

Так мне по крайней мере показалось. На самом деле она распахнулась, только очень резко, свистнув на петлях. И... припечатала меня всей своей мощной плоскостью. Набранной из тяжелых, толстенных плах. Я успел две вещи. Во-первых, выругаться. Во-вторых, подумать, что получать досками по лбу – несколько перебор для меня в последнее время.

Дальше снова потерял сознание.

Снова болела голова, когда я очнулся. А еще – плечо и бок. Чем, видно, приложился наиболее чувствительно. Я не без опаски открыл глаза. И прямо над собой увидел виноватое лицо Ангреста, похожее на самовар с усами.

Откуда-то издали доносился непонятный шум. Я лежал все в том же застенке. Дверь была распахнута на всю ширину, в компании со мной живописно раскинулись неподвижные тюремщики, а Ангрест приводил меня в чувство.

Привел, в общем-то говоря. Я приподнялся и пощупал голову. Ангрест мигал виновато.

– Что ж это ты так, братец? – попенял я ему укоризненно. Правда, тут же выяснилось, что, после того как получил в который раз по башке, кривляться не такое большое удовольствие.

На лице же здоровяка отразилось самое настоящее мучение. Глаза заполнились состраданием. Я, несмотря на шум в голове, собрался было поприкалываться еще, но тут обнаружил, что ничего, оказывается, еще не кончилось.

Глубже в камере стояли, оборотясь друг к другу, Залиба и еще кто-то. Невысокий, худощавый... Аниз! Вот надо же. Я совсем было хотел задать естественный в этих условиях вопрос, но тут увидел нечто странное.

Залиба едва держался на ногах. С него градом лил пот. Лицо напряженно кривилось. Руки колдуна безвольно сви-

сали вдоль боков. Да и весь вид у него был какой-то потрепанный. Не то что накануне.

Казалось, он чему-то отчаянно сопротивляется. С напряжением всех сил. Но сил у него заметно недоставало. Еще я заметил следы свежего огня на потолочных плахах и на стене. Странные следы – округлые обугленные пятна. Одно, по-моему, даже еще дымилось. Внезапно Залиба резко сделал какое-то странное движение, словно собрался присесть, прыгнуть и улететь, взмахнув руками. Но не смог.

Дернувшись, он не очень твердо выровнялся в прежнее положение. В это же время стоящий от него в четырех шагах Аниз несколько двинул рукой – чуть в сторону, – глядя на своего визави внимательным и очень спокойным взглядом. Залиба, тяжело дыша и уже откровенно шатаясь, исподлобья смотрел в ответ. Потом поднял руки кистями на ширину плеч, ладонями друг к другу. И тут я обалдел – между ладонями у него вдруг протянулся бледный, мерцающий шнур. Как лампа дневного света или электрическая дуга – и штука эта стала, неуверенно пульсируя, разгораться. Я вытаращил глаза. Захотелось даже их протереть. И стало даже как-то боязно.

Вряд ли Залиба занимался сейчас праздничной иллюминацией! Что он может такое выкинуть? Но узнать это мне не удалось. Аниз оборвал развертывающееся представление той же одной рукой, что и в прошлый раз. Просто махнул.

Так примерно, как машет человек, чтобы убрать с доро-

ги случайную паутину. Светящийся шнур погас. Странные противники еще немного постояли, глядя друг на друга.

– Ну хватит! – заявил вдруг Аниз неожиданно. На мой слух, по крайней мере.

Взгляд его сделался вдруг пронзительным – просто до невозможности. Глаза впились в лицо колдуна. Залиба покачнулся, мотнул неуверенно головой, обмяк всем телом. Сгорбился. И вдруг совершенно поплыл, оступился и с размаху сел на пол. Душераздирающе, во всю мощь рта зевнул – и повесил голову на грудь. Он спал!

Аниз еще какое-то время постоял неподвижно, выжидая. Затем резким переходом словно внезапно ожил. Пошевелился, сбрасывая оцепенение, бросил мимолетный взгляд в нашу с Ангрестом сторону и, шагнув вперед, принялся обычно связывать Залибу откуда-то взявшейся веревкой.

– Поторопимся, друзья. Надо уходить.

Я с трудом перестал тарашиться на ошеломивших меня Аниза и Залибу и посмотрел на говорящего. Хотя я и узнал его голос. То, что слышал его совсем немного, значения не имело. И так уже сразу можно было заподозрить: если двое из этой троицы здесь, то и третьего долго искать не надо. В дверях стоял Арх, небрежно уперев в пол вершины своей секиры.

Лезвия были чисты, но на переходах к рукояти темно отсвечивала кровь. На одежде тоже выделялись темные брызги. Впрочем, сам он ран, кажется, не имел. При виде же меня,

валяющегося перед коленопреклоненным Ангрестом, брови у Арха полезли вверх.

– Сударь Гар, что вы здесь делаете?

– То же самое хотел у вас спросить...

Я попробовал встать. Вроде бы получалось. Только вот болтающиеся на руках железяки... Ангрест, перехватив мой взгляд, без лишних слов ухватил меня за оковы своими ручищами. И буквально без усилий достал из проушин вбитые в них болты, которые я давеча с таким напряжением выди-рал из бревен стены. А затем так же просто, но эффективно разогнул и выкинул сами кандалы.

Удивил он меня этим не меньше Залибы с Анизом. Точнее, только Аниз. От которого я ничего подобного вовсе не ожидал – колдун! Горбоносый вояка тем временем закончил пеленать Залибу и подошел к нам. Приблизился и Арх.

– Гар, – спросил Аниз озабоченно, взглядываясь мне в лицо, – вы можете идти? Как вы себя чувствуете?

Ангрест в это время закончил разгибать железо у меня на лодыжках. Я встал. Жить было можно. Я так и сообщил Анизу:

– Ангрест всего лишь пришиб меня дверью, друзья, больше ничего страшного. Лучше скажите, не попадались ли вам мои вещи? Страшно не хочется пугать народ на улице белыми подштанниками.

Меня поразглядывали с каким-то непонятным мне сомнением, затем Арх ответил:

– Вещи можно поискать. Я, кажется, знаю, где они могут быть. Там у вас, помнится, было кое-что полезное. Но вы действительно себя хорошо чувствуете? – снова с беспокойством спросил он, словно бы с недоверием. – У нашего Ангреста удар как у тарана, он запросто мог вас убить. – Но, видя, что я по-прежнему намерен настаивать на своем, повернулся к здоровяку. – Ангрест, дружище, прихвати, пожалуйста, нашу добычу. И отходите с Анизом тем же путем. Мы с Гаром заберем его вещи и догоним вас. Кстати, сударь Гар, я так и не могу понять, как вы здесь оказались. И что... гм, с вами приключилось?

Мы уже разделились, начав выполнять намеченный Архом план отступления, и теперь шагали с ним вдвоем по какому-то коридору со стенами из голых, потемневших от времени бревен. Похоже, что в подземелье. В этих делах я уже стал разбираться.

Не желая отставать в назойливости, я ответил вопросом на вопрос:

– И я точно так же не пойму, почему вы здесь появились. Да еще в самый нужный, можно сказать, момент!

Коридор без окон, но с дверями освещался все теми же факелами. Похоже на натуральный застенок. Чей только? Впрочем, не велико дело стараться узнать – какая разница?

Мы вышли в другой коридор, свернув под прямым углом вправо. Здесь было все то же самое, но имелись еще кое-какие следы. Видимо, тут и прошелся со своим лавровым

листом Арх по дороге в нашу камеру.

Несколько тел лежало в неестественно изломанных позах. У меня как-то не возникло ни малейшего любопытства приглядываться, что там и как. Мы прошли мимо. Пожитки мои нашлись за одной из дверей в конце коридора.

В целости и сохранности. Разве что в некотором беспорядке. Особенно рюкзак. Видимо, захватившему меня Залибе – Потуру? – никак не верилось, что, кроме спальника, свернутой палатки да кое-какой мелочи, в рюкзаке у меня больше ничего нет.

Что я, идиот, таскать с собой все время на спине тяжеленную поклажу? Я торопясь оделся, умял вещи в мешок. Автомат и «стечкин» тоже не забыл.

– Идемте, Арх. Я вижу, что время дорого. Что же все-таки заставило вас здесь объявиться? Не моя, надеюсь, скромная персона. Хотя я бы, пожалуй, не возражал против такого оборота дел...

Арх хмыкнул. Очень так выразительно.

– Да. Случай уж слишком особый. Если это случай... – Мысли он, что ли, мои читает? – Мне это тоже кажется неспроста. Но тут... – он. замолк на миг, – не только моя тайна. Я не могу вам рассказать многого. У вас, полагаю, тоже что-то похожее. Впрочем... Если вы дадите мне слово дворянина, что сохраните все в тайне до срока, я могу с вами поделиться кое-чем. Не просто так, конечно. В обмен на ваш рассказ. Хотя бы настолько, насколько вы сочтете нужным.

Вас устраивает такой подход? Если в свою очередь вам потребуется конфиденциальность, то за себя и моих друзей я тоже могу поручиться.

Говоря все это, Арх споро вел меня какими-то запутанными переходами, в нескольких местах перегороженными валяющимися телами. Откуда-то доносился отдаленный, но отчетливый шум, – похоже, погоня.

Или по крайней мере тревога, обыск, переполох – в этом не приходилось сомневаться. Но по пути мы никого живого не встретили. Так что я совершенно терялся в догадках, где же мы находимся и что вообще происходит.

На войну, впрочем, не очень походило. Как и на заурядное ограбление. Уж настолько-то моей сообразительности хватало. Выводы напрашивались сами собой, и было их при этом не так уж много.

– Арх, – сказал я честно, – я не могу дать вам ни слова дворянина, ни даже слова офицера. А самому мне рассказывать почти что и нечего. Так что взаимообмен может оказаться для вас невыгодным. Предупреждаю сразу же.

Но мой ответ, видимо, произвел на Арха какое-то не то впечатление, на которое я рассчитывал. Арх серьезно посмотрел на меня сбоку, размышляя о чем-то. Потом весьма решительно кивнул.

Я на миг подумал, что вот он сейчас все так же серьезно хлопыстнет меня своей железякой по голове – и привет, Макар, ноги озябли! Но несуразная мысль, мелькнув, пропала

без последствий.

– Хорошо, – ответил Арх, похоже воспринявший мои слова как должное. – Тогда меня устроит, если вы дадите мне просто свое слово. Мы же можем по-прежнему обещать конфиденциальность, если она вам потребуется.

Какая тайна?! Что сохранять?! Мы добрались к этому времени наконец до завершения пути – дыры в стене, возле которой нас ожидал Аниз. По очереди пролезли в узкий лаз, секция покрытых плесенью бревен беззвучно встала на место... И мы шустро двинулись прочь в рассеянном свете дня, пробивающемся через щели где-то у потолка. Что, выходит, я в отключке всю ночь провалялся? Нехило. Или и того больше?

Арх, идя впереди, не забывал бросать на меня вопросительные взгляды. И я наконец решился. Что мне, собственно, скрывать? Инопланетное происхождение? И чего вообще бояться после того, что было?

– Ладно, Арх, – сказал я. – Пусть будет так. Давайте обменяемся мнениями.

Мое появление в «Жареном петухе» не произвело никакого впечатления. Дежурный за стойкой в общем зале не упал в обморок. Слуги не разбегались от меня как от привидения. Обедающие не лезли в ужасе под столы.

Моего отсутствия, как выяснилось, вообще не заметили. Чему, впрочем, удивляться? Всего-то времени и прошло –

со вчерашнего вечера до сегодняшнего полудня. Проснулся человек поздно, только и всего.

А то, что почему-то с улицы и с мешком... Так мало ли. Тут, думаю, и не такое едали.

Все же слегка пришибленный этим маленьким открытием, я прошел к себе в комнату. Поставил вещи на лавку. Потом, вспомнив, постарался внимательно осмотреть, так сказать, место происшествия.

Дверь, кстати, оказалась отперта. Вот тоже вопрос: почему? Но, с другой стороны, если номер пуст, вещей постояльца нет, а дверь заперта изнутри?.. То что? То-то же. Я продолжил осмотр, вспомнив к случаю, что проводить его положено по часовой стрелке, начиная с левой стороны.

Ничего осмотр не дал. То есть ничего сверхважного. Нападавшие проникли через окно, устроили засаду, дождались, когда хозяин придет, и отоварили его по темечку. Бесчувственное тело вынесли через окно же. Все.

Одной дотошности ради я еще высунулся из окна, осмотрел предполагаемые пути подхода-отхода. Все верно. Любой мало-мальски путный ниндзя мог бы гулять по этим бревнам вдоль и поперек. Даже я, взбреди мне такое в голову.

Ну правда, с кое-каким снаряжением. Так что... Я сел на подоконник, ставший уже родным, и закурил. Попробовал маленько подумать. До назначенного Архом срока оставалось еще достаточно времени. Но не думалось. Троица служилых, видимо, специально предложила отсрочить раз-

говор. Сперва побеседуют с Залибой. Попытаются и про меня, не иначе, разузнать. Гм. А ведь Залиба знает обо мне едва ли не с самого начала.

Ну. И что? Чего это тебя так вдруг озаботило? Чего он такого уж особенного скажет? Не более того, что они и так уже знают. Я и сам честно могу рассказать им больше.

Сейчас все это совершенно неважно. Куда важнее то, что мое представление об этом мире, похоже, оказалось не таким уж верным. Я честно думал, что здесь старое доброе Средневековье. А похоже... А что – похоже?

Как раз в Средневековье с колдунами все обстояло в полном порядке: на каждом углу можно было наткнуться на какого-нибудь чернокнижника или ведьму. А то и на настоящего мага. Дипломированного.

Кого инквизиция столько лет жгла по всей Европе? Пустое место? Непричастных граждан? Или банальных умалишенных? Дыма без огня не бывает. Так что бакалавр Брада, например, явление не экстраординарное.

Где, кстати, он сейчас-то? Договаривались ведь сегодня с утра встретиться. Надо бы пойти глянуть. Все ж таки про ауру что-то обещал рассказать...

Ну ладно, отвлекаться на дискуссии с самим собой можно долго. А вот с делом-то как? Непростое оказалось место этот мир, непростое. Да и... А ведь и верно – моя-то собственная история!

Благодетели эти неведомые! Если здесь маги настоящие

имеются... Может быть, искать надо? Именно их? Кто еще меня мог сюда вытащить? Надо, пожалуй, все-таки пойти Бладу навестить. Худо-бедно кое-что он знать должен.

Порасспросить, покуда время есть. Пообедать заодно. Да уж и позавтракать. А то Залибовы командос мне весь режим перебили.

Я спустился вниз. Заказал обед. Брады не было. Странно. Обычно в это время он всегда на рабочем месте. Надо же! И тут не слава богу! Да есть ли еще в этом городе что-нибудь нормальное?!

Оказалось – есть. Грибной суп, поданный на первое, заставил меня в корне изменить свое мнение о сущности мироздания. Не так уж все оказалось плохо. А печеная птица на второе и вовсе расположила к окружающим. Почти превратив в человеколюба. Я по крайней мере расслабился наконец, после встречи с Залибой в его застенке. И перестал вздрагивать от неожиданно пойманных направленных на меня взглядов.

А уж от таких тем более. Молодая особа, изволившая обратиться на меня внимание, и сама могла поразить воображение. Эдакая амазонка. В мужском костюме, видимо для верховой езды. Достаточно дорогим и украшенном, чтобы продемонстрировать высоту положения или размеры богатства, позволяющие безопасно разгуливать по кабакам в одиночку. При всем при этом...

При всем при этом незнакомка, сидевшая в другом кон-

це зала, не производила впечатления заскорузлой от седельной кожи и конского пота бабы, опять же способной запросто таскаться по кабакам. На поясе незнакомки подвешен был легкий меч с отличной, на мой взгляд по крайней мере, отделкой. Хотя какой из меня знаток вообще-то. Так, прочел пару-тройку книжек...

Невозмутимо пролоцировав меня взглядом, дама равнодушно отвела глаза. Скорей всего, она не бывала здесь при мне и просто решила попялиться на приезжую экзотику. Все ж таки в камуфляже здесь не каждый день разгуливают.

Ага... А ты что решил? Я чуть не расхохотался. Совершенно же по-накатанному сюжету: прелестная красавица и неотразимый супермен встречаются в придорожном трактире! Очень свежо. Супермен, чтоб тебя...

Я отогнал от себя дурацкие мысли. И рьяно принялся за десерт. Интересно, почему считается, что только в современных западных ресторанах подают круглый год клубнику со сливками? Здешнее Средневековье это опровергало.

– Господин Всеволод Гар?

К сожалению, это была не давешняя незнакомка. Всего лишь местный слуга.

– Господин Брада просил вам сообщить, что с утра он был занят, но сейчас может уделить вам время, как вы и договаривались. Господин Брада находится сейчас у себя в комнате...

Речь его была обворожительна. Такими манерами мог бы

похвастаться настоящим английским дворецким – если б я еще видел где-нибудь этих настоящих дворецких. Ну разве что в кино: «Что это, Бэрримор?!» – «Сэр! Это овсянка!»

Что ж, хорошо, что Брада нашелся сам. Не придется тратить время. Я отпустил слугу. Закурил. Полоцировал взглядом незнакомку. Инкриминированную даму, как сказал бы некий Профессор, которого я никогда в глаза не видел.

И слава, кстати, богу, что не видел. Судя по описанию, личностью он был весьма колоритной, но общественно беспокойной. Амазонка сидела в профиль ко мне и прозаически обедала. Не обращая на окружающих ни малейшего внимания. Так вот. А жаль...

Что ж, пойдем навестим бакалавра, думал я, идя в другое крыло гостиницы. Может, и выясним что интересное к моменту встречи с Архом и его приятелями. Впрочем, правильнее все-таки – друзьями. Панибратством между ними как-то не пахнет.

Брада ведь как предсказатель – или хиромант? – сидит целыми днями в людном заведении и наверняка знает все местные новости. Как я вообще раньше этого не сообразил?! Я нашел нужную дверь, постучал и вошел, дождавшись ответного «Да».

Комната была довольно маленькая. Узкая и длинная. Внутри, как мне показалось, было полно народу. Я попробовал оглядеться. Брада сидел в дальнем конце жилища на стуле, стоящем у стола. Рядом с ним стоял человек, одетый

в довольно любопытный наряд.

Мягкие сапоги – ичиги, чувяки, не знаю точного названия, – узкие кожаные штаны, на поясе два длинных кинжала. Поверху короткая меховая серая безрукавка мехом наружу. Крепкие плечи. Длинные светлые волосы густой гривой. Весь наряд аккуратен и подтянут, как военная форма.

Вроде ничего в этом человеке не было, но у меня словно звонок внутри зазвенел. После визита Залибовой команды нервы у меня все-таки были еще на взводе. Кроме того, в комнате имелось еще четверо, одетых точно так же, в однотипные вещи. Единообразно вооруженные и примерно одинаково выглядящие. Двое стояли на полпути к столу, двое – по бокам от двери.

– Нет! – хрипло выкрикнул Брада, изогнувшись на стуле, и я понял, что он привязан.

Ничего, кроме удивления, не появилось у меня в голове в первый момент. Просто удивление. Зачем кому-то понадобилось связывать Браду? Дальше эмоции мои изменялись с ходом развития событий.

Двое по бокам прыгнули с обеих сторон, вцепляясь мне в руки. Я это сразу отметил: ничего не знают о нападавших на меня на поляне ночью. Трезвая мысль: почему эти-то должны знать?! – промелькнула и исчезла.

Как и те, прошлые, эти нападавшие напоролись на те же самые грабли. Я стряхнул с рук беспмятные тела и шагнул вперед. Память о застенке, где я провел минувшую ночь,

подстегивала мои мышечную и нервную систему.

Я еще хорошо помнил, как вылезали из стены железные шкворни. И сейчас я был небезоружен.

Вторая двойка налетела на меня согласованно. И стремительно. Остановить время, как в пыточной, я, понятно, не смог. Но движение нападающих видел вполне отчетливо. И встретил обоих.

Одного ногой с электрошокером, второго просто принял на руки... Это была ошибка. Я ведь говорил уже, что не занимался специально боевыми искусствами. Все, что помнил, – детские полуигрушечные потасовки.

Через секунду я уже лежал на полу, подмятый тяжестью противника. Тот, рыча, нависал надо мной, стараясь заложить руки за спину. Человек, стоявший возле Брады, шагнул к нам.

Уверенным шагом опытного бойца. Знать бы еще, из чего я это заключил. Но никаких сомнений в тот момент у меня в этом не возникло. Понимая, что дело плохо, я отчаянно заизвивался.

В ответ противник навалился на меня всем своим весом. Он был посильней меня и гораздо опытнее. Но воспоминания детства он из меня вышибить все же не успел. Извернувшись, я применил запомнившийся из тех времен прием.

Уперся ногами ему в живот – и пихнул изо всей силы. Мальчишкой я как-то раз едва не ухлопал таким манером одного из приятелей. В обычной детской свалке. Тогда мы

просто играли и я не прикладывал всех сил. Сейчас – приложил.

Мой противник отлетел от меня и шваркнулся о стену. С нехорошим звуком. Как если бы в стене что-нибудь сломалось. Распластавшись по тесаным бревнам, замер. Потом нелепо сполз на пол. Видимо, я его вырубил.

И слава богу! Пятый уже был рядом. Хищно пригнувшись, в руке жалом вперед – кинжал. У меня уже не было времени вскочить. Я кувыркнулся по полу в сторону. В тот же миг колющий удар в бок настиг меня.

Я коротко выдохнул сквозь зубы, выругавшись, еще раз кувыркнулся и вскочил. Чтобы получить еще один удар – в печень. И тут же не медля ударил сам – ногой и локтем.

На секунду мы замерли неподвижно. Затем медленно холодные, выпуклые глаза нападавшего затуманились, затянулись поволокой – и он, ломаясь, повалился на пол. Я мог бы поклясться, что перед тем, в самый последний момент, в его взгляде стало проявляться удивление.

Что ж, вполне понимаю... Я отступил, дождавшись, когда он упадет, и дал себе волю наконец согнуться пополам, зажмуриться и замыкать что есть силы от боли. Не сразу, как известно, пришло мастерство к молодому минеру...

Очухаться меня заставил Брада. Почти криком начав звать меня по имени. Только тогда я распрямился немного. Посмотрел бы я на того, кто получит такие торцевые удары – в почку и печень. Да еще с хорошей силой.

Но, пожалуй, это я все-таки зря – себя отпустил. Не самый подходящий момент. Всхлипывая и морщась, я залез в поясной карманчик с лекарствами первой необходимости и выковырил две упаковки. Выдавил по таблетке, потом, подумав, из одной выдавил вторую, сунул в рот и проглотил, давясь. Брада сидел, глядя на меня белыми глазами. Его трясло. Причем так, что шатался стул, к которому он был привязан.

– Развяжите меня, сударь! Скорей! – торопливо взмолился он, видя, что я уже более-менее вменяем. То же самое, наверное, он повторял уже долгое время. Пока я позволял себе загибаться от боли в боках.

Я подошел, выдернул из чехла нож, полоснул по ремням. Путы упали. Я обернулся, убирая лезвие обратно на голень. Пятеро валялись по всему полу. Как кегли. Вид был – будто вся комната завалена бесчувственными телами. Точно после дикого побоища. Нечто подобное я видел только в «Зоне особого внимания» – когда Волонтир рукопашествовал в избушке лесника. Тела там тоже валялись горами.

Я обвел поле битвы взглядом, стараясь сообразить, я ли это все наворочал. Выходило, что вроде я. Что ж, со стороны смотрелось очень... внушительно. Я бы еще там постоял, переваривая впечатления, но тут Брада опомнился от шока.

Схватил меня мертвой хваткой за локоть и почти силой выволок в коридор. Захлопнул дверь, запер, потащил куда-то. Он явно пребывал не в себе. Впрочем, я бы на его ме-

сте – тоже.

– Брада, что случилось? – Я попробовал приостановиться. Но это оказалось не так-то просто. – Куда вы мчитесь?

Он взглянул на меня все еще с ужасом. Но вполне осмысленно, вопреки моим подозрениям.

– Надо позвать стражу! – сообщил он. – И сказать людям. Хозяину «Петуха»...

– Что сообщить? Зачем стражу? – Дурацкий вопрос, я и сам это понимал. Не приятели же по академии заглянули к бакалавру пошутить, это ясно. Но надо же мне было узнать, в чем дело! Это Браде все, может быть, ясно. А я-то в этих краях новичок. – Кто это были? И что они хотели?

Брада встал как вкопанный и уставился на меня. Я, изумленный его остановкой, – на него. Он приоткрыл рот, продолжая глядеть во все глаза. Вид у него был востропанный. Одежда помята, лицо все еще носило следы испуга. На скуле отчетливо проступал полновесный синяк. Судя по всему, с ним действительно не шутили. Или шутили не очень.

Он все стоял и смотрел на меня, будто вдруг превратился в статую или не знал, куда бежать.

– Да что случилось? – не выдержал я. – Что вы так на меня уставились? Привидение, что ли, увидели? Вы же хотели стражу звать.

Брада сглотнул. Передохнул шумно. Потом слегка расслабился и даже встал более прямо. Только взгляд от меня по-прежнему не отрывал. Понять он, что ли, что-то пытался? В

моей ауре? Так сам же говорил, что ничего в ней не видит.

– Они вас хотели найти, – проговорил он голосом самого что ни на есть зловещего смысла. Мрачнее, пожалуй, не бывает.

– Кто? – Я в долгу не остался и тоже уперся в него взглядом. – Эти? – Он, признаться, меня озадачил. Залибовы преследования я как-то еще понять мог. Но это... Эти-то кто? – Зачем я им был нужен? – спросил я, уже понимая, что ни за чем хорошим. Если бы так, просто подойти и поговорить можно было.

Брада на мой вопрос только посмотрел ошарашенно. Я подождал, но он не сказал больше ничего. Тогда я сам заговорил:

– Вы стражу звать думаете или нет?

– Гар, – заявил Брада, – я в этом городе приезжий. Человек маленький. Без связей, без... без покровителя. Мне не хочется ввязываться в дрянную историю.

– Да? – спросил я только. Я обалдел. Кто кого за кого принимает, интересно? Такими словами изъясняются, насколько я помню, только в гангстерских фильмах. Или в полицейских. Где свидетелей положено убирать. Согласно законам жанра. Чтобы хоть что-то сказать, я спросил: – А чего же вы тогда вначале бежали за стражей как ошпаренный?

Несчастный Брада моргнул. Мучительно попереживал. Облизал даже губы. Потом, вздохнув, признался:

– С перепугу, – проговорил он вполне серьезно. – Проси-

дел с ними с самого утра, связанный...

Его передернуло. Я посмотрел на него Повнимательней. Что-то он уж очень нервничает. Но не как человек, замешанный во что-то. Скорее просто как донельзя напуганный.

Мимо нас по коридору прошел какой-то постоялец. Удивленно покосившись на двоих ненормальных, стоявших нос к носу. Брада его, похоже, и не заметил. Зато нервно оглянувшись через плечо назад, в сторону своей оставленной комнаты.

– Слушайте, Брада, – наконец сообразил я, о чем задать вопрос, – чего вы так боитесь?

Он вздрогнул как от тычка. И опять уставился на меня. Как вот давеча – ошарашенно.

– Да вы что, не поняли?!

Пришлось мне снова уставиться на него:

– А что я должен был понять?

Брада раскрыл рот, не отрывая от меня взгляда. Лицо его вытянулось. Потом он немного оправился, хотя и покачал недоверчиво головой.

– Вы что, – спросил он, – вы мне хотите сказать, что не знали, что это волколаки?

Тусклый свет в коридоре качнулся у меня перед глазами. Еще и так теперь...

– Кто? – машинально переспросил я, глядя на Браду.

– Волколаки...

Глава 6 Вояки и кое-кто еще

А наутро я встал – мне давай сообщать!

Брада сидел на стуле у меня в комнате и глядел, как я хожу кругами. Вид у него при этом был все еще неважный, но уже не такой дрожащий, как перед тем. Бедняга...

Повезло ему попасться на глаза оборотням как раз в момент задушевного разговора со мной. Вот и оказался в роли приманки. Мысль не такая уж примитивная, пожалуй, – я же на нее попался. И угодил прямо волколакам в руки... или в лапы. А может быть – в когти? Тьфу! Оборотни, волколаки... У меня совсем голова поехала кругом. Особенно почему-то, когда я услышал все это, сказанное вслух. От Бранды.

Казалось, до этого уже видел вполне достаточно. И сам даже участвовал кое в чем. Да и сюда как попал-то! А тут – на тебе! Как с катушек съехал, честное слово. Никак до сих пор в себя не приду!

Я посмотрел на часы. До назначенного срока встречи с Архом было еще время. Правда, теперь его оставалось уже не так много.

– Брада, – обратился я к бакалавру, останавливаясь, – давайте-ка еще раз. До меня все очень долго доходит. Значит, ты говоришь...

Брада вздохнул и, смирившись с судьбой, повторил свой рассказ снова. Хотя и так, видимо, изложил все то немногое, что знал. Впрочем, порция бренди в качестве противошокового, выпитая им по моему настоянию, все еще продолжала

действовать. Как и моя на меня, кстати.

Рассказ бакалавра сводился к следующему. Волколаки, волчьи оборотни – днем люди, ночью четвероногие, с хвостом. Становятся волколаками вполне обычные люди путем определенного колдовства.

По повадкам и характеру оборотни – никому не подарок, поскольку в обеих ипостасях сохраняют значительную долю противоположного аспекта. К счастью, обычно оборотней не так уж много случается. Десяток-другой на округу за время жизни одного поколения. Хотя бывают регионы, где их набираются целые стаи и обитают там веками, обновляя состав. Очень живучи. Злобные. Как настоящие волки – хищники до мозга костей. Обладающие, кроме того, человеческой способностью к разуму, с соответствующей скукой и дурной фантазией. Что в сумме и делает их, почти неуязвимых, очень быстро после появления бичом местности.

Это, так сказать, общая историческая справка. Уясненная мной из сказанного Брадой. Из этого разговора я сразу уцепился за стаю и прямо спросил, почему здесь-то оборотни толпой бегают.

И Брада мне поведал историю, совершенно в своей сути туманную, но вполне конкретную. По крайней мере тот вариант, который он успел узнать как приезжий за время своего рабочего сидения за гаданием клиентам.

Терет и окружающая местность не были издревле характерны для обитания ликантропов. Оно и понятно: чтобы бла-

гополучно трансформироваться, надо иметь возможность где-то в человеческом облике отсиживаться. Скажем, день. Северные негостеприимные леса не очень-то для этого подходящи. Особенно зимой. Поэтому оборотни и предпочитают обычно южные края – там тепло. Но неожиданно несколько лет назад в лесах вокруг города оборотни стали появляться во все большем количестве.

Если сравнивать с предыдущими временами, можно было говорить просто о повальной эпидемии. Что, собственно, близко к истине, поскольку данное явление больше всего похоже на болезнь. Хотя и по-другому распространяется.

Во всяком случае, неприятностей от этой напасти крестьянам, да и горожанам – особенно в последнее время, – было хоть отбавляй.

Пробовали, конечно, защищаться. Несколько раз на оборотней устраивали облавы. Но люди-волки легко уходили. Попытки пускать по следу собак заканчивались в основном ничем. Хотя иногда и находили клочья.

А уж устраивать засады – так таких смельчаков оказалось всего пара-тройка. После чего уже никто не решался повторять самоубийство столь оригинальным способом.

Хорош вполне против оборотня осиновый кол, но ты попробуй сперва хотя бы в него этим колом попади. А потом сумей пробить толстую шкуру, поросшую густым, плотным мехом.

А второго шанса тебе оборотень не даст. Не говоря о том,

что здесь-то оборотень не оказывается в одиночку.

– Да? – спросил я, не забывая поглядывать на часы. – А топором? Мечом, луком или копьём?

Как объяснил Брада, это оказывалось примерно так же эффективно, как и уже упомянутый осиновый кол. Главным образом по тем же причинам – оборотня можно еще как-то порубить или проткнуть одного. Но не когда их целая стая. А правильной войной идти против сумасшедших зверей крестьяне не могли – потому хотя бы, что просто не умели. Да и когда воевать?

Оборотни достаточно сообразительны, чтобы, увидев ополчение, просто скрыться. И сколько их ждать? Работать же надо.

Впрочем, были случаи – за дело брались благородные дворяне. Из тех малопоместных, что проживают, не сильно отличаясь от крестьян, в этих же лесах всю свою жизнь. За исключением тех случаев, когда король призывает всех на войну. Или вдруг сами они вздумают пойти войной один на другого. В общем, у рыцарей все кончилось точно так же – ничем. И с теми же примерно потерями. Поскольку умные волколаки не преминули для острастки прикончить пару-тройку ревнителей безопасности, дабы другим неповадно было.

Правда, насчет этого уже разговоры больше походили на сплетни и слухи, чем на достоверные факты. Но тем не менее вполне могли быть и чистой правдой! Поскольку уцелевших

после налетов не было, а сами налеты – были.

М-да... Вот ни много ни мало и все. Брада, похоже, больше не знал ничего. Да, видимо, особо и не задумывался, даром что бакалавр. Пока нынче утром к нему в комнату не вошли пятеро в аккуратных щегольских душегрейках...

И что мне теперь с этим делать, интересно, скажите на милость? Залиба с Потуром – с одной стороны, с другой – волки-оборотни! Ну веселенькая, я вам доложу, компания.

Хотя, признаться, вся эта затея с оборотничеством представилась мне сейчас, когда я тоже смог над ней немножко задуматься, какой-то в достаточной мере бессмысленной.

Превращаться в сумасшедшего, да еще с какими-то атавистическими звериными склонностями... Не понимаю. Впрочем, я явно узнал из разговора недостаточно. А то, что я знал до этого – на Земле, – могло и не очень пригодиться. Да, кстати...

– То, что их можно убить осиновым колом – это хорошо, – заметил я. – А еще чем? Серебром, например? Или громовой стрелой?

Я имел в виду отнюдь не свой «Калашников». А как раз самую настоящую громовую стрелу – металлический стержнеобразный слиток, образующийся иногда там, где молния ударила в месторождение железа.

По поверью, такие образования шли наравне с серебром. Брада кивнул без всякого энтузиазма.

– Так. Только кто же раскошелится на такую уйму се-

ребра? А громовое железо... Вы, сударь, пробовали его когда-нибудь искать?

Я прикинул и вынужден был признать, что не так-то это просто.

– А чеснок?

На этот раз Брада откровенно вздохнул.

– Насколько я знаю, – поведал он, – отличное средство профилактики. Для жилища. Если двери и пол постоянно натирать чесноком. И яд – если оборотня накормить им поплотнее. Но если ты наешься его сам... есть тебя, быть может, и не будут. Но кто помешает им разорвать такого умника на части?

– По-онятно... Знаешь, друг Брада, – сказал я, беря со стенки «аксушку». – Мы с тобой, кажется, сделали одну существенную ошибку.

– Какую? – не понял Брада. Пережитые страхи вновь зашевелились в его голове. Может, еще из-за этого он что-нибудь упустил в своем рассказе.

– Мы зря не взяли пленных для допроса. Мои армейские командиры всегда подчеркивали важность этого действия. – Прошло примерно полчаса. Вполне может стать, что ребята все еще там валяются в отключке. Электрошокер иногда и на больший срок вырубает. Грех не попробовать исправить ошибку. – Подымайтесь, бакалавр. Пойдем на разведку сходим.

Брада воззрился на меня как на ненормального.

– З-зачем?.. – выдавил он.

– Ну надо же что-то делать? – ответил я вопросом на вопрос. – Не гавань же начать минировать, в самом деле. Да не пугайтесь вы, я не сумасшедший. Просто... Просто у меня с собой случайно оказалось немножко серебра.

Я сменил в автомате магазин, вынутый из рюкзака, дослал патрон в ствол. Интересно, приходила ли еще кому-нибудь в голову такая расточительность в отношении ценного металла? Что-то не припомню.

Зараженный моими бравыми манипуляциями, Брада вполне уверенно поднялся со стула. Мы уже пошли к двери. Но тут я, подумав, вернулся к рюкзаку – вытащил из него глушитель. Навернул вороненый цилиндр на ствол.

Теперь порядок. Совершенно ни к чему пугать ни о чем не подозревающих мирных постояльцев. А то, не дай бог, начну палить – переполох выйдет. А нам оно на что-нибудь нужно? Нет.

Мы вышли в коридор, я запер дверь, и мы двинулись в обратном направлении. По пути все было спокойно. Чудища, похоже, не вырвались еще на свободу. Я небрежно придерживал автомат на боку, неспешно размышляя.

Встреча с вояками приближалась. И Браду надо тоже было куда-то девать. Здесь, похоже, ему из-за случайной встречи с приезжим дурачком теперь оставаться не стоит.

И что же вообще теперь со всем этим будет? Я никак не мог сложить для себя цельной картины происходящего. Не

хватало каких-то концов, которых я даже и знать не знал.

Так что, пожалуй, и напрягаться не стоило. Но, с другой стороны, чем больше информированным я приду на встречу, тем будет лучше. Гм. Тут вроде как выходит какая-то навороченная интрига. Из которой я вижу только ту ее часть, которая раскручивается перед самым моим носом. Вырванный из контекста кусок. Ну ладно...

– Брада, – спросил я, – у вас здесь в городе есть кто-нибудь... друзья, знакомые, у которых вы могли бы пересидеть? Покуда тут не утихнет?

Брада кивнул, хотя не очень уверенно. Но и то хлеб.

– Хорошо. Тогда так и сделайте. Не то эти идиоты решили, видимо, что вы как-то связаны со мной. Гм. Хотя я бы не стал так на их месте утверждать...

– Но они же почти ненормальны психически, – пожал плечами Брада. – Как раз для них такое заключение вполне характерно. Хотя в извилах трансформированной души разобраться зачастую попросту невозможно. – Он покрутил головой. – У нас читал лекции один магистр, как раз откуда-то с юга, так он рассказывал...

Мне, признаться, как-то не очень было интересно, что рассказывал неведомый мне магистр. У меня к Браде был еще один вполне существенный вопрос. Просто потрясение, которое я пережил, заполучив под нос волколаков, покуда оттесняло на задний план все остальное. Хотя, возможно, это и было как-то связано.

– Послушайте, Брада, – перебил я бакалавра. – Извините. А что вы там давеча говорили насчет отсутствия высоких покровителей? И что вы маленький человек и не хотите неприятностей. Это не секрет?

Брада посмотрел на меня опять изумленно. Но уже как-то привычно – уяснил, видимо, что с такого олуха взять нечего. Помялся и сообщил:

– Ну в общем... Действительно, у меня нет тут покровителей. Я имею в виду... ну, Гар, я думал, вы поняли! Я имел в виду, что не связан здесь ни с кем, обладающим влиянием и силой, – ни в городских верхах, ни в низах... Видите ли, ходят слухи... я хочу подчеркнуть, что это именно слухи! – что эти оборотни служат какому-то человеку. Вы понимаете? Что они не просто так, сами по себе. А что это чье-то участие в местной внутренней жизни. А я бы не хотел влезать во все эти передраги. Я действительно человек маленький. Да еще и неместный.

От неожиданности я даже рот открыл. Вот тебе еще! Ну не дурак ли я? Ведь действительно: в стране, где магия и колдовство – вполне реальное дело, они непременно должны быть вовлечены в поли гику. А я как раз угодил в центр чего-то такого... Чего вот только? Понятия не имею. Неплохо бы Браду еще раз расспросить, чего он знает на эту тему, да времени просто не остается.

Охо-хо. Охо-хо-хо-хо-хо-хо, как сказал гномик Себастьян, прежде чем лечь на пенек и уснуть. Хорошо это Са-

ша Карев придумал, только вот не помню, сколько раз там это «охо-хо» было сказано. Н-да...

Все еще в рассеянном состоянии от таких мыслей я подошел к двери апартаментов бакалавра Брады. Приготовив на всякий случай автомат одновременно с ключом от замка. Хотя уверен был, что автомат не понадобится. Электрошокер все-таки.

Но что меня совсем не порадовало, нам не понадобился и ключ. Дверь оказалась незаперта. Замечательно. Молчаливо постояв, глядя на дверь, я повертел пальцами ключ, потом обернулся и отдал его Бrade.

Брада стоял напряженно вытянувшись и глядя тоже вперед. Однако, похоже, зря шли. В комнате было тихо. А на месте оборотней я бы, например, очухавшись, не стал дожидаться никакого продолжения. Как-то не располагает к такой мысли человек, голыми руками уложивший пятерых. Причем практически пятью ударами. Если не меньше. Вооруженных. Так что я почти без волнения толкнул ногой дверь, вскинув лишь на всякий случай ствол, увенчанный длинным цилиндром глушителя.

Так и есть. Но... все-таки не так. Неподвижные тела в душегрейках все так же продолжали вповалку устилать пол. Хотя дверь оказалась открытой. Но больше вроде ничего не изменилось.

Замерев на пороге, я внимательно окинул взглядом комнату, на всякий случай все же готовясь стрелять. Но стре-

лять так и не потребовалось. На месте оставалось не пятеро, а четверо. И все четверо были безнадежно мертвы.

В тех же позах, в которых я их оставил, уходя отсюда с Брадой. Я стал столбом посередине комнаты, стараясь понять, что все это значит.

Рядом шумно сопел носом Брада. От волнения, надо полагать. Компрене ли ву, судари мои? Лично я как-то не очень.

Неожиданно оказалось, что опять все полетело кувырком. Что делать – по-прежнему оставалось непонятным. Но вообще-то я просто оттягивал время, организуя эту бесполезную разведку. Не представляя, что она может во что-то вылиться.

И вот – вылилась. Теперь пришлось соображать на ходу. Мы с Брадой, оба ошалевшие от увиденного, осмотрели мертвых. Заодно комнату Брады еще раз и между делом уложили в сумку его вещи.

Четыре тела были, безусловно, мертвы, насколько хватало моих познаний в медицине. Для такого дела, впрочем, много не требуется. И никаких следов насильственной смерти обнаружить не удалось. Просто лежали, как тогда легли на пол после соприкосновения со мной. Ну разве что слегка не так сейчас располагались. Словно кто-то их уже осматривал. И все.

– Слушайте, Брада... – обратился я к бакалавру, – а они точно оборотни? Вы не ошиблись?

Он только взглянул на меня утомленно.

– Ну как я мог ошибиться? Я же все-таки специалист. По внешним оболочкам все это достаточно ясно видно.

– Но вот у меня вы ничего не видите, – напомнил я. – Может быть...

– Нет, – он покачал головой, – вы совсем другое дело. Я подозреваю, что вы уникальный экземпляр... Никто ничего не может сделать со своей аурой, как вы ее называете. Есть, конечно, чародеи, которые достаточно сильны, чтобы препятствовать чтению со своих внешних оболочек. Но и такого чародея опознать ничего не стоит – просто потому, что его тонкое тело гораздо больше, чем у других людей. Раз в пять-шесть. Колдуны же, способные маскироваться под обычных людей по всем параметрам, – такая редкость, что их и вовсе, насколько я знаю, нет. Хотя теоретически такая возможность не отрицается...

– То есть, – невежливо прервал я его речь, – это были не кто иные, как волколаки, так?

– Так, – подтвердил Брада. Ему, похоже, уже порядком все это надоело.

– Елки-палки...

Время было совсем на исходе. Оставалось одно: предположить – и, может, вероятнее всего, просто я всегда сам себя путаю, – что четверо погибли от моей руки. Точнее, от оснащающей мой костюм системы шокеров. Разветвленная сеть с компьютерным управлением на идеомоторных датчиках. Как раз срабатывает только в случае, если бьешь про-

тивника навырб. Именно шокером.

Всех, кроме того, кто шваркнулся о стену, я отоварил как раз по этому последнему слову техники. А пятого забыл просто с перепугу. Слишком быстро он меня скрутить успел, как-то мне стало не до того.

Глупо, конечно. Но что уж теперь? Какое там напряжение – в шокере? Сила тока невелика, а напряжение... Не помню, где-то киловольты. Вообще прилично. Хотя до настоящей молнии – как до луны пешком. Но где мне здесь другие было взять?

Вот только убедиться в правильности нет никакой возможности. Придется оставить как рабочую гипотезу.

– Пошли отсюда, – сказал я Браде. – Надо стражу позвать. Только я уж сам...

Мы вышли в коридор. Я снова запер дверь взятым у Брады ключом. Брада был угрюм. Он глядел насупленно в пол, придерживая свою котомку, покуда я возился с замком. Потом присел, что-то взяв с пола.

– Посмотрите, Гар...

Поднявшись, он протянул мне что-то на ладони. Я взгляделся. Это был... было... Я толком не понял. Кусочек тонкой проволоки. Или, точнее, двух проволочек, скрученных наподобие косички. Концы изделия довольно аккуратно соединяла пайка. Размер – немного меньше иголки, материал – серебро. Я недоуменно перевел взгляд на Браду, ничего не понимая. Потом, правда, до меня дошло.

Вещь серебряная, значит, дорогая, да еще явно похожая на ювелирную продукцию, здесь под дверью просто так валяться не может.

– Что это? – спросил я все же у Брады – он, похоже, знал это лучше меня.

– Это оберег. – Ответ его меня опять озадачил. – Такие, случается, заказывают обеспеченные люди. – И, видя, что я ничего не понял, пояснил: – Ну серебряный оберег на одежду. Против всякой нечисти. Что-то вроде кольчуги. Нашивают на одежду как узор, украшение. Обычно стараются покрыть все, целиком – потому такая защита стоит уйму денег. Видишь, все детальки сделаны ювелиром? А на все сверху еще наложен наговор. Я не определю, какой конкретно, – слишком кусочек маленький, но...

– Погоди...те, Брада, – остановил я его уже привычно. – Скажите просто, что' это может значить? Случайно это или...

На этот раз Брада помолчал, раздумывая, прежде чем ответить.

– Трудно сказать что-то конкретное, – сообщил он наконец. – Одно ясно – кто-то с таким оберегом побывал здесь совсем недавно. Может, даже как раз в наше с вами отсутствие. Иначе я бы, наверное... – Он замолчал. Только покачал в сомнении головой, разглядывая проволочку.

– Да что же? – Вот незадача! Каждый раз, как доходит до дела, приходится из него слова клещами тянуть. – Ну не

молчите!

– Ну... – он замялся, – я бы почувствовал, наверное...

– Почему?

– Да понимаете, Гар... Человек, способный позволить себе такие обереги, вряд ли носит их просто так... Ну как вам объяснить? Ну все равно что... кто кроме рыцаря, настоящего рыцаря, будет ходить в доспехах? Понимаете? Так и тут. Тот, кто потерял здесь эту частичку от своего шитья, – совсем не обычный человек. Не как вы, по-другому. Как маг. Кто-то очень сильный приходил сюда. Зачем-то. И приходил как раз в то время, когда...

– А он заходил в комнату? – быстро сообразил спросить я.

– Не знаю. – Брада словно с сомнением прислушался к чему-то.

Я вспомнил о его ремесле прорицателя.

– А если нам зайти сейчас? Можно будет там определить?

Он снова подумал. Медленно помотал головой.

– Можно, конечно, попробовать. Но... это ведь не то что тонкие покровы на человеке, здесь совсем другое. Так сразу не удастся.

– Много времени потребуется?

– Да, – кивнул он.

Я махнул рукой.

– Тогда идем.

Времени оставалось совсем уже в обрез.

Я выпроводил Браду через боковой выход, потом нашел

хозяина «Петуха» и сообщил ему о трупах в комнате прорицателя. Добавив, что сам прорицатель, потрясенный случившимся, отбыл развеять грусть-печаль в неизвестном направлении.

Впрочем, это у меня вышло несколько менее игриво. Затем, после того как поставил хозяина перед необходимостью расхлебывать объявившуюся проблему, я забрал свои манатки и официально съехал из гостиницы «Жареный петух».

Хотя мне этого и не хотелось. Впрочем, думаю, найти жилье в торговом городе Терет не составляло особого труда. Проходя через общий зал, по дороге на улицу, я обнаружил давешнюю амазонку, потребляющую что-то десертное.

Вот же ведь! На самом деле минуло едва две четверти часа, не более. А дама, видимо, не торопилась. По необъяснимому наитию я окинул ее внимательным взглядом с головы до пят. Оправдываясь перед собой, что не корысти же ради... Ага, не корысти – а исключительно удовольствия для! Увы! На бумаге не было креста! То есть я хочу сказать, никаких следов серебряного шитья я не обнаружил.

Хотя пялился весьма старательно. Моя гениальная мысль вовсе не торопилась подтверждаться. К сожалению. Гм.

Пока я шел на назначенную встречу – в другом постоялом дворе, – я так и этак пытался вертеть в голове подробности происходящего. Но, увы, не могу похвастаться, что от этого было много толку. Картина по-прежнему оставалась туман-

ной. Даже попытка выяснить с горя, не идет ли кто-нибудь за мной, не дала никаких результатов. Если верить этой проверке – хвостов за мной не было.

Но я ведь не Джеймс Бонд, не штандартенфюрер Штирлиц. Примерно так я и сказал поджидавшему меня в «Козле и баране» Анизу. Он, видимо, специально встречал меня как самый незаметный и маленький из троих. Н-да...

Аниз выслушал меня, кивнул, потом встал и вышел, попросив подождать. Несколько минут я просидел как на иголках. А потом Аниз возвратился и обнадеживающе позвал за собой – все было в порядке.

Мы поднялись из-за стола и пошли внутрь заведения. Где-то в недрах «Козла и барана» вояки снимали комнату. Для своих неведомых мне нужд. В нее-то мы и вошли, пройдя полутемным коридором под самой крышей.

В затемненном помещении, при закрытых ставнях, нас ждали Арх, Ангрест и еще кто-то, кого я раньше не встречал. Человек, одетый неброско, но добротнo, в каком-то местном капелюхе, надвинутом на лоб. Чтобы, видимо, замаскироваться.

Впрочем, не это меня поразило. Он курил сигару! Огромную темную сигарину, небрежно держа ее в пальцах и заполняя пространство перед собой густыми клубами дыма. Притом этот субъект был толст и обладал соответствующими пропорциями большого младенца... Образ выходил потрясающий воображение. Но сигара! Трубки я у здешних абор-

ригенов уже видел. А вот что-либо другое...

Увидев, что я непрерывно таращусь на предмет в его руках, человек добродушно хмыкнул.

– Еще не видел? – поинтересовался он. – Верно, у нас они редко идут. Но я люблю. Так что привозят с юга, где их делают.

Мне это мало что сказало. Но, очевидно, что-то было не так, поскольку Арх предупредительно кашлянул несколько раз – и толстяк умолк. Слегка смущенно. Я вопросительно обвел взглядом присутствующих. Остановился на Архе.

– Этот господин, сударь Гар, – пояснил вежливый Арх, – желал с вами переговорить. На тех же условиях, что мы с вами установили. Мы со своей стороны можем ручаться вам за него как за человека твердого слова и высокой репутации.

Я пожал плечами. Мне скрывать было нечего. Поставив рюкзак у ноги, я сел, прислонив к нему автомат. Поймав при этом любопытный взгляд Аниза: «аксушка» все еще была с глушителем – я так его и не свинтил.

– Кое-что еще произошло, – пояснил я, – покуда я ходил к себе в «Петуха».

Понятливый Аниз изобразил панику:

– Надеюсь, улицы не завалены штабелями убитых?!

– Нет, – сказал я. – До этого не дошло.

Слово за слово я вкратце изложил, что случилось. В очень общих чертах. Причем при сообщении подробностей побоища в комнате Брады Аниз как самый экспансивный бросил

взгляд в сторону толстяка. Когда же я заявил напоследок, что нападавшие были волколаками, тут проняло уже всех. А толстяк даже задал пару вопросов, показавших неожиданный интерес к событиям.

– Да-а, – резюмировал он в завершение, окутавшись ароматным дымом, и после этого смолк. По-моему, он о чем-то раздумывал.

– Вы приобрели опасного врага, Гар, – серьезно сказал Арх, взглянув на меня. – Если это правда...

– Почему нет? – Он меня удивил. Почему не правда, в самом деле?

Выручил Аниз.

– Слишком неожиданно, – объяснил он. – Город для волколаков – совершенно нелюбимое место. Они никогда раньше...

– А ведь я вам говорил, мэтр! – врезался внезапно толстяк. – Предупреждал, что в городе замечали этих... молодцев! И что были подозрительные факты! Что вы мне на это ответили?

Аниз, похоже, слегка оскорбился.

– Я и сейчас, – заявил он, – продолжаю считать так же. Твердых доказательств обратного у нас нет. Не было, – поправился он, взглянув на меня, – до сегодняшнего случая. Кстати, сударь Гар, не могли бы вы уточнить, как погибли те четверо? Это мне кажется очень важным...

Я довольно неразборчиво промычал, что не могу. По-

сколько сам не знаю. Арх пришел мне на помощь, прервав наши словопрения и вернув разговор в русло основного сюжета.

– Гар, – сразу взял он быка за рога, – кроме того, что вы уже нам сообщили, вы, очевидно, не намерены рассказывать нам что-нибудь еще? Я имею в виду то, что мы знаем про вас с момента знакомства. Плюс теперешний рассказ и, – он взглянул мне в глаза, – то, что поведал о вас Залиба. Это, видимо, все?

Я подумал. Представил, как я, небрежно развалясь на стуле и растопырив пальцы, заявляю им что-нибудь вроде: «Да я, ребята, в натуре, из иного мира! Бля буду!» – и как-то усомнился, что стоит такое заявление делать.

Не по форме, конечно. По содержанию. По крайней мере, я покуда был не готов объясняться по этому вопросу. К счастью, оно и не требовалось. Благо другая тема находилась прямо под рукой.

– А что рассказал обо мне Залиба? – полюбопытствовал я.

Арх, прежде чем ответить, задумчиво поскреб пальцем возле уха. Потом сказал:

– Вообще-то, если бы я к этому времени не знал вас и не видел сам то, что было... – он сделал паузу, – я бы, наверное, Залибе не поверил.

– А я бы не поверил точно, – добавил скептик Аниз, улыбаясь.

– Залиба сказал, – продолжил Арх, – что вы в одиночку

взяли штурмом замок Ток. Перебив при этом массу людей, и никто не мог с вами ничего сделать. Так что в итоге уцелевшие бежали без оглядки. Кроме того, вы что-то сделали с самим Залибой и его людьми. Когда они нагнали вас после этого в лесу и напали ночью где-то по эту сторону холмов Брида.

Вот, оказывается, кто это были! Залиба! Однако и оперативно же они меня перехватили. Выследив в глухом лесу. Правда, я и сам не скрывался нисколько. С одной стороны. А с другой – у них же наверняка парочка каких-нибудь следопытов имелась на это дело!

– Почти все его люди погибли, – продолжал Арх. – И сам Залиба чудом уцелел. Потом, он утверждает, вы куда-то испарились, совершенно без следа, словно сгорели. Он с оставшимися в живых спутниками дотащился до Терета, до городского дома барона Потура. А на следующий день один из этих его спутников неожиданно опознал вас в «Петухе». Остальное, думаю, вы и так знаете. Должен вам заметить, сударь, что Залиба до смерти вами напуган. И только глупостью и жадностью можно объяснить, что он не отказался от намерения захватить вас в городе после всего, что уже у вас было.

Закончив все это говорить, Арх продолжал выжидательно смотреть на меня. Как, впрочем, и все остальные. Словно ожидая от меня каких-то объяснений. Я прокрутил в голове все, что рассказал Залиба. Плюс то, что сами они видели.

Получалась жуткая по внушительности и грозности картина. Какой-то Джек-потрошитель. «Спасайся, кто может! Большой Джо идет!» И это все я?! Да есть ли совесть у того паскудника?

– Без комментариев, – хмуро сказал я и сам удивился – так холодно прозвучал мой голос.

Впрочем, отметил я все же, о первом моем визите в замок – оказывается, он Ток называется – Залиба предпочел умолчать. Почему, интересно? Застеснялся? Или... Решил, что не поверят?

Что там все-таки произошло после того, как я окончательно вырубился? Что-то ведь заставило Потура и его людей выкинуть мое тело за парапет замковой стены – в ров.

А то у Залибы вышло просто любо-дорого! Великий эльфийский воин, двенадцати футов росту, с огненным мечом в руке, с сияющими глазами, весь с ног до головы закованный в непробиваемую кольчугу! Босой, но – в мифрильном сапоге! Хоббит перумовский...

Между тем после моего столь определенного заявления возникла несколько напряженная пауза. Прерываемая только сопением курильщиков. Каковыми в этой компании были все, кроме Ангреста.

Этот симпатичный здоровяк терпеливо сидел, отодвинувшись в тень, и все это время молчал. Словно тут его и не было. И не встретиться я с вояками еще по пути в Терет, решил бы, наверное, что Ангрест немой. Хотя было это не совсем

так.

– Простите, господа, – счел я нужным извиниться. – Мне последнее время как-то недосуг было взглянуть на свои действия со стороны. Обобщить, так сказать, пройденное. Спасибо вам, Арх. Правда, добавить мне к сказанному все равно нечего. Разве что... – В приливе откровенности я чуть было не решился ляпнуть про другой мир, но все-таки удержался: – Нет, впрочем, не буду... Тайна моя – она и для меня такая же тайна, как для других. Ни для кого исключений не сделано.

Во загнул! Мне аж самому захотелось остановиться и повторить еще раз, чтобы понять, что же я сказал.

Но, как ни странно, похоже, мой ответ всех устроил как нельзя лучше. Арх кивнул, Аниз понимающе усмехнулся, а толстяк удовлетворенно закутался дымом. Один Ангрест традиционно не выказал реакции.

– Что ж, – произнес Арх, – это более чем удовлетворяет нас на данный момент. – (Да? Почему? – подумал я.)– Мы же в свою очередь можем вам сказать о себе. История наша следующая.

Историю он изложил в самом деле любопытную. Я бы даже сказал – примечательную.

Значит, так. Жили-были пятеро детей. Четверо мальчиков и девочка. Были они примерно одинакового возраста плюс-минус несколько лет. Родители их состояли на государственной службе.

Как я заподозрил – по дворянской надобности. Скорей всего, военные, но вот, чины и звания имели разные. По крайней мере, один был королевский. А у девочки – самый невысокий. Хотя и дворянский, безусловно.

Их собрали вместе, чтоб королевскому наследнику было с кем играть. Ну все было замечательно, просто прекрасно и шло своим чередом, покуда не пришла пора вырасти. Детские игры кончились.

Бывших друзей определили в учение. Мальчики стали во-яками, девочка превратилась в девушку, невесту на выданье. Как положено, красавицу. Начали свататься женихи. И всем вдруг выдали отказы.

Никто ничего не понимал – вот уж мне это знакомо! – но тут к мелкопоместной дворянке явился королевский посланник. С предложением... говорят, руки и сердца. И отказа не получил.

– И что же, – не выдержал я, сразу вспомнив знаменитую в свое время песню, что «все могут короли». – Королю это сошло с рук? Женитьба на какой-то незнатной выскочке?

Оказалось, не совсем так. Род девушки был древний. Древнее даже королевского. И в роду у нее имелись сами Древние Короли, про которых нынче легенды рассказывают. Только со временем род обеднел, утратил былые поместья и влияние.

Но сохранил кровь, с которой любому было почетно породниться. Не зря в свое время ее, еще ребенка, допустили

играть в компании наследника. Брак был одобрен и всячески поддерживался королевой-матерью.

И девушка отправилась в путь в столицу, к своему жениху. Как вдруг на караван совершили нападение (ага, – подумал я, как же иначе!). Отряд неизвестных перебил почти всю охрану и только чудом не захватил саму невесту.

Которая из-за этого вынуждена была не в столицу теперь ехать, а начать скрываться от преследования. Причем неизвестно чьего. Поскольку установить принадлежность нападавших так и не удалось. А без этого король не мог вмешаться, поскольку официальное дознание остановилось на версии обычных разбойников. А подозрения, заставлявшие девушку постоянно скрываться, поддерживались цепью фатальных совпадений. А может, и просто болезнью, поразившей молодую особу на почве нервного потрясения. С ума, значит, слегка сошла невеста-то, ваша милость. Ну-ну... Продолжалось это, однако, довольно долго.

И тогда в королевском замке стало ясно, что дело нечисто. Вот только доказать это не имелось никакой возможности. Герцог северных земель, где происходила вся загадочная катавасия, был одним из вернейших слуг короны. Его сын тоже в свое время удостоивался чести играть вместе с наследником. И усомниться в чем-либо значило вызвать сильное напряжение в расстановке фигур верховной власти в стране. В общем, почти полное бессилие.

Но не все посчитали дело безнадежным. Кое-кто продол-

жал думать. И в результате этих потуг в конце концов действительно придумали-таки. Дюма-пэр вместе с Дюма-сыном могли бы гордиться таким поворотом.

Трое мальчиков, из тех, что играли вместе с наследником когда-то, а теперь стали взрослыми воинами, вояками, отправились как бы сами по себе на север. С целью найти свою бывшую маленькую подружку по играм. Защитить и доставить в Поставль, к жениху. Послала их, полуофициально выражаясь, королева-мать. Но на самом деле решил все и отдал приказ сам король Дарек – пятый в их детской компании. Бывший наследник престола.

– Я готов заплакать от умиления, – признался я, – но при чем здесь Залиба? И не только Залиба? Я, например. – Для чего, интересно, они мне все это рассказывают? Рассказали, вернее. История-то ведь с грифом «топ сикрет». И что в результате теперь должно быть? – Или те же волколаки, которые так упорно пытались добраться до вас в лесу, в полудне пути отсюда?

– Волколаки-то как раз тут случайно, – с некоторым смущением признался Арх. – Мы напоролись на них, совершенно того не ожидая, остановились на ночлег... Вы сами, сударь, видели, в каком месте. Полагали, что опасаться никого не следует. И вот... Ваша помощь оказалась как нельзя более кстати, друг наш. А вот Залиба... Залиба тут при чем самым прямым образом. Придя в город, мы обратились... – Арх покосился в сторону толстяка, подождал немного, потом про-

должил: – Ну мы поспрашивали кое-кого. Из тех, кому могли доверять. И в результате довольно быстро всплыла фигура одного местного барона, вкупе с его колдуном. Колдуном оказался Залиба. По случайному совпадению он был в этот момент в городе, да еще с небольшим числом людей и без хозяина. Мы просто не могли пройти мимо такого подарка.

– Весьма вам признателен, – постарался не остаться в долгу я. Поскольку в тот момент я как раз висел вниз головой и Залибовы костоломы отбивали мне... Впрочем, не будем. – А не боитесь мести со стороны разъяренного барона?

Все дружно выразили свое насмешливое отношение к баронову недовольству.

– Терет – вольный город, – донеслось из клубов сигарного дыма. – Чихали мы на всех баронов...

– Ладно, – я решил пока это оставить, – а удалось ли вам что-либо узнать от Залибы не про меня?

Арх как-то странно покосился на меня после этих слов, но сказал:

– Да. Залиба сказал нам, что девушку захватили именно он и Потур и увезли ее из замка Ток в надел Ветриба, как раз накануне того, как вы ночью ворвались в замок, друг Гар.

Я не о том спрашивал. Но Арх, похоже, не об этом же и отвечал. У меня, во всяком случае, после такого известия началось опять ступорозное состояние. Не иначе ум зашел за разум и не пожелал выходить обратно.

Эх, тыгарки-матыгарки, «Севрюга»-пароход!.. Я едва не

плюнул, но в последний момент сдержался. Вояки и толстяк молча наблюдали за перипетиями моей борьбы с самим собой. Выводы, впрочем, из увиденного сделали правильные.

– Вы не знали, Гар. – спросил Арх, – что Рэра и есть...

– Нет. Откуда? Просто вышел на этот замок. А там и началось... – Я пожал плечами.

– Но вы именно за ней явились? – уточнил наблюдательный Аниз.

Я недоуменно на него посмотрел. И только с некоторым запозданием понял, что он спрашивает, почему я явился сразу же за Рэрой, случайно придя в первый попавшийся замок.

Залиба же им не рассказал, что этому предшествовало. Я, впрочем, всего тоже разглашать не стал. Изложил вкратце, как все было, опустив некоторые подробности. Как в том старом фильме: «Ну и как ты спасся, когда тебя схватили?...» – «А я убежал!» Вот и я так же. А уж потом остальное все приложилось...

– То есть, как я понимаю, – уточнил Арх, подводя итог, – вы наш союзник?

У меня не было намерения отрицать.

– Только... – я решил все же уточнить, – в этом – безусловно.

Я ожидал встречного вопроса, но его, к моему удивлению, не последовало.

– Во всяком случае, я хотел бы поговорить с Потуром по душам, – добавил я, чтоб не выглядеть слишком уж немно-

ГОСЛОВНЫМ.

– Хорошо, – серьезно кивнул Арх, опять продемонстрировав мне какую-то неадекватную реакцию на мои слова. Я совсем другого мог ждать. – Ваше право, Гар. Мы обещаем уважать ваше решение.

На вот тебе! Что мы сейчас с ним сказали?!

– Ладно, – заявил я, чувствуя, что еще немного – и совсем запутаюсь. – Давайте перейдем ближе к делу, друзья. Что мы предпримем?

Арх и Аниз опять почти синхронно кивнули. Но говорить продолжил Арх:

– Если вы не возражаете, Гар, мы намерены проникнуть в замок Цын и освободить Рэру. Собственно, мы собирались поступить так ранее. Но с вашим участием этот визит представляется нам гораздо более убедительным.

Да? Вот так вот? Я нарочно промолчал, чтоб не ляпнуть что-нибудь. Но взамен придумать что-то толковое оказалось мудрено.

– Так просто? – произнес я, скрипя шейными мышцами – от недовольства. – Войти и выйти? Только и всего? А моя роль какова? Вынести вам на блюдечке ключи от замковых ворот? А может, проще, вынести сами ворота, а?

Но Арха моя язвительность не смутила.

– Ну не совсем так, сударь Гар. – Он снова потер пальцем возле уха. – Мы вовсе не требуем от вас взять замок штурмом. Хотя вы, кажется, такое однажды уже проделали... Мы

сможем пробраться внутрь вполне надежным путем. У нас есть силы и средства для этого.' В частности – Залиба. Он послужит нам проводником. Поскольку нам неизвестно точное расположение замка Ветриба. А на месте уже вступит в действие наш план.

Арх покосился в сторону Аниза. Аниз кивнул. Н-да, подумал я.

– Мы проникаем в замок, – продолжал Арх. – Берем в заложники хозяина и забираем девушку. В наши расчеты не входили вы, Гар. Но вы в них отлично укладываетесь. Как союзник вы можете оказать нам неоценимую поддержку на любом этапе. Я ведь прав?

– Да уж, – сказал я. Хотя, пожалуй, следовало попридержать язык. Но слово не воробей... И опять же я действительно хотел поспрошать с пристрастием Потура. Да и Ветриба заодно.

– Таким образом, наш союз будем считать установленным? – уточнил Арх неожиданно торжественным тоном. Не слишком, правда, но заметно.

– Да уж, – только и нашелся повторить я. Ощущение у меня при этом было – будто без меня меня женили. Хотя я и не был против. Впрочем, чего я, на самом-то деле, нервничаю? Ведь действительно – я им союзник: и Арху, и Ангресту, и носатому Анизу. Так что уймись, не вибрируй.

– Минутку, господа! – Неожиданно раздавшийся голос заставил – меня по крайней мере вздрогнуть. Прячущийся

в сигарном дыму толстяк за разговором напрочь вылетел у меня из головы. Оказывается, он умел оставаться незаметным. – Вы так увлеклись, – он выставил вперед сигару, – что совершенно забыли о нашей с вами договоренности!

Арх повернулся в его сторону.

– Мы не забыли. – Голос его звучал ровно, но чувствовалось что-то такое... досада, что ли... – Мы помним, уважаемый... мэтр, – продолжил Арх, – но то, с чем мы сюда посланы, требует от нас в первую очередь исполнения именно его. А уж после этого...

– А после этого, – перебил его толстяк без всяких церемоний, – вы прямиком двинете в Поставль, и только я вас и видел! Вечно вы, люди короля, поступаете одинаково. Тянете к себе. Вы обратились ко мне за помощью, придя в Терет? Я вам помог всеми своими возможностями? А теперь вы забираете свой товар и до свидания? А как же город?

– Мэтр, но мы не можем, – с огромным терпением произнес Арх. – Мы же выполняем приказ. Конкретный приказ. И у нас нет лишних сил и времени отвлекаться сейчас на другие дела! Вот когда мы выполним все...

– А если не выполните? – весьма успокаивающе заметил неизвестный мэтр. Да кто он такой? Запросто препираться с эмиссарами короны не всякий себе позволит. Я попытался задуматься над этим фактом. Толстяк же между тем не ослаблял своего натиска: – А потом, у вас не так уж мало сил, как вы заявляете. Вот, например, своего нового союзника вы

берете с собой. Хотя могли бы этого и не делать!

– Да нам же предстоит схватиться с Потуром! Сидящим к тому же в набитом солдатами замке! – возмутился Арх. Но как-то не на самую полную мощность. Причина этого открылась сразу же – в ответной реплике толстяка:

– Собирались же вы сделать это и без уважаемого мэтра Гара, – невозмутимо откликнулся он, пуская клубы дыма. Толстяк был не дурак поспорить, судя по всему. Даже по позе: сидел расслабленно, развалясь, сцепив руки на животе. Лишь время от времени расцепляя – чтобы поднести ко рту сигару. Сбить его было не так-то просто.

Видимо, это же почувствовал – или знал – Арх. Потому что попробовал зайти с другого конца:

– Разве вы не служите королю Дареку, мэтр? – Он прицельно прищурился на толстяка. Но тот и глазом не моргнул.

– Разумеется. Всем своим достоянием. Но кто позаботится о сохранности достояния, если нечем станет служить? И не заявляйте, сударь Арх, что я веду отступнические разговоры! На что королю Дареку любой из нас в Терете без того, что у нас есть?! Шпионить по кабакам?! Для этого и без нас добра хватает!

Похоже, он Арха уел. Не знаю как, но это было видно. Наступила короткая пауза. Я же за это время, лихорадочно начав соображать, пришел только к выводу, что начавшая было проясняться ситуации опять стремительно запутывается.

– Э-э... – проблеял я. – Не позволено ли будет скромно-

му приедем узнать... э-э... О чем, собственно, речь, господа?! Лично я ровным счетом ничего не понимаю!

Толстяк рассмеялся.

– Что происходит? – переспросил он, тихо трясясь от велья. – Все очень просто! Эти господа, – жест сигарой в сторону вояков, – воспользовались моими услугами. А теперь намереваются отбыть, не расплатившись! Вот что!

– Сударь! – возвысил слегка голос и Арх. – Я попросил бы вас!

– Мать-перемать!.. – не выдержал я. – Да прекратите! Скажите мне толком, в чем дело?

Это на них подействовало. Я, правда, не надеялся. Но все же. Ворча и сопя на своих местах, все четверо все-таки угомонились. А после этого последовал еще один рассказ. Переходящий временами опять в сумбурную перепалку с обеих сторон. В ходе этой своеобразной лекции я, напрягая мозги изо всех сил, сумел вычленить следующее.

Терет – вольный торговый город наподобие, допустим, нашего Новгорода. Не меньше четверти миллиона жителей. Для Средневековья численность немалая. Но это все так, легкое отступление.

Вольный Терет, как и Новгород или, скорее, Мангазея Златокипящая, жил торговлей, ремеслами и лесными промыслами. Судя по тому, что уже сам я видел, жил очень неплохо. Богато.

Теретские торговые караваны ходили походами по всей

Дворанне и далеко за море – на южный материк Коруна. Правила в городе классические «золотые пояса» – как в том же Новгороде или Венеции.

Нормальная торговая республика. Ладно, тоже хорошо. За счет торговли город всегда был силен и непобедим. Пока – где-то лет, наверное, пятьдесят или сто назад – не подчинила его себе Острава. Это тоже понятно. Но.

Но, покорив Терет, остравские короли оставили его себе лично. Сделали, так сказать, городом не местного, а центрального подчинения. Шаг тоже вполне понятный. Закономерный даже, я бы сказал.

Не на прокорм же местной администрации было все это отдать. Вот только две вещи здесь оказались не учтены. Или просто отброшены... Не знаю. Эта самая местная администрация, про которую уже говорилось. Во-первых. И, как ни странно, сам Терет – во-вторых. Впрочем, чего странного. Городу, понятно, хотелось опять стать независимым. Мечта о суверенитете грела сердце. Я сразу припомнил прошедший давеча дома «парад суверенитетов»...

Захотелось поежиться. Тоже мне... Тем не менее всегда какая-то часть городского парламента лелеяла мечту об отделении. Смертоубийственную. Как объяснил мне толстяк, зажав сигару в пальцах. Поскольку едва город обособится, как окажется отделен от моря – ближайшего свободного пространства – кучей таможен, где бароны промышляют этим на жизнь. И на уплату королевских налогов.

Сейчас Терет это минует как королевскую собственность. Тогда же пошлина съест практически всю прибыль. И это в лучшем случае! Но даже и не в этом было в конечном счете дело.

Терет – город северный. Как опять же Новгород. Я уже отмечал. И климат здесь примерно схожий, может, поконтинентальней. Но значит это все равно то же самое, что и для Новгорода древнерусского.

Регулярный хлебный недород. А без хлеба и охота не очень спасет. Все равно протянешь ноги. Терет держится только торговлей, цивилизацией, если так можно выразиться.

А прекрати он платить дань королю – прекратится и государственный подвоз хлеба. А цены на частный вырастут многократно. И все. Даже воевать не понадобится.

Через несколько лет от города останется пустырь. Как в свое время остался от легендарной Мангазеи, жившей на всем привозном – от хлеба до гвоздя.

Выслушав все эти сведения по экономической географии, я все равно ничего не понял. И так и сказал всем четверым. В итоге мне пришлось выслушать еще одну лекцию. На этот раз о политике.

Тот самый правитель северного края, о котором уже упоминали, герцог Беран, спал и видел, оказывается, как бы заполучить под свою руку Терет. И не совсем беспочвенно. Поскольку те самые сепаратисты из городского Совета вполне

об этом его желании знали. И на этом нерве наигрывали, не очень-то скрываясь. Ни та ни другая стороны в этом вопросе не задумывались, каким путем их бред может стать явью.

С чего вдруг королевская казна откажется от самого богатого своего источника? Но, больше того, не задумывались и о том, что будет в случае успеха, – о тех самых последствиях, которые впечатляюще объяснил мне любитель сигар.

Что бы им пришлось делать? Выходом из голодного кризиса могла быть только большая война между Севером и Поставлем. Чем бы она кончилась – бог весть. Или, как тут говорили, одно небо знает.

Но однозначно, никакого порядка на большей части теперешней Остравы не осталось бы. Причем в этом случае закончилось бы все наступлением все той же, уже описанной катастрофической ситуации.

Но я все еще не понял, о чем речь. У меня буквально голова пухла от усилий понять положение. Я снова честно так и сказал своим собеседникам.

– Да откуда ты прибыл, парень? – удивился толстяк. – Посмотри своими глазами. Кому выгодно всяческое ослабление Терета? И любые неприятности городу?

– Герцогу, пожалуй, – ответил я, подумав.

– Именно! – Он даже подался вперед, наставив на меня сигару. – Мы держим у себя львиный кусок северного пирога, парень! Половину, не меньше. А теперь скажи, что будет, если волколаки в наших лесах продолжат множиться с той

же быстротой? То-то! А, между прочим, во владениях герцога и его верных вассалов совсем не та картина, что на городских землях!

– Я попросил бы, – вмешался опять Арх, хотя значительно вежливее. – Во владениях Берана оборотни хозяйничают так же часто, как и в других местах. Расследование установило...

– Королевское расследование! – воскликнул толстяк. – Конечно! А кто его проводил? Вы, может быть?! Уверен, Арх, вас туда и близко не подпустили. Все сведения предоставила администрации Берана. А она у него вся вот где! – Он показал сжатый кулак. – Да и где ей еще быть? Кому в столице интересно заниматься делами скучной северной провинции? Леса да медведи, глушь да скука!

Арх уже не рискнул возразить что-нибудь. Хотя, заметно было, ему есть что сказать. До меня что-то стало постепенно доходить. Но еще далеко не все. Я спросил:

– Иными словами, говоря коротко, между герцогом и городом идет постоянная война, так? И... Нет, все-таки не пойму, при чем тут все же это?

– Уже два года, – хмуро сообщил толстяк, – как я постоянно прошу, умоляю столичную администрацию и требую от нее что-нибудь сделать. Именно с тех пор, как появились оборотни. Это явно повелеваемая атака. Крестьяне скоро побросают свои пашни в лесах и побегут в город. Больше половины хуторов уже заброшены. В этом году они начали вырезать целые деревни! А когда вся эта толпа набьется за город-

ские стены... Что тогда будет?! Что, я вас спрашиваю? Массовый голод? Крестьян с их семьями куда больше, чем горожан. А мне отвечают, что я преувеличиваю! – Он скривился от ярости. Это было так неожиданно, что я даже удивился. Этот человек и вправду, похоже, переживал за положение дел. – И что с нашествием оборотней нам надлежит бороться собственными средствами. Как будто это всего лишь размножившиеся волки! Но главное – я ничем не могу доказать, что это дело рук Берана! Хотя и так всякому видно...

– Господин казнач... – не выдержал наконец Арх. Но сразу же осекся. Чуть подумав, закончил: – ...Чейский секретарь Совета. Настоятельно попрошу вас помолчать. Господин. Герцог. Беран. Ни в чем. Не замечен. Перед. Короной! И пока никем не доказано обратное... Что вы хотите от столицы?! Чтобы Поставль пошел – сам! – войной на Север? Но нам-то это нужно на что? Двинув хоть какую малую силу против Берана – на каком основании?! – король тут же окажется выступившим и против всего вашего края! А в Совете города у Берана, вы сами знаете, почти треть сторонников. А в случае войны их станет две трети! Потому что остальные сделают вывод, что король решил, что прежней платы в налог мало!

Похоже, на этот раз Арх достал толстяка. То есть казначейского секретаря Совета. Интересно, что это значит? Тот стянул с головы картуз, бросил его на стол, шумно выдохнул и сунул в рот сигару.

Затянувшись и выпустив густой клуб дыма, перехватил мой взгляд.

– Да, – сказал он словно в ответ. – Так оно и есть. Чего уж теперь. Я казначейский секретарь Совета Терета – Словинец. Хранитель городской кубышки. Дело стало настолько плохо, что я вынужден прикидываться неизвестно кем, чтоб посмотреть на... – Он открыл рот и посмотрел на меня. Потом закрыл рот. – Извини, парень. Я вовсе не хотел сказать ничего плохого. Просто... просто устал за последнее время.

– Ничего, – отозвался я милостиво, переваривая услышанную новость. Для утешительности добавив: – Меня как только не называли...

Словинец вздохнул.

– И вот, – продолжил он, – когда наконец людей сюда из столицы присылают, что оказывается? Что, даже когда самого короля достала наша северная провинция, столице все равно нет времени ею заниматься!

Мне наконец, кажется, удалось свести воедино все куски этой головоломки. Называемой разговором только по недоразумению.

– Так, – сообщил я всем, стараясь одновременно ничего не упустить из памяти: ни интриг Берана, ни матримониальных намерений короля Дарека. – Объясните мне как особому тупому еще раз – как связан весь этот последний базар с нашим намерением с вояками направиться в замок Цын? Или как его там?

– Цын, – кивнув, подтвердил Аниз. Арх молчал. Ангрест тоже. Вот выдержка у человека!

Словинец показался мне каким-то выжатым. Словно мой вопрос оставил его без сил. Впрочем, может, так и было: сколько я просил мне объяснить? И мне объясняли... объясняли... объясняли. Н-да.

– Вы освободите девушку и предадите суду Потура, – сказал он. – Но что толку-то? Потур – вассал Берана, только и всего. А мне нужен сам герцог!

– Потур может дать показания... – подал голос Арх.

– Кто ими заинтересуется? Найдется тут же несколько десятков свидетелей, уличающих его во лжи. К тому же Беран – герцог, правитель края. Он подлежит только королевскому суду равных. А сколько для -такого суда требуется свидетелей? А? Не-ет, дело совершенно пустое. Поэтому мне и нужно, судари, чтобы один из вас остался и помог здесь навести порядок с этой нечистью! И меня полностью устраиваете вы, сударь Гар. Особенно после того, что эта славная тройца мне про вас рассказала.

Глава 7 Происшествия в путешествии

Вот и первое задание...

От реки пахло сыростью. Тяжелая, темная вода, чуть журча, обтекала нос лодки, монотонно укатываясь к бортам. Брызги ее были холодны. Приближалась осень. На второй

день пути мы свернули в устье небольшой на вид речки, впадавшей в Этер с правого берега.

Почти вплотную к бортам встали сплошными стенами ели. Река извивалась среди них как змея. Кормщик сказал, что речка зовется Крутичка. И в это сразу верилось. Наш челнок то и дело поворачивал носом из стороны в сторону.

Но хода не снижал. Три пары гребцов менялись по очереди у весел. Острый смоленый нос бодро резал холодную волну. Словинец, похоже, и в самом деле дал нам лучшую из своих беговых лодок. Как тут именовались посыльные суда.

Идея с моей стороны отправиться все-таки в замок Цын вместе с вояками встретила со стороны городского казначея почти бешеное сопротивление. Насколько, конечно, это было возможно. Поскольку достопочтенный хранитель кубышки понимал, что, будучи посажен, скажем, «на чепь», пусть и посреди его монетного двора (а есть такой?), я вряд ли буду в полную силу осуществлять его замыслы.

Пришлось ему в конце концов уступить. После того, правда, как я логически доказал, что путешествие необходимо как мне, так и ему – должен же я произвести разведку? Вот сейчас и начну – более удобного случая ждать незачем. А то ведь я, стыдно признаться, и местности-то как следует не знаю. Трое вояков по ходу разговора оказали мне немалую моральную поддержку. В итоге чего оформился окончательный план действия.

Пройти часть пути по воде мне лично показалось сперва

не самой хорошей идеей. Особенно когда принесли местные карты и я попробовал в них разобраться. Уж лучше бы и не пробовал!

Я едва голову не сломал, распутывая странный способ топографической съемки. Хотя, как выяснилось, он не очень отличался от земного. А вся трудность заключалась в том, что карта нарисована была на глазок и от руки. И не содержала никакого масштаба. А один только перечень особых примет, записанный своим, давно сложившимся у местных картографов языком. Ну и с добавлением особенностей реки в указанных участках.

Для нормального человека неразбериха жуткая. Да еще расстояние указывалось не в длине, а во времени – в днях пути. Попробовал бы это все кто-нибудь кроме самих аборигенов уразуметь! Посмотрел бы я на него.

Так что я ничего не понял, даже усвоив принцип местной картографии. Но меня и без того быстро убедили, что я неправ. И хотя до нужного нам места по воде дальше, но зато преодолеть это расстояние на лодке можно быстрее.

Так и появился на свет челн. Неплохая, кстати, посудина. Нечто среднее между вельботом и стругом. Узкая, длинная носовая часть солидно поднята – можно было идти против волны.

В оконечностях и у бортов, как положено, воздушные ящики для непотопляемости. Пока мы плыли, я даже начал присматриваться, не установить ли на эту скорлупу подвес-

ной мотор.

Какой-нибудь «Эвинруд» или «Вихрь». В крайнем случае «Москву» или «Ветерок». Ходкое получилось бы сочетание. Но по размышлении я эту мысль оставил. Шли мы и так неплохо. А непривычный для местного народа мотор мог бы заранее привлечь к нам излишнее внимание. Да и с обучением местного персонала опять же пришлось бы возиться. Так мы и продолжали идти дальше на веслах.

Делать было совершенно нечего. Арх с Ангрестом изредка садились подменить гребцов, я же себе и такого развлечения не мог позволить – грести не умею. Аниз, как пес на привязи, первые дни сторожил Залибу. Пока не убедился, что плененный колдун спеленат надежно. Что он с ним сделал – судить не возьмусь. Потому как со стороны не видно. Внешне же Залиба шел и двигался сам, несвязанный и незакованный. И даже сохраняя полное сознание. На окружающих он старался не смотреть. А меня, похоже, и в самом деле боялся как чумы. Правда, мне это как-то было все равно.

Даже удивительно. Думал одно время, доберусь до него – ноги поотрываю. А вот нет же... В конце концов я нашел себе занятие – быть впередсмотрящим. Сидеть то есть на самом носу челнока. Вплотную к верхней оконечности штевня. И таращиться вперед по берегам, держа автомат наготове. Никто не был против, и я так и проводил время. Возможно, остальные считали, что так поступать у меня есть какие-то основания.

Я сидел, пялился на мерно бегущую воду, на меняющиеся в нескончаемом движении берега – и думал.

О чем, я уже сказал. Обо всем. О своем договоре с Словинцем, о едущем с нами Залибе, о самой нашей операции, скорее бы должной называться авантюрой. И вообще о своем здесь пребывании.

О чем, надо признаться, я как-то последнее время успел подзабыть. Впрочем, объективности ради следует признать, что мне не очень-то давали на это время – сплошные нападения да переговоры.

Интересно, кстати, как там Брада? Надеюсь, я не очень осложнил жизнь скромному бакалавру. Мы с ним так и не увиделись до самого отъезда. И теперь я чувствовал по этому поводу себя несколько виноватым перед ним.

Вопросы же фундаментальные, как то: откуда я, кто я, куда иду? – хотя и задавались по-прежнему, но по-прежнему же оставались без ответа. Более того, я как-то заметил, что мне уже и не очень хочется этими вопросами задаваться.

Надоело. Вот этот мир. Есть. А вот он я в этом мире. И жить как-то надо, только и всего. Неожиданная судьба снова вывела меня вдруг на дорогу, пересекающуюся с путем той девушки. Помочь которой я не смог тогда, в лесу. И у моей совести имелись на этот счет какие-то соображения. Или угрызения... Впрочем, кажется, в текущем времени они никакого значения не имели.

Ладно. Лучше уж о своей робинзонаде подумать. А то вот

– плыву. И, кажется, неожиданно получил вполне серьезную поддержку местных властей. Что уже как-то греет, по старой, видимо, советской памяти. Что еще?

При теперешнем моем снаряжении никаких проблем ни с чем возникнуть не должно – можно с таким же комфортом прожить, как у себя дома. На Земле то есть. В отличие от Земли опять же никаких таможенных сложностей и ограничений.

При желании можно отправиться в любую сторону. Да не просто отправиться, а с первоклассным оснащением. Если немного посидеть да подумать, можно такое из мешка достать – только пальчики оближешь.

Вот именно что из мешка... А что там, по другую сторону? Или кто там? Сколько вообще времени с момента появления такого, как я, должно проходить, покуда его не встретят те, кто вызвал?

Месяц, год, два? Сколько? Или он должен сам их искать? Вот только где?

На третий день пути берега Крутички разошлись, образовав довольно широкое русло, и течение замедлилось. Мы даже ускорили свое продвижение. Миновали раскинувшуюся на берегу деревню.

По реке стали попадаться другие лодки. В основном обычные плоскодонки и долбленки – но в огромных количествах. Берега украсились многочисленными руслами рукавов и притоков. Было видно, что народ тут живет густо и со-

всем иначе, чем в Терете или в лесу.

На наш челнок смотрели с любопытством, но в меру. Лодки из Терета были тут не в диковинку. И лишь из-за спешки мы не стали задерживаться в этом гостеприимном месте и заночевали далеко выше по течению.

Под сухим глиняным яром с красной, осыпающейся породой и угрожающе нависшими над обрывом густыми елями. Впрочем, кормчий уверил нас, что место это безопасно. И верно, обширное пятно кострища свидетельствовало, что здесь мы не первые и не единственные устраиваем привал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.